

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**АВГУСТ
2006**

**АВ
5766**

№ 8 (АВГУСТ)

(172)

ЖИВИ СЕЙЧАС

Сְעִי אִי אֵלֶּי אִי אִי דְאֵלֶּי אִי דִּי נִנְעֵה אֲדֵבֵה עֲצָדָה

Один молодой человек целый день звонил своему отцу на работу и просил с ним поговорить. У отца выдался напряженный день, говорить было недосуг: каждый раз он объяснял, что занят и будет готов побеседовать позже. Вечером они встретились за ужином, сын спрашивает: «Папа, сколько ты зарабатываешь в час?» Отец удивился, но ответил: «Примерно 50 долларов». Тогда сын протягивает ему две десятидолларовые бумажки и одну в пять долларов и просит: «Я покупаю полчаса твоего рабочего времени: поговори со мной!»

В последнее время люди слишком заняты. Вроде бы каждый год появляются всё новые изобретения, цель которых – экономить наше время, разгружать от многочисленных домашних и деловых забот. У бизнесменов появились компьютеры, мобильные телефоны, Интернет и электронная почта, у домохозяйек – стиральные и посудомоечные машины, микроволновые печи... Но на деле свободного времени становится всё меньше. При этом с кем бы из этих занятых людей я ни беседовал, все говорят одно: ничего, это сейчас так много срочных дел, а потом-то всё наладится, вот мы и заживем в свое удовольствие! Только почему-то это «потом» всё никак не наступает – всегда находятся новые дела, еще более срочные и неотложные.

На самом деле человек способен придумать себе занятия на все 24 часа в сутки – да и тех не хватит. Беда в том, что люди слишком ориентируются на других, им непременно нужно иметь всё, что есть у соседа, и еще немножко больше. Это главная беда нынешнего потребительского общества: со всех сторон раздаются призывы купить еще и еще, построить еще и еще, заработать еще и еще... Раньше новые предложения поступали к нам через газеты и по телефону. Сейчас у каждого есть мобильный телефон с пейджером, у многих – мини-компьютер с электронной почтой, и вся эта техника каждую минуту отвлекает нас, навязывает новую информацию, новые возможности. В результате даже тогда, когда в жизни человека происходит действительно важное событие, которого он долго ждал и к которому готовился, – например, свадьба детей или день рождения ближайшего друга, – он не может успокоиться и в полной мере воспринять атмосферу праздника: то и дело приходят новые сообщения!..

Молодые люди, с которыми я встречаюсь, всё чаще жалуются на невнимание родителей. «Мы хотим обсудить с ними важные проблемы, запросить совета – а у них то телефон звонит, то пейджер! В конце концов заявляют нам: видите, как у нас сегодня много дел? Давайте отложим разговор на завтра... Даже когда отец дома, когда у него выходной – он не в состоянии сосредоточиться на беседе с нами из-за множества неотложных дел. Да, родители дарят нам подарки, покупают всякие дорогостоящие вещи – но для нас самое дорогое, что мы хотели бы от них получить, это время на беседы с нами, на занятия с нами, на совместный отдых. А времени-то у них никогда нет...»

Между тем еще наши древние мудрецы предостерегали от стремления «отложить жизнь на завтра». Вот что говорил раввин Эвен Эзра: «Прошлое ушло, будущее не пришло, а настоящее – вот-вот пройдет». То есть люди должны меньше думать о том, что будет, и больше о том, что есть сейчас. Другой известный раввин сказал, что самым лучшим учителем для него стали часы: следя за движением стрелок, которые всегда идут только в одном направлении, он глубже осознал, что время, которое прошло, – ушло навсегда. Больше не вернется. Если ты пожертвовал сегодняшним днем ради каких-то грядущих целей – сегодняшнего дня у тебя уже не будет.

Разумеется, реально люди всегда живут с ожиданием какого-то приятного отдыха или приятного общения в будущем. «Вот когда у меня будет машина, – говорит человек, – тогда я возьму жену и детей, и мы поедем отдыхать... Тогда я смогу посвятить им всё время!» Но вот он заработал на машину – и тут же говорит: «Теперь нужно купить дом! Когда будет дом – тогда я буду сидеть там с женой и заниматься детьми...» Увы! Когда дом появится, этот человек наверняка найдет еще тысячу вещей, которые надо сделать непременно сегодня. А жена, дети, родители и друзья – это «на завтра».

Такой человек всё время гонится за «счастливым будущим», – потом же, когда пройдет его время, он оглянется назад и увидит, что все главные радости жизни так и остались «на завтра». Нет человека, который на закате дней сказал бы, что слишком мало времени потратил на зарабатывание денег, – всегда жалко, что мало времени проведено с родными и дорогими нам людьми... А ведь Б-г дал нам время,

разделил его на день и ночь именно для того, чтобы человек знал: важные дела надо делать ежедневно, не откладывая на потом. Каждую ночь надо спать, утром, днем и вечером – есть, ежедневно – молиться... Найти время для своих близких – это тоже необходимо каждый день.

Известная хасидская притча уподобляет человеческую жизнь пустому кувшину, который нужно наполнить камнями. Каждый человек получает определенное количество мелких камней и определенное количество крупных. Если он сначала будет набивать кувшин своей жизни каменной мелочью, а большие камни – главные дела – оставлять на потом, то они, в конце концов, просто не поместятся в кувшин. И наоборот: если начать с больших камней, то мелкие сами заполнят промежутки между ними. Мы не можем «увеличить кувшин»: невозможно добавить часы – в сутки и годы – в отведенный нам жизненный срок. Но мы можем и должны сделать наше время качественным – жить здесь и сейчас, со всей полнотой, получая удовольствие и давая его тем, кто нам дорог.

Āāāī ūē dāāāēī Dīīīē Āāē Ēāçāð

АВГУСТОВСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Ñ ÑÀÑÈÄÑÊÎÉ ÒÎ × ÈÈ СРАÍ ÈВ

Антология праздников

ÑÏÏÒÀÀÈÒÀÈÛÀÈÒÀÄ Î ÀÛÀÄ

СÎÈÎÒÎÉ ÁÁÍÁÖ Î ÁÐÁÎÑÂВÙÁÍ ÎÈÈÀ

Â ÎÄÍ Ó ÑÒÐÎÈÉÓ ÈÈÈ Á ÁÁÁ

В Торе сказано о венце Первосвященника, что он должен быть из чистого золота, а «на нем надпись, как на печати: “святыня Б-гу”» (Шмойс, 28:36). Талмуд рассказывает нам о споре, возникшем между мудрецами и рабби Элиезером бен рабби Йоси, насчет того, как именно было написано «святыня Б-гу». Мудрецы настаивали, что надпись шла в две строки: вверху был начертан Тетраграмматон, четырехбуквенное имя Б-га, а ниже было написано «святыня». Рабби Элиезер бен рабби Йоси настаивал на ином: «Я видел его <венец> в граде Риме, и “святыня Б-гу” было написано на одной строке» (Шабос, 63б).

Рамбам приводит алохическую трактовку и говорит: «Написано сие было в две строки, а если было бы написано на одной строке, то допустимо такое, и бывали некие короткие промежутки времени, когда писалось всё в одну строку». Из этого мы можем заключить, что, несмотря на утверждение рабби Элиезера бен рабби Йоси, мудрецы не отказались от своего мнения, считая необходимым писать слова на венце в две строки. Поэтому Рамбам говорит о том, что закон на стороне мудрецов, а мнение рабби Элиезера бен рабби Йоси верно лишь в отношении данного конкретного венца, который ему довелось видеть. Обратим внимание, Рамбам пишет о «двух словах на одной строке», именно принимая во внимание свидетельство рабби Элиезера бен рабби Йоси, которое толкает нас к тому, чтобы признать написание в одну строку как приемлемое в силу самого прецедента.

Комментарий Меири утверждает: «И хотя один из величайших мудрецов свидетельствует, что видел в Риме <венец> с надписью в одну строку, это не опровергает того, что известно на сей счет мудрым, хотя слова рабби были утверждением человека, видевшего всё воочию».

Сказанное Рамбамом не идет далее констатации того, что надпись на золотом венце, в которой слова выведены в одну строку, – венце, носимом Первосвященником во время храмовых служб, а позже виденном в Риме, – приемлема только по принципу post facto (по сути же, предпочтительнее, чтобы слова писались в две строки).

То есть использование венца, на котором слова выведены были в одну строку, приемлемо только временно, в течение короткого периода, необходимого для изготовления венца с надписью в две строки. Должны ли мы из этого делать вывод, что именно за такой короткий период Храм был захвачен и в руки римлян попал этот «временный» венец?

יָאִי יָדָא יָא אֲדֵעָא וְעוֹא

Для того чтобы уточнить подход к сформулированной выше проблеме, надо осознать контекст, в котором она существует, а это потребует пояснений. На арке Тита, выстроенной этим императором в Риме после того, как он захватил Иерусалим, изображена, среди прочего, менора. Некоторые считают, что эта менора в точности воспроизводит храмовую менору. При этом шесть ее ветвей изогнуты.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой. У Раши недвусмысленно сказано, что ветви меноры выходят «с обеих сторон наклонно и поднимаются до высоты светильника» – то есть речь идет о прямых ветвях. Более того, слово «кней», которым обозначаются эти ветви, является множественным числом от «кане» – «тростник», прямое растение, растущее по берегам водоемов. Рамбам в рукописи комментария к Мишне нарисовал ветви меноры в виде прямых диагоналей, безо всякого намека на изгиб, а его сын, рабби Авраам, в своих комментариях подчеркивал, что отец сделал этот набросок намеренно, чтобы проиллюстрировать мысль о том, что ветви меноры – прямые и ни в коем случае не изогнутые. Мы видим очевидное различие между этим описанием меноры, какой она должна быть, и изображением на арке Тита.

Возможно самое простое решение проблемы – сказать, что менора, представленная на арке Тита, не является точным изображением храмовой меноры. Об этом, кстати, свидетельствует ряд других, весьма существенных деталей: так, на меноре, какой мы видим ее на арке, присутствует... изображение дракона!

Было бы вполне логично считать, что моделью для меноры на арке послужила не храмовая менора, а какая-то другая, имеющая с ней сходство. Более того, поскольку храмовая менора играла важную роль в ритуале, другие меноры, возможно, делались так, чтобы быть на нее максимально похожими – и в первую очередь на это претендовали те изделия, которые использовались в практиках идолопоклонства. Таково, по всей видимости, происхождение дракона на меноре, изображенной на арке Тита. Судя по всему, можно утверждать, что в данном случае моделью послужила некая менора, претендующая на сходство с храмовой, но не более того.

יָיָאֵעֵי יָיָנוּוּ אִאיֹא

Можно задать ряд вопросов и в связи с комментарием Меири. Рабби Элиезер бен рабби Йоси видел в Риме некий венец. Однако действительно ли виденный им венец был венцом Первосвященника? Вполне возможно, что то был некий венец, весьма схожий с ним. Да, в Риме этот венец хранился вместе с другими предметами храмовой утвари. Однако вспомним историю с менорой на арке Тита. Не может ли быть так, что и упомянутый венец, и менора были имитациями своих прототипов из Храма – но именно имитациями?

Учитывая запрет, о котором говорит Тора: «не делайте для себя» (Шмойс, 20:20) (и который Раши поясняет следующим образом: «Не скажи: Вот я сделаю керувим в домах молитвенных и в домах учения подобно тому, как я делаю их в Доме вечном [в священном Храме]. Поэтому сказано: “не делайте себе, для себя” [т. е. того, что при Мне на небе и при Мне в Храме, не превращайте в божества из серебра и золота, нарушив Мои повеления, а также не делайте их “для себя”]), – мы с уверенностью можем утверждать, что имитации эти никак не могли быть сделаны евреям.

Мудрецы хранили традицию, и, по словам Меири, им было известно, что надпись «святыня Б-гу» содержала две строки. То есть им было известно, что данную в Торе заповедь следует исполнять именно таким образом. Значит, из понимания самой этой традиции вытекает, что венец, виденный в Риме рабби Элиезером бен рабби Йоси, не был венцом Первосвященника.

Более того, мы должны понять, что рабби Элиезер бен рабби Йоси не получил эту традицию от своего учителя. И, видя в Риме венец, он не смог предположить то обстоятельство, которое само по себе не очевидно: рядом с утварью, похищенной из Храма, помещены некие чужеродные предметы. Виденное им, напротив, послужило для него доказательством, что на венце Первосвященника надпись была выведена в одну строку.

Мудрецы же, причастные традиции, не могли принять свидетельство, ей противоречащее, хотя то было «утверждение человека, видевшего всё воочию». В их понимании римский венец, о котором идет речь, не мог быть подлинным.

יִי אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ

Однако остается вопрос: как понимать позицию Рамбама, согласно которой, если мы имеем дело со свершившимся фактом, то можно допустить и надпись в одну строку? Можно ли поверить, что римляне были введены в заблуждение, приняв за подлинную храмовую утварь предметы, не имевшие отношения к Храму, в то время как памятники римской литературы содержат множество подробных описаний Храма и различных его ритуалов? Возможно, это соображение и подтолкнуло Рамбама к утверждению, что ношение венца с однострочной надписью было допустимо – хотя и продолжалось лишь короткое время. «Ор а-хаим» идет в этом вопросе еще дальше, когда утверждает: «даже согласно мудрецам <венец с однострочной надписью> не рассматривался как нечто недопустимое». Значит, мнение Рамбама не должно казаться столь уж спорным. Но всё-таки придется прибегнуть к ряду допущений, чтобы избежать споров и разногласий.

נִי אֲדַאֵי אֵי יוֹאֵלֵינוּ

Вышеприведенная дискуссия имеет непосредственное отношение к событиям нашего времени. Сегодня в результате археологических раскопок были открыты множество свитков, рукописей и фрагментов, которые нередко отличаются от принятых текстов, содержат дополнительные и вставные буквы и т. д. Мы должны отдавать себе отчет в том, что, даже являясь «зримыми свидетельствами», эти тексты, в реальности, не всегда совпадают с нашей традицией. Следует помнить, что нам неизвестно, принадлежали ли авторы «потаенных текстов» к числу «великих мудрецов». Возможно, эти тексты были утаены или отвергнуты как раз потому, что в них было нечто, отклоняющееся от традиции.

Что касается нашего наследия и традиции, передающихся от еврея к еврею, из поколения в поколение, так что цепь непрерывной передачи можно проследить вплоть до времен Моше, то можно сказать с уверенностью, что именно в них хранится истинное и точное знание.

עֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

נִי אֲדַאֵי עֵלֵינוּ

Рамбам, описывая Святыню Святынь Храма, где хранился Ковчег со Скрижалями, на которых начертаны Десять заповедей, говорит следующее: «В Святыню Святынь, на западной стороне находится камень, под которым пребывает Ковчег... Когда Шломо строил Храм, он знал, что тому суждено быть разрушенным. Поэтому он создал особое помещение в Храме, ниже фундамента, где в тайных глубинах можно было поместить Ковчег, к которому вели бы извилистые ходы. Позже царь Йошиау повелел, чтобы Ковчег был перенесен в тайное помещение, приготовленное для него царем Шломо: “И сказал левитам, наставникам всех израэльтян, освященным Г-споду: поставьте ковчег святой в доме, который построил Шломо, сын Давида, царь Израэля; незачем вам носить <его> на раменах; теперь служите Г-споду, Б-гу вашему, и народу Его Израэлю” (Диврей а-ёмим, II, 35:3)».

Далее Рамбам поясняет, что чудесный посох Аарона, первого Первосвященника, также покоится в этом тайном убежище. Ни посоха, ни Ковчега во втором Храме не было. А Урим ве-тумим – нагрудник из драгоценных камней, который носил Первосвященник, во времена второго Храма не давал более пророчеств, вспыхивая буквами, вырезанными в его самоцветах, как то было, когда стоял первый Храм.

Обратим внимание: Рамбам утверждает, что единственная цель, которую преследует его алохический труд Мишне Тора, – дать знание Закона. Но тогда какое отношение к этой задаче имеют кажущиеся здесь неоправданно обширными подробности, касающиеся всего, связанного с укрытием Ковчега? Более того, местопребывание Ковчега подробно обсуждается в Талмуде и ставит то или иное алохическое решение в зависимость от определенного мнения Талмуда, которое, по всей видимости, не имеет никаких практических следствий на уровне Закона.

Чтобы решить эту проблему, комментарии к Мишне Тора поясняют: Рамбаму нужно было проговорить эти тезисы, дабы показать: изначально присущая Храму святость не была утрачена с разрушением первого Храма. В общих чертах идея продолжающейся святости Храма опирается на представление о том, что Ковчег пребывает на своем месте и служит точкой отсчета для локализации Святая Святых внутри священной территории Храма.

Возникает ряд соображений. Во-первых, представления Рамбама о том, что место, на котором стоит Храм, «освящено ныне и в будущем», вытекают из представлений о Храме и Иерусалиме как своего рода «производных» от Шхины, Б-жественного Присутствия, а это Присутствие «не может уйти или быть уничтожено». Однако подобный принцип не связан с одним лишь Ковчегом.

Рамбам должен был бы ясно и коротко сказать, что Ковчег сокрыт где-то в глубинах того пространства, которое изначально было отведено ему в Храме. А он заявляет: «<Шломо> построил помещение, чтобы хранить там Ковчег». Слово «там», судя по всему, указывает на «дом», то есть на храмовый комплекс, а не на Святая Святых – ту часть Храма, где находился Ковчег. То есть Рамбам не выделяет Ковчег и его местоположение. Также он не цитирует один из текстов Талмуда, в котором ясно сказано, что Ковчег находится там «до сего дня» (Млохим, I, 8:8).

Зачем все эти многочисленные подробности, упоминаемые Рамбамом, – то, что царь Шломо выстроил тайное помещение, к которому вели извилистые ходы, что царь Йошияу повелел перенести Ковчег в тайное помещение, вместо того чтобы просто сказать: «спрятал Ковчег»? Зачем цитировать текст Писания, который, казалось бы, вовсе не подтверждает, что царь Йошияу приказал спрятать Ковчег в месте, предусмотренном Шломо? И – какие законы могут быть выведены из всех этих фактов?

Странно звучит в этом контексте и замечание Рамбама о том, что царь Шломо выстроил тайное убежище для Ковчега, «зная, что <Храму> суждено быть разрушенным». Ведь сказано же, что всё в Храме было выстроено согласно повелениям Б-га: «Всё это <сказано> в писании от Г-спода, – Который вразумил меня о всех работах предначертанных» (Диврей а-ёмим, I, 28:19). Как это соотносится с утверждением, что царь Шломо построил убежище для Ковчега согласно собственному разумению?

Уже упоминалось, что Рамбам писал о драгоценных камнях на Урим ве-тумим, которые в эпоху второго Храма не давали более пророческих ответов. Казалось бы, этот факт имеет отношение к разделу, где говорится о храмовой утвари и одеждах, носимых священнослужителями во время службы. Рамбам действительно говорит обо всем этом в соответствующем разделе, – но почему эти темы упомянуты и здесь, в связи с Ковчегом?

Можно предположить, что такого рода связь между нагрудником Первосвященника, не дающим пророчеств во времена второго Храма, и Ковчегом выстроена намеренно.

То, что Рамбам говорит о сокрытии Ковчега в разделе, посвященном зданию Храма, а не храмовой утвари и сосудам, позволяет яснее понять его логику. Размещение Ковчега в Святая Святых, по мнению Рамбама, является «архитектурным» аспектом Святая Святых. Он не упоминает Ковчег, когда говорит о храмовой утвари, ибо для него Ковчег – не утварь, а неотъемлемая часть Святая Святых как сооружения.

Но это влечет за собой еще более сложный вопрос: если во втором Храме Ковчег не стоял в предназначенном ему, согласно замыслу строителей, месте, тогда Святая Святых там не обладала той полнотой, которой должна обладать. Отсутствовал объект, определяющий всё здание Храма.

Отвечая на этот вопрос, Рамбам дает пространные и подробные описания, касающиеся того, как именно был сокрыт Ковчег, – они должны показать, что в Храме не было изъяна, его воздвигли так, что всё в нем было проникнуто святостью.

Сокрытие Ковчега не было предпринято без подготовки, исключительно под давлением обстоятельств. С самого начала, еще при строительстве Храма, для Ковчега было предусмотрено два места: первое – на камне-основании в Святая Святых, а второе – в глубине, в некоей крипте, к которой «вели извилистые ходы» и которая была расположена под Святая Святых. Эта крипта с самого начала мыслилась неотъемлемой частью Храма.

Ковчег перенесен был туда в соответствующих обстоятельствах, однако важно именно то, что структура Храма изначально предусматривала и Святая Святых, и эту крипту, призванную дать укрытие для Ковчега. Значит, требование того, чтобы Ковчег находился в Храме, выполнялось и в том случае, если он пребывал сокрытым в крипте.

Рамбам подчеркивает это: «Когда Шломо строил Храм, он знал, что тому суждено быть разрушенным. Поэтому он создал особое помещение в Храме...» Царь Шломо действовал, руководствуясь не своеволием, а волей Б-га, реализуя Его намерение, – и это Всевышний открыл Шломо, что ждет Храм и что, в свете этого, необходимо предпринять, дабы обеспечить безопасность Ковчега.

Ковчег с необходимостью должен пребывать в Святая Святых. Если же он помещен где-то в глубинах Храмовой горы и место, где он сокрыт, не является тем, что намеренно и изначально предназначено для него, то отсутствие волевого акта, связанного с изначальным намерением, кавана, препятствует освящению всего Храма, тем самым Святая Святых перестает во всей полноте исполнять свою функцию.

Посмотрим под этим углом зрения на слова Рамбама о том, что царь Йошияу повелел, чтобы Ковчег был перенесен в тайное помещение, приготовленное для него царем Шломо. Это сказано, чтобы пояснить еще раз: место, где сокрыт Ковчег, изначально создавалось как неотъемлемая часть Святая Святых. Йошияу правил в те времена, когда евреи находились в зените царства и никакая угроза над Храмом не нависала. Значит, сокрытие Ковчега не было продиктовано страхом перед непосредственной угрозой. А сам акт переноса, между прочим, приравнивался к тому переносу Ковчега во Храм, который предпринял Шломо.

Ритуал переноса соотносился с торжественной церемонией эпохи царя Шломо. Йошияу особо подчеркнул, что Ковчег должен быть перенесен в помещение, приготовленное для него царем Шломо, то есть Ковчег продолжает пребывать на месте, изначально для него предусмотренном: он по-прежнему размещен в самом Храме.

Царь Йошияу говорит левитам: «незачем вам носить <Ковчег> на раменах» (Диврей а-ёмим, II, 35:3). Во время переноса может быть потревожена святость Ковчега, но после того, как перенос совершен и Ковчег водружен в тайной крипте, он сохраняет все свои качества. Ни служение левитов во Храме, ни сам Храм в результате не претерпевают никакого ущерба.

«Теперь служите Г-споду, Б-гу вашему», – продолжает Йошияу, указывая на то, что ритуалы, совершаемые в Храме, сохраняют все свои качества.

Теперь становится понятно, почему Рамбам останавливается на функциях нагрудника Первосвященника, Урим ве-тумим, во времена второго Храма: камни на нем более не вспыхивают блеском, давая ответ на вопрос, как то было во времена первого Храма, но Урим ве-тумим при этом сохраняет присущую ему святость.

Даже сокрытый, Ковчег продолжает быть частью здания Храма, делая возможным исполнение ритуалов и функций Храма. Это же относится и к одежаниям священнослужителей, включая Урим ве-тумим. Как Ковчег придает завершенность и полноту Храму, так Урим ве-тумим придает завершенность и полноту облачению Первосвященника.

וְעַתָּה יָבִיאוּ אֶת-אֲבֵי אֲבֹתֵינוּ לְפָנֶיךָ יְיָ

Теперь мы можем перейти к следующему уровню анализа, касающемуся не только сущностной полноты второго Храма, но и некоторых качеств первого Храма.

Поверхностному мышлению первый Храм представляется не вечным, а временным сооружением: существовала возможность его разрушения, к нашей скорби, осуществившаяся в реальности. Но при этом в вечности Храму был присущ скрытый аспект: тайная крипта, где покоится Ковчег «и до сего дня» (Млохим, I, 8:8). Значит, первый Храм продолжает стоять в вечности, ибо пребывает место, на котором он стоит, а святость места продолжает пребывать, ибо в тайной крипте находится Ковчег, с ним же – Шхина, Б-жественное Присутствие. Рамбам дает нам почувствовать особое качество здания Храма: хотя первый Храм был разрушен, сохранившаяся от него тайная крипта – часть храмового здания – пребывает, отмеченная святостью в настоящем и будущем.

Отталкиваясь от вышесказанного, мы можем понять важное качество, присущее всем трем Храмам – двум, связанным с прошлым, и третьему, который будет воздвигнут вскорости праведным Мошиахом. Все три Храма образуют единство и идентичны друг другу – их не следует рассматривать как три разных здания. Второй и третий Храмы – не отдельные, отличные друг от друга сооружения, они – всё тот же восстановленный первый Храм, ибо он продолжает существовать в их структуре изначально, как неотъемлемая часть.

Эту аналогию можно продолжить, распространив ее на воскрешение мертвых. В воскрешении тело не будет воссоздано «с нуля» (Брейшис Раба, 28:3), а восстановлено из «косточки луз», которая предсуществует в человеческом земном теле и не подвержена разрушению. Тайная крипта с Ковчегом, по сути, эквивалент косточки луз; эта крипта – неразрушимое ядро Храма, из которого восстанут второй и третий Храмы.

Алохический подход Рамбама к этим проблемам дает пространство для многих практических толкований, связанных с разрушением Храма и изгнанием евреев.

Сущностное ядро Храма не подвержено разрушению, и чужим народам не дано возобладать над Домом, посвященным служению Б-гу. Покуда Ковчег пребывает в убежище, Храм длится, – подобно тому, как враги не могут уничтожить евреев, если только те сами не встанут на путь неправедности и не разорвут узы, связующие их с Б-гом.

Даже в дни радости и подъема, когда шло строительство Храма, царь Шломо понимал, что возможно его разрушение и принимал практические действия, учитывающие такую перспективу. Разрушение Храма – часть Б-жественного замысла, который во всей своей полноте будет реализован в строительстве третьего Храма.

וְדַאִי עֵדֵאנְעֵאבִי עֵא

Разрушение Храма в соответствии с Б-жественным промыслом не было самоцелью; оно было призвано подвигнуть евреев к покаянию и вернуть их к Б-гу. «Нисхождение», связанное с разрушением Храма, завершится великим «восхождением» раскаяния – здесь мы видим реализацию хасидской идеи о «нисхождении во имя восхождения». Результатом станет строительство третьего Храма, который пребудет в вечности, как воистину совершенная форма, ибо это – «жилище, что сделал <Ты> Себе, Б-же, – святилище, Г-сподь, что устроили руки Твои» (Шмойс, 15:17).

Обратим внимание на то, что понятия, которыми Рамбам описывает тайное убежище Ковчега, проливают свет на духовную природу евреев: речь идет о глубине, потаенности и извилистых ходах. Итак, было выстроено «особое помещение», где надлежит быть укрытым Ковчегу, ибо Храму «суждено быть разрушенным». Травма, связанная с этим болезненным нисхождением, преобразуется в сокрушение сердца, ведущее к раскаянию в деяниях прошлого и – в дальнейшем – к восхождению на более высокий уровень Б-жественного служения.

Этот уровень Б-жественного служения, когда раскрываются тайны Торы – о которых сказано у царя Шломо: «глубоко, глубоко: кто его постигнет?» (Коэлес, 7:24), – не может раскрыться навстречу обычным духовным усилиям, ориентированным на последовательное восхождение. Интенсивное раскаяние является не в результате следования человека обычными, естественными путями служения Б-гу, но в результате отчаянного и глубочайшего усилия, известного раскаявшемуся грешнику, баал тшува, с его «петляющими» и «искривленными» путями. В результате этого глубочайшего усилия открываются высшие мистические уровни, известные как «глубины сокрытого», достичь которых не способен «прямой свет», но только «искривленный свет» величайшей интенсивности.

Урок, который мы извлекаем из размышлений о Ковчеге Завета, сокрытом в глубинах, куда ведут извилистые ходы, таков: всякий еврей, вне зависимости от того, как низко он пал, извилистыми путями может достичь высочайших уровней покаяния и знания Торы.

Возможно, на то воля Б-жия, что здание третьего, вечного Храма будет вскоре воздвигнуто. Да произойдет так, что это здание окажется выстроено и открыто нашим взорам уже в наше время, время истинного и полного искупления через праведного Мошиаха.

Фарадеем в 1850 году, утверждает, что поверхность льда содержит слой воды. Колебание молекул воды на поверхности льда сильнее, чем у обычного твердого тела, поскольку они не закреплены на месте сверху расположенными молекулами – в результате они создают жидкий незамерзающий слой даже при температуре, намного меньшей, чем точка замерзания. Ученые описывают поверхность льда как имеющую свойства жидкости, но при этом не текущую. Впрочем, обе концепции имеют свои слабые стороны. Теория трения не отвечает на вопрос, почему лед остается скользким даже тогда, когда человек просто стоит на льду и не разогревает его трением. Что же касается жидкого слоя, то такой слой слишком тонок, чтобы достигался эффект скольжения – это было бы возможно разве что при температурах, близких к температуре кипения.

Давайте взглянем на эту проблему под иным углом зрения. Почему мы не скользим по всякой другой поверхности? Что заставляет нас оставаться неподвижными на твердом покрытии?

Суть заключается в самом процессе трения. Когда два предмета вступают в соприкосновение, возникает сила сопротивления, которая препятствует движению и предохраняет, таким образом, от скольжения и падения. Но при этом необходимо выполнение одного условия: оба предмета должны иметь что-то общее. Если поверхность состоит из вещества, не имеющего ничего общего с ногой, то остаться неподвижным на такой поверхности невозможно.

Возьмем, к примеру, воду. Мы не можем стоять на воде, поскольку вода не является твердым веществом и не может выдержать более тяжелого твердого тела. Поэтому мы даже не скользим по воде, а погружаемся в нее – между твердой ногой и жидкостью не возникает трения. Точно так же другие элементы, газообразные по природе (например, огонь и воздух), не могут удержать предмет из более тяжелого вещества. Напротив, земля – твердая, как и наша нога, и в результате может удерживать тяжесть, создавать трение, которое помогает нам сохранять равновесие.

Лед, который является замерзшей водой, имеет парадоксальные свойства: с одной стороны это твердое вещество, способное к трению. Поэтому мы не тонем и можем осторожно передвигаться по льду. С другой – это вода, пусть и не в жидкообразном состоянии. То есть это вещество, «чуждое» земле и почти не создающее трения (лед обладает меньшей плотностью, чем вода в жидкообразном состоянии, поэтому куски льда плавают на поверхности воды). И если лед сильно подтаял, мы не сможем удержаться на ногах.

Как учат мистики, земля и вода – не просто разные, но две полярно противоположные сущности. Земля отражает «явленный» и сознательный опыт, вода – «скрытый» и бессознательный. Будучи абсолютными противоположностями, земля и вода представляют собой конечное и бесконечное. Эти две различные «вселенные» состоят в очень сложных взаимоотношениях и должны быть внутренне разграничены, иначе вода затопит землю. Поэтому мы не можем ходить по воде – только по земле.

Высшая цель состоит в наведении моста между землей и водой, конечным и бесконечным, материей и духом. (Именно для этого два мира однажды объединились, и морские воды расступились.) Но такое единство достигается только в ходе долговременного процесса исправления материала – конечной «земли», – чтобы она обрела бесконечный дух «воды».

Лед – промежуточное состояние между водой и землей. Он имеет что-то общее и с землей, и с водой. Он и твердый, и жидкий. Мы можем ходить по льду, но всё же он скользкий. Скольжение вызвано тем, что два «мира» – земля и вода – соприкасаются друг с другом, создавая трение, но не слишком большое. Таким образом, лед помогает земле навести мост к доселе недоступному миру воды. Однако нужно соблюдать осторожность, чтобы не поскользнуться на льду...

То же самое верно с точки зрения психологии человека. Мы можем поскользнуться, когда переживаем незнакомый опыт. Когда человек находится в привычном состоянии, он не поскользнется, но при этом невозможны никакое движение, никакой рост. А когда вы открыты новым идеям, новому выбору, всегда есть риск потерять точку опоры.

Решение заключается в надлежащем равновесии между уже привычным состоянием и движением вперед, чтобы трение было не слишком сильным и не слишком слабым. Если вы завоевываете новые территории слишком быстро, то всегда есть риск поскользнуться или даже утонуть. Если вы двигаетесь слишком медленно, ваш рост застопорится.

Итак, жизнь – это скользкий склон. Секрет выбора пути состоит не просто в том, чтобы идти по земле, а в том, чтобы изящно скользить по льду. И не просто делать шаг за шагом, а, поднимаясь по горе, тянуться к небесам.

Главное, нужно закрепить себя сверху, чтобы не упасть на скользком склоне.

Два молодых человека однажды в разгар зимы приехали в маленький русский городок. Они хотели найти микву и услышали, что она находится у подножия крутого холма. Спуститься зимой по склону холма никто не мог – настолько он обледенел, – за исключением одного хасида, ежедневно посещавшего микву.

Молодые люди не поверили и на следующее утро решили последовать за хасидом. К их удивлению, он оказался старым и немощным. Приезжие были уверены, что хасиду не удастся спуститься вниз. Однако он спустился спокойно, в то время как молодые люди всё время теряли равновесие и падали. С благоговейным страхом они увидели, как старик вошел в бассейн...

Потом молодые евреи почтительно спросили хасида, как ему удавалось идти по ледяному склону. «Тот, кто закреплен сверху, – отвечал он, – вниз не падает».

БИТВА С ЭКСТРЕМИСТАМИ: ЭПИЗОД 2

Леонид Радзиховский

Я, честно говоря, думал, что после «победы под Сталинградом» – политической ликвидации Д. О. Рогозина – «борьба с фашизмом» как-то незаметно сойдет на нет. «Фашизм сделал свое дело – фашизм может уходить». Но я грубо ошибся – недооценил бурю антифашистских чувств, бушующих в сердце Администрации...

Сначала Общественная палата (ОП) выступила с инициативой о том, чтобы не допускать к выборам партии (политиков), допускавших «экстремистские высказывания». ЕР в Думе удивительно внимательно отнеслась к голосу общественности – а еще говорят, что у нас нет гражданского общества!

Ну-с, а «22 июня, ровно в 4 часа» 13 влиятельных губернаторов, включая Лужкова и Шаймиева, выступили с обращением ко всему российскому народу. В обращении этом не просто поддерживается всё та же идея, но наконец-то экстремисты названы. «Хотелось бы всех поименно назвать, / Да отняли список, и негде узнать».

Вот он – список врагов, духовных наследников фашистов, которых господа губернаторы и пригвоздили к позорному столбу в 65-ю годовщину нападения нацистов на СССР.

Ну, само собой, Лимонов и Рогозин. Собственно, Лимонова с его незарегистрированной партией никто вроде бы и не собирался допускать к выборам. А Рогозин уже стерт с политической карты России. Так о чем (о ком) волнуются губернаторы?

Они прямо называют и «спонсоров экстремистов» – господ Березовского, Гусинского, Невзлина. «Заявления о “силовом захвате власти” и экстремистские действия, приводящие к гибели людей, – звенья одной цепи».

Тут надо пояснить, что полгода назад, в январе 2006-го, неугомонный Борис Абрамыч точно раскрыл свою страшную тайну агентству «Франс Пресс»: заявил, что готовит изо всех сил тот самый «силовой захват» власти. И уж полночь близится – трепещите, мол, тираны, Березовский вышел на бой! Правда, какова связь между этим и, допустим, убийством таджикской девочки, случившимся за два года до грозного призыва Березовского, понять не так-то просто... Если это и «одна цепь» – то весьма запутанная. Впрочем, БАБ – мастер «надежных схем», математик, системный аналитик как-никак.

Так же не вполне ясно, при чем здесь Гусинский и Невзлин, которые вроде бы о «силовом захвате» не говорили... Но губернаторам в любом случае виднее. Кстати, среди подписантов – губернатор

Курской области, некто Михайлов. Я обратил внимание на его честную подпись потому, что кто-кто, а он в антифашизме, можно сказать, собаку съел. Когда (кажется, еще в 2000 году) первый секретарь местного обкома КПРФ Михайлов стал губернатором Курской области, он в интервью абсолютно точно вскрыл причины провалов области при прежнем губернаторе, Александре Рудком. Оказывается, от Рудкого и ждать ничего хорошего не приходится: у него же мать – ЕВРЕЙКА!

Я тогда работал как раз в экстремистской газете Гусинского «Сегодня» и как сейчас помню, написал статью «Гауляйтер Курска», где объяснял, что г-н губернатор вполне законопослушен – правда, руководствуется не законами РФ, а законами Третьего рейха.

Не то с тех пор г-н губернатор поменял взгляды (не то НЕ поменял), но согласитесь: проблемы экстремизма ему, во всяком случае, не чужды. «Тебя, как первую любовь...» И то сказать, у нас вообще антифашисты – люди, до тонкости изучившие свой предмет. Например, Антифашистский пакт (если кто забыл – есть у нас такой) одной из первых подписала ЛДПР...

В общем, понять, с какой такой пионерской радости случилось очередное обострение «антифашизма», не так-то просто. Карта эта «всухую» не идет абсолютно, а никаких ярких событий на этом фронте, слава Б-гу, вроде бы нет. Да и вообще – мало это волнует широкие массы, очень мало. Это вам не коррупция, не цены на жилье, не пенсии. Олигархи, ясное дело, сволочи, но ВСЕРЬЕЗ запугать общество тем, что они «приведут экстремистов к власти», – ну, это же безумие какое-то...

Однако, при всем том, есть в этой инициативе и нечто полезное.

Да, у нас такие «антифашисты», как Михайлов, и такие «фашисты», как Гусинский и Невзлин. Фарс, цирк, пиар пиарыч – всё всем понятно, всё прозрачно, и очень стыдно, что к делу приплели еще и 22 июня... Нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок?.. Всё так.

И вместе с тем, хорошо уже и то, что и НАСТОЯЩИМ неонацистам в этой обстановке будет всё-таки не слишком вольготно жить. Ну, вот, например, Верховный суд вернул на доследование дело Копцева. И мне почему-то кажется, что в этой ситуации наш красавец не получит смягчения приговора, а получит прямо противоположное – его всё-таки признают виновным в «разжигании национальной розни» (напомню, что В ЭТОМ его виновным НЕ признали! «Не разжигал» – он же только резал!..).

Меня, естественно, меньше всего волнует личная судьба этого убоища. Но мне кажется принципиально важным, чтобы подобные ему красавцы знали: сейчас (хотя бы только сейчас) им рассчитывать на снисхождение не приходится. При их удивительной трусости и покорности по отношению к власти, это уберезит нас (да и их!) от многих неприятностей. Так что в этом смысле – спасибо господам антифашистам...

КТО УБИЛ ИИСУСА?

ОТВЕТ – В САМОМ ВОПРОСЕ

Бернард Старр

Иисус учил притчами, так что уместно будет начать с одной из них.

Один малый отправляется в Лас-Вегас и спускает там все деньги – ему страшно не везет. За какие игры он только ни садится, везде проигрывает. Но парень оказался достаточно сообразителен, чтобы заранее купить обратный билет на автобус. Он стоит на остановке и хочет воспользоваться туалетом, однако у него нет монеты, чтобы заплатить. Сердобольный попутчик предлагает ему монету. Тот уже собирается бросить монету в щель, как вдруг видит, что дверь кабинки открыта. Сэкономив монету, он делает свои дела. Идя обратно в зал ожидания, он натывается на десятицентовый игровой автомат, бросает в автомат единственную имеющуюся у него монету и – о, чудо! – берет джекпот в 200 долларов. Тогда парень снова едет в казино, делать новые ставки. На этот раз ему невероятно везет: он выигрывает подряд в покер, блэк джек и крэпс. К чему бы он ни прикасался, всё буквально превращается в золото. В ту ночь он возвращается домой с 200 тыс. долларов в кармане. На следующий день этот малый вкладывает выигранные деньги в акции, что становится началом бурного развития интернетовских компаний. Через короткое время он становится миллионером. Наш герой мудро продает акции и основывает собственную телекоммуникационную компанию. Пустив акции компании в свободную продажу на рынке, он зарабатывает миллиард. Акции его компании быстро растут, и он снова обналичивает их, но получает уже несколько миллиардов. Затем делает серию крупных инвестиций, уже не связанных с высокими технологиями. На сегодняшний день он один из богатейших людей Америки. Эту историю сам герой поведал Джею Лено на «Ночном шоу» в надежде отыскать человека, помогшего ему на автобусной станции. «Да, наверное, волнительно будет увидеть того, кто дал вам монету», – заметил Джей. «Да нет, – ответил миллиардер, – я ищу парня, который оставил дверь открытой». Поди знай...

Кого ему нужно искать? Ведь на самом деле выбор не ограничивается этими двумя. Может быть, спасителем его стал дилер, в самый нужный момент забравший у парня последний доллар и выставивший его из казино на автобусную станцию? А может быть, все остальные, кто внес свой вклад в полосу невезения? Может быть, может быть, может быть... Выбор состоит из огромного количества вариантов. Да и вообще, почему бы не тянуть эту историю от Большого взрыва? Не есть ли это судьба? Неотвратимая вселенская причинность? Если вы способны предложить заведомо непроверяемый ответ, то тогда есть некоторый смысл и в вопросе: кто убил Иисуса?

Ответ на этот вопрос у вас уже готов, если вы ненавидите евреев и хотите видеть в них убийц Христа. Можно, конечно, указать пальцем и на других злодеев, если вы их ненавидите больше, чем евреев. Но проблема в том, что только евреев ненавидели всегда. Во все времена им приписывали коллективную вину и считали заслуживающими суровой расплаты.

Самое странное в этой трагической истории ненависти, что христианское учение ясно и недвусмысленно утверждает: Б-Г УБИЛ ИИСУСА! Б-г пожертвовал Своим единственным сыном во имя искупления человечества от грехов. «Ибо так возлюбил Б-г мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоан., 3:16); «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим., 8:32); «Господа нашего Иисуса Христа, Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, по воле Б-га и Отца нашего» (Гал., 1:3, 4); «В том любовь, что не мы возлюбили Б-га, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши...» (1 Иоан., 4:10). По иронии судьбы, со времен основания Церкви христиане благодарят Б-га за совершенную жертву и Распятие, хотя за то же самое рубили саблями еврейские головы. У христиан есть все причины быть благодарными за то, что они считают Б-жьим даром. Где было бы христианство, если бы не Распятие? Без Распятия никакого христианства бы не было, как мы сейчас это знаем. Если бы Иисус не был принесен в жертву, то правверные евреи, основавшие христианство, пребывали бы в дальнейших поисках и ожидании Мессии – как евреи до сих пор и делают. К сожалению, мало кто внимательно слушает и принимает близко к сердцу христианскую весть и благодарственную молитву. И уж меньше всего это относится к Мелу Гибсону, который воскресил традицию указывать пальцем, при том что полностью запамятовал фундаментальное христианское учение.

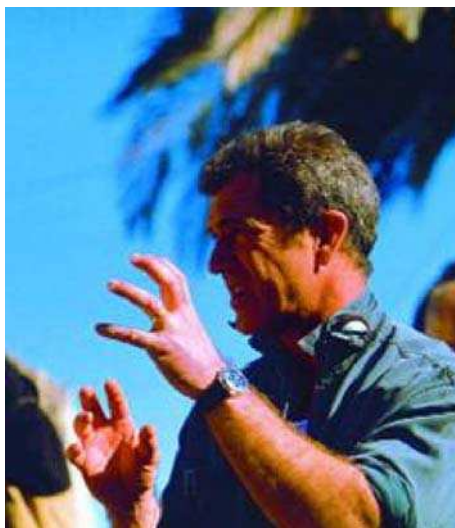
Кроме того, разве Иисус не добровольно отдал свою жизнь во искупление человечества? Разве Б-г или Иисус не могли остановить разворачивавшиеся события и безжалостные садистские пытки, так ярко воспроизведенные в фильме Мела Гибсона? Иисус прямо говорит: «...или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Матф., 26:53, 54); «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего» (Иоан., 10:17, 18).

А если добавить, что, согласно христианской вере, Распятие и Воскресение были исполнением библейских пророчеств – в частности, из Исайя, 53, – то тем более эти события должны были произойти. Все действующие лица, в соответствии с христианским Писанием, – это лишь марионетки в Б-жественно оркестрованной пьесе «Основание христианства». Но тогда не сталкиваемся ли мы с попыткой унижить христианскую теологию – приватизировать Б-га и свести Б-жественный акт к примитивным человеческим мотивам и эмоциям, к жажде отмщения?

Наконец, грозить обвиняющим перстом – не противоречит ли это сострадательным словам Иисуса на кресте: «Отче! прости им, ибо не знают, что творят»? Так где же в христианском сценарии находится место для обвинений или даже для подобной постановки вопроса? Всякая логика здесь исчезает. Но логика – это не история; в данном случае – к несчастью миллионов евреев, которых на протяжении сотен и сотен лет вырезали христиане, подстрекаемые криками ненависти: «убей христубийца!»

Какой тогда смысл в кровавой истории христианского насилия против евреев? Ведь совершенно ясно: христиане всегда знали, что Б-г убил Иисуса! От этого факта никуда не деться – он зафиксирован в Евангелиях и положил начало христианству. Евреям всегда была понятна эта избирательная слепота, вот почему они всегда страшились Креста, христианства и приходили в ужас от вопроса «Кто убил Иисуса?» Евреи знали, что ЭТОТ ВОПРОС – НЕ ВОПРОС, А СКОРЕЕ ОТВЕТ! Задавая его и исключая Б-га из числа подозреваемых, мы оставляем только два возможных ответа: евреи и римляне. Римляне как таковые уже сошли со сцены. Кто остается? Теперь вы видите, почему ОТВЕТ содержится В САМОМ ВОПРОСЕ? Давайте еще забудем, что многие евреи любили рабби Иисуса – его ученики и последователи, которые были иудеями и при этом не намеревались создавать новой религии! По словам Евангелия, тысячи их стекались послушать учение Иисуса: «И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа» (Матф., 20:29); в Иерусалиме «множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге; народ же <все евреи>, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Г-сподне!» (Матф., 21:8); «Народ же <все евреи> говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского» (Матф., 21:11); «Когда же собралось множество народа <все евреи>, и из всех городов жители сходились к Нему, Он начал говорить притчею» (Лук., 8:4); «когда собралось тысячи народа <все евреи>, так что теснили друг друга, Он начал говорить...» (Лук., 12:1); « Приближалась же Пасха, праздник Иудейский. Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа <все евреи> идет к Нему...» (Иоан., 6:4–5); «Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлело людей <все евреи> числом около пяти тысяч» (Иоан., 6:10).

Если бы вы захотели разыскать Иисуса в Галилее, Иудее или в прилегающих местах, то стоило бы начать поиски с местной синагоги – именно там Иисус и апостолы изучали Тору, молились и учились с другими иудеями: «И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать» (Лук., 4:16); «И пришел в Капернаум, город Галилейский, и учил их в дни субботние» (Лук., 4:31); «Выйдя из синагоги, Он вошел в дом Симона» (Лук., 4:38); «И проповедовал в синагогах галилейских» (Лук., 4:44); «Случилось же и в другую субботу войти Ему в синагогу и учить» (Лук., 6:6); «Днем Он учил в храме, а ночи, выходя, проводил на горе, называемой Елеонскою, и весь народ с утра приходил к Нему в храм слушать Его» (Лук., 21:37). Дух замирает при одной мысли о том, что синагогу – духовный оплот учения Иисуса – столько раз поджигали, бомбили, грабили, оскверняли антисемиты во имя Иисуса...

Ī æ Āeāīī í à īīāī ēāō óēēū ā

Не будем также забывать о том, что и до, и после Распятия ученики Иисуса оставались практикующими иудеями. Они читали и изучали Тору, молились в синагоге, совершали обрезание, участвовали в еврейских праздниках и обрядах, соблюдали законы кашруса и отождествляли себя исключительно с иудеями. Они были настолько укоренены в иудаизме, что их потряс апостол Павел: правоверный еврей, который в течение всей жизни, до тридцати двух лет, изучал Тору в Храме, – и вдруг принял язычников в Дом Израилев без совершения завета обрезания, заключенного Б-гом с Авраамом! Через семнадцать лет после Распятия в Иерусалиме был созван Собор, на котором предстояло разрешить вопрос об обращении язычников. Очевидно, что Петр и другие апостолы в то время были всецело погружены в Тору и строго соблюдали иудейские обряды. Даже когда аргументы Павла постепенно убедили Петра согласиться на принятие язычников в иудеохристианство, очевидно, что сами апостолы продолжали соблюдать иудейские обряды и традиции. Они считали их «достойными и более совершенными», указывает «Католическая энциклопедия» и добавляет: «к тому же к иудеохристианам не относилось решение Собора, и они были вольны продолжать соблюдать закон <закон Торы>». Это положило начало спору, который вскоре разгорелся между Петром и Павлом в Антиохии. Последний открыто учил, что закон отменен и для самих иудеев. Петр был с ним согласен, но считал более благоразумным не оскорблять иудействующих и воздерживаться от совместных трапез с христианами-нееврейями, которые не соблюдали все предписания закона». Другие были шокированы принятием неевреев в Дом Израилев: «Услышали апостолы и братия, бывшие в Иудее, что и язычники приняли слово Б-жие. И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними» (Деян., 11:1–3). Позже взятый под стражу Павел говорил римскому офицеру: «Я Иудеянин, Тарсянин...» (Деян., 21:39). Обращаясь к евреям, он взывает: «мужи, братья и отцы...» (Деян., 22:1).

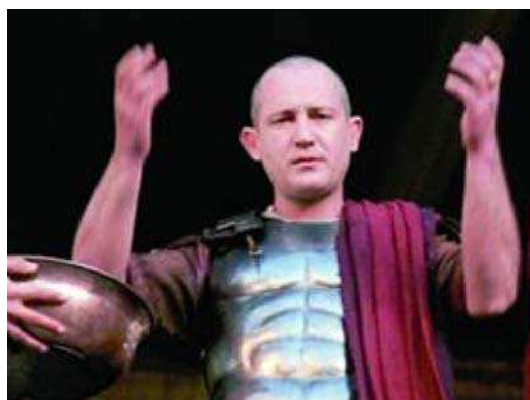
Петр, несомненно, продолжал есть строго кошерную пищу. Павел делал то же самое, по крайней мере, до того, как переменял убеждения: «Я же сказал: нет, Г-споди, ничего скверного или нечистого никогда не входило в уста мои» (Деян., 11:8). Кроме того, нам известно, что служение Иисуса и апостолов первоначально было обращено, главным образом (если не исключительно), к евреям: «истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Матф., 19:28). Только через четыре года после Распятия Павел, прежде преследовавший христиан, пережил обращение по дороге в Дамаск и стал распространять учение Иисуса вне пределов еврейских общин. До того времени Павел находился в одном ряду с наиболее консервативной частью храмового священства: «<Я> преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий» (Гал., 1:14).

Таким образом, соотносясь с антисемитизмом, история иудеохристианства выглядела бы довольно забавно, – если бы во имя рабби Иисуса, на протяжении всей истории, не совершались зверства в отношении евреев и не были пролиты океаны еврейской крови – ради тех самых иудейских обрядов, которые Иисус и апостолы исполняли и любили. Суть раннего служения Иисуса собратьям-евреям заключалась в том, чтобы искоренить из иудаизма обветшавшие духовные ценности и практику: бюрократический храм больше напоминал рынок, чем духовный центр изучения Торы. Иисус хотел возродить Храм как чисто иудейское священное место: «И, войдя в храм, начал выгонять продающих в нем и покупающих, говоря им: написано: дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников»

(Лук., 19:45, 46). То обстоятельство, что Иисус и апостолы были глубоко укоренены в иудаизме, несомненно, подогрело решимость ранней Церкви демонизировать евреев и иудаизм в отчаянной попытке разорвать нежелательную связь, которую Иисус и апостолы проводили между традиционным иудаизмом и духовным учением Иисуса.

Даже если бы Распятие не было предусмотрено Б-жественным планом, а являлось событием земного порядка, всё равно обвинять одну-единственную группу людей – значит проявлять избирательную и бессмысленную ненависть. Иерусалим был еврейским городом. Что бы там ни происходило – это еврейское дело. И возлагать коллективную вину на евреев – всё равно что заявлять: «Американцы убили Авраама Линкольна и Джона Кеннеди». Да, многие американцы в самом деле ненавидели Линкольна и Кеннеди. В недавно опубликованном научном труде доказывается, что Джон Уилкс Бут действовал не в одиночку и что «убийство стало результатом широкого заговора, в который были вовлечены высокопоставленные политические деятели и предприниматели» – все американцы. Точно так же в заговоре, следствием которого стало убийство Кеннеди, принимали участие многочисленные отдельные лица и группы людей, ненавидевшие президента, – опять же американцы. Но почему же никогда не произносились слова: «Американцы убили Линкольна и Кеннеди» – хотя по сути так оно и было? Потому что это глупость. Кроме того, многие другие американцы их любили. Аналогичным образом, в религиозно-политическом котле Иерусалима, где варились много разных партий, некоторые евреи были противниками Иисуса (в основном это храмовая иерархия, по политическим причинам). Несомненно, у Иисуса были и другие противники – как отдельные лица, так и соперничающие группы (разве что-то новое происходит в политике и религии?). Но были и те евреи, которые любили своего соплеменника, рабби Иисуса, – его ученики, последователи, почитатели, о которых говорится в Евангелии. В любом случае Иисус оказался бы в руках римлян, даже если бы храмовое священство не выдвинуло против него обвинений.

Публичное объявление себя Мессией (царем иудеев) и последующие многотысячные шествия по иерусалимским улицам заведомо напугали бы высшее храмовое руководство, которое выступало в альянсе с римлянами: первосвященник Каиафа был назначен римским прокуратором Валерием Гратом. Мессианские выступления часто приводили к насилию; в ответ римские власти усиливали репрессивные меры против еврейского населения. «Царем иудеев» был Рим, уничтожавший любого, кто посягал на его владычество, – много раз именно так и происходило. Провозгласить себя Мессией означало подписать себе смертный приговор: в условиях римского правления и законодательства это был акт самоубийства. Провозглашение Иисуса Мессией повысило напряженность и вызвало плохие предчувствия: сам Иисус и апостолы хорошо это знали. Для жестокого Понтия Пилата уничтожение тысяч евреев было рутинным делом. Так, историк Иосиф Флавий сообщает, что Пилат казнил множество евреев-самаритян – они направлялись к священной горе Гаризим во главе с религиозным фанатиком, который обещал открыть священные сосуды, спрятанные Моисеем. После этого инцидента, по сообщению философа и историка Филона, Пилат был отозван императором Тиберием в Рим и обвинен во «взятках, оскорблениях, лихоимстве, бесчинствах, злобе, непрерывных казнях без суда, ужасной и бессмысленной жестокости». Это кем же надо быть, чтобы выглядеть жестоким в глазах римлян?! Исторический портрет реального Понтия Пилата опровергает образ безвольного, робкого Пилата, нарисованный Гибсоном.

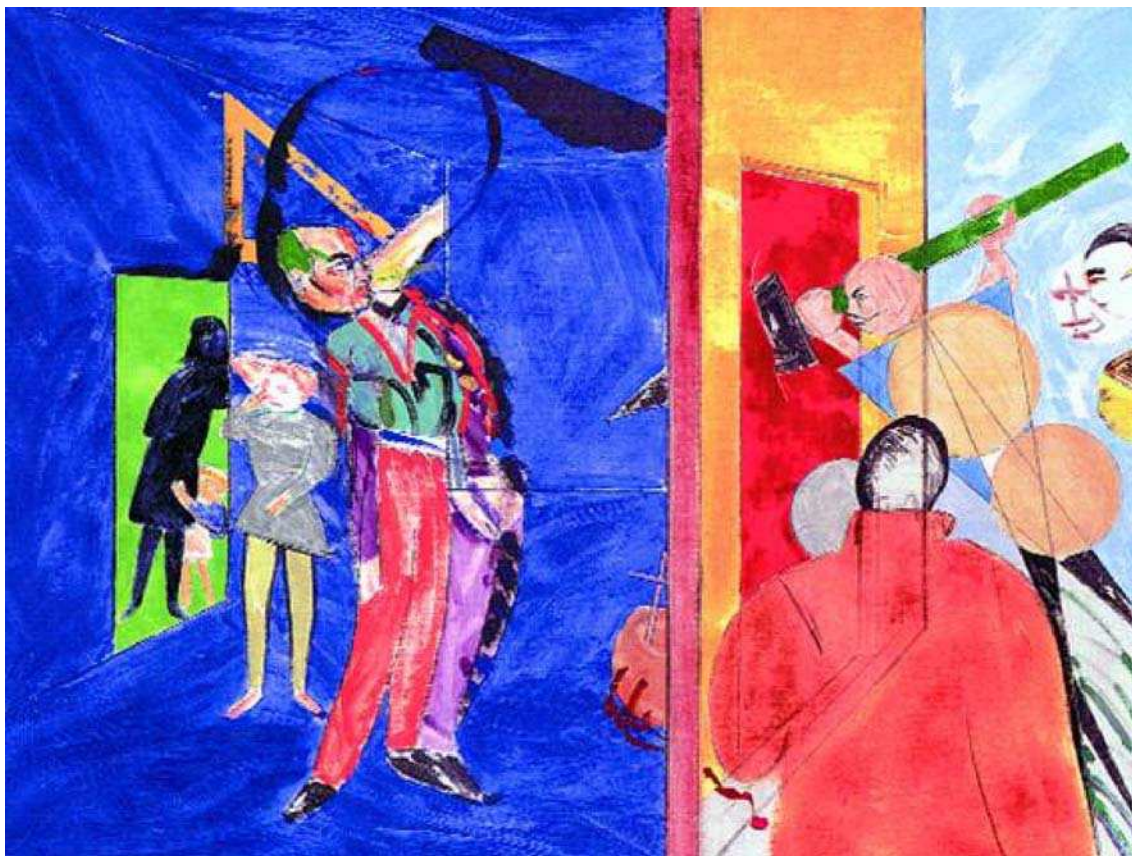
Отметим любопытный факт: никто не распространяет слухи о том, кто убил святого Павла, при том что он «создал религию, известную ныне как христианство» (так считают автор книги «История Бога» Карен Армстронг и другие ученые). Вспомним, что именно правоверный иудей Павел облегчил обращение язычников в иудеохристианство, сняв требования об обрезании и диетарных законах. Как и Иисуса, римляне обвиняли Павла в мятеже, а часть высшего храмового священства – в нарушении законов Моисея и Авраама. В отличие от Иисуса, его не распяли – как римского гражданина, его отправили на суд в Рим. Обстоятельства тюремного заключения Павла в Риме несколько туманны – как, в целом, и вся история

ранней Церкви и жизни апостолов. Но предание и большинство историков согласны в том, что Павлу со временем вынесли приговор и он был обезглавлен римлянами между 62 и 67 годом новой эры.

Разве не удивительно, что самый главный христианин своего времени, основавший Церковь – вероятно, на все времена, – был казнен римлянами в отсутствие наводящей страх еврейской толпы, исторгающего злобу и обвинения в мятеже Каиафы, робкого и нерешительного «доброего парня» Пилата, который вдруг отбросил всё свое сострадание и сомнения относительно возможного убийства святого? Мел Гибсон мог бы нарисовать эту сцену совсем иначе: в конце концов, он способен показать нам и Ганнибала Лектора, в ужасе вздрагивающего от криминальных сводок в одиннадцатичасовых новостях. Но казнь святого Павла римлянами была всего лишь очередной казнью очередного еврея – совершенно незначительное событие, всё равно что глазом моргнуть.

Однако пойдите минутку. Разве итальянцы в Риме – не наследники римлян? Странно, но мне не удалось найти ни одного исторического свидетельства о казаках или прочих героях грабежей и насилий, совершавших смертельные набеги в итальянские деревни с криками «хватай убийц основателя христианства!» Почему? А потому что это глупо – так же глупо, как заявлять: «евреи убили Иисуса». Разница в том, что ненависть к евреям предшествует вопросу: ОТВЕТ – В САМОМ ВОПРОСЕ.

Вы слышали о еврейской телеграмме «Начинайте беспокоиться, факты найдутся»? Печально, что христианская весть на протяжении всей истории слишком часто гласила: начинайте ненавидеть, «факты» найдутся. Традиционалист Мел Гибсон придерживается этой линии. И если факты не обнаруживаются, то их легко придумать – дабы пробудить ненависть. У ненависти нет логических ограничений. Она позволяет тыкать пальцем в кого угодно.

Возвращаясь к притче об игроке-миллиардере: вы решили, кто достоин награды? А что, если вместо того чтобы искать благодетеля и вознаграждать его, миллиардер исполнит ненавистью и направит всю свою энергию, силы и возможности на обвинение и наказание людей из прошлого – тех, кто увольнял и критиковал его, отвергал его идеи, высмеивал и запугивал? Может быть, даже дилеров из Лас-Вегаса, которые лишили его денег и выставили из казино с пустыми карманами? Глупо, ответите вы. Так же глупо, как обвинять евреев, американцев и итальянцев в смерти Иисуса, Линкольна, Кеннеди и святого Павла. Однако попробуйте сказать об этом человеконенавистникам...

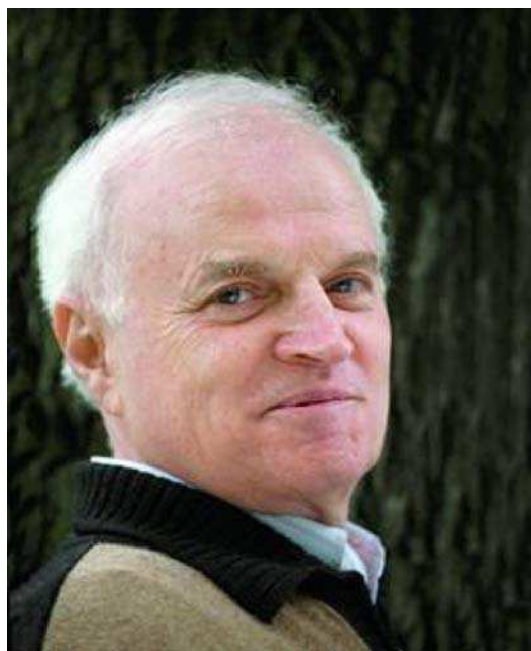
Так что если все согласны, что евреи не убивали Иисуса, не считайте, что тем самым антисемитизм искоренен: ОТВЕТ – В САМОМ ВОПРОСЕ, И НОВЫЕ «ФАКТЫ» НАЙДУТСЯ! Пока мы не остановим примитивную ненависть... Вы слышите, м-р Гибсон?

Ἰδοὺ ἡ σήμετέρα Πόλις Ἰερουσαλήμ

ВИКТОР СЛАВКИН: АБСУРД С СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Александр Рапопорт

Виктор Славкин, писатель, редактор отдела сатиры в журнале «Юность», ведущий передачи «Старая квартира» на телеканале «Культура», был одним из немногих драматургов, кто в советские времена писал абсурдистские пьесы. Их абсурд наполнен узнаваемыми реалиями.

– Виктор Иосифович, среди ваших предков были люди, причастные к искусству и литературе?

– Нет. Славкины родом из местечка Сновск в тридцати километрах от Чернигова. Там жили несколько поколений моих предков, там же родились мои родители. Из этого местечка известный театральный дирижер Натан Рахлин, мой троюродный дядя писатель Анатолий Рыбаков, там же родился и герой Гражданской войны Щорс. Поэтому сейчас городок называется Щорс.

Людей искусства среди моих предков не было. Но мой папа Иосиф Наумович Славкин был очень остроумным и артистичным человеком, хранителем и рассказчиком разных местечковых историй. Он любил эти смешные истории рассказывать за столом, я помню их до сих пор и по ним представляю себе жизнь типичного еврейско-украинского местечка. Я родился в 1935 году уже в Москве, куда отец переехал в начале 30-х, здесь он окончил Станкин. Иосиф Наумович всю жизнь служил в системе трудовых резервов, высоко не поднимался, работал мастером производственного обучения, потом завучем. Благодаря этому он уберёгся в период репрессий: два его брата сидели, а отец мой был почти пролетарий, преподавал в ремесленном училище, так что его не тронули. Девичья фамилия моей мамы Ханкина, она была домохозяйкой.

– В какой школе вы учились?

– Я учился в единственной в Москве академической школе, этот эпитет означал, что у нас было углубленное изучение предметов. При отчетливых гуманитарных наклонностях мне тем не менее хорошо давались и точные науки. И, как тогда было принято, я нес общественную нагрузку, был одним из лучших в школе пионервожатых. С этим связано яркое воспоминание. 5 марта 1953 года стало известно, что умер Сталин. Я учился тогда в десятом классе. Ночью гроб с его телом выставили для прощания в Колонном

зале, а утром мне позвонили из школы и велели срочно явиться к завучу. Оказалось, что от нашей школы выделяют школьников в колонну из 200 пионеров, которые организованно пройдут мимо гроба Иосифа Виссарионовича. Наша школа была особая, поэтому мест нам выделили побольше, нужен старший. «Вот и решились тебя, Витя, назначить, – сказал завуч, – ты – комсомолец и пионервожатый, будешь старшим в этой группе за твою образцовую работу»... И вот едем в горком партии. Приезжаем, в длинном горкомовском коридоре 200 пионеров выстраивают в одну шеренгу. Я стою вместе с пионерами и мало чем от них отличаюсь – через три месяца получу аттестат зрелости, но на зрелого еще не похож, выгляжу пятиклассником... Из кабинета со свитой выходит товарищ Фурцева, в то время секретарь Московского комитета партии. Она медленно движется вдоль шеренги, смотрит на нас и время от времени говорит: «Ты... ты... ты... ты...» И на кого показывает, тот делает шаг из строя. Уже человек десять-двенадцать стоят... И вдруг: «Ты...» – это мне. Я делаю шаг вперед. И еще: «Ты.. ты... и ты». Нас, шестнадцать человек, выводят на улицу. Сажают в четыре легковые машины и везут, куда и зачем не объясняя. Привозят в горком комсомола, заводят в какую-то кладовку и выдают каждому пионерскую форму согласно его полу и размеру. А я – комсомолец! Но уже молчу: осознаю важность момента и не встречаю... Тут нам объясняют, что мы будем стоять в почетном карауле у гроба. Единственный на похоронах пионерский почетный караул от Всесоюзной пионерской организации. А я-то – комсомолец! Но теперь уже совсем поздно... Тем более что форма мне годится, и даже не самый большой размер. Опять в легковых машинах по четыре человека везут нас сквозь все кордоны. В Колонный зал вводят с заднего хода. И вот я уже, как во сне, в комнате президиума. Вижу живые портреты: Буденный, Василевский, Жуков... Маршалы. Снова появляется Фурцева. Осматривает нас – белый верх, темный низ, пионерские галстуки. Собственноручно прикрепляет каждому траурную повязку на рукав. И мне. Хотя я и комсомолец... Нам объясняют, как мы должны выйти в зал и встать там: четверо у головы справа, четверо – слева, четверо в ногах справа, четверо – слева. Мы выходим. Каждая четверка пристраивается в затылок той, которая уже стоит. Какое-то время стоим вместе. Я за Буденным. Из-за серой щеки вижу знаменитый маршальский ус. Маршалы уходят, мы делаем шаг вперед. И вот начались пять минут почетного караула у гроба Сталина. Что помню? Тоже ус. Синий ус генералиссимуса, торчащий из гроба. Я стоял третьим у левой ноги. Справа от меня стояла Ира Мельникова, которая в последние годы на парадах и демонстрациях взбегала на Мавзолей и преподносила вождю цветы. Пять минут проходит, и всё повторяется в обратном порядке. Сдаем повязки, садимся в машины, едем в горком комсомола, снимаем формы, выходим на улицу – и я снова настоящий комсомолец. Если бы Сталин увидел, как его обманули, – в пионерском карауле стоял не пионер и к тому же еврей! – он умер бы второй раз.

Виктор Славкин с Анатолием Васильевым.

Первые европейские гастроли.

Роттердам.

1987 год.

– Чем определялся выбор института, в который вы поступали?

– Папа убедил меня подавать документы в Станкин, который в свое время окончил. Никакой склонности к машиностроению я не имел. На устном экзамене в институте оказался среди тех, кто получил двойку по литературе. Фамилии у всех еврейские. Это было невероятно: по этому предмету у меня всегда были хорошие оценки, не говоря о том, что я писал стихи! Фамилия экзаменатора была Покровский, помню до сих пор. Родители двоечников осмелели, пошли к ректору, встретились с преподавателем литературы... В Станкине родителям признались, что поступило указание евреев отсеять. Это был, как я уже сказал, 1953 год. «Единственное, что мы можем для вас сделать, – сказали в ректорате, – отдать документы и не фиксировать двойки на экзамене». Документы я отнес в МИИТ, на строительный факультет. Строительство было мне ближе, в старших классах я читал книжки по архитектуре, да и мой двоюродный брат посвящал меня в это дело. При этом рисовать я не умел. Благодаря строительному факультету я всё-таки изучал архитектуру, а потом три года работал мастером в Загорске. В этом смысле я благодарен товарищу Покровскому: он не пустил меня в Станкин, зато я попал на строительный факультет и косвенно прикоснулся к архитектуре.

– В студенческие времена вы были стилигой?

– Я любил джаз, собирал музыкальные записи, увлекался Ремарком, Хемингуэем, Пикассо, но сам стилигой не был. Когда я писал «Взрослую дочь молодого человека», стилиги мне были интересны тем, что у них существовал протест на уровне быта. Эти ребята были на самом дне, поэтому с ними ничего нельзя было сделать. В каждом институте, как рассказал мне позже саксофонист Алексей Козлов, был свой Бэмс. И у нас в МИИТе был Бэмс, танцевавший «Чаттанугу-чучу». Он всегда знал, кто, когда и в каком институте будет играть джаз, все собирались вокруг него и шли на танцы. Когда этот человек, посмотрев в спектакле на героя, прототипом которого он являлся, пришел ко мне в журнал «Юность», где я заведовал отделом сатиры и юмора, первое, что он спросил: «Слушай, отчего Бэмс у тебя такой грустный? Я же веселый...» Я ответил: «Это ведь всё фантазия, выдумка, литература...»

– У вас в то время было ощущение, что через некоторое время жизнь изменится, джаз разрешат, цензуру отменят, а ваши пьесы начнут ставить?

– Нет, просвета я не видел, был уверен, что система, в которой мы живем, навсегда. Задача была в том, чтобы найти свою нишу, свой микромир, населенный согласно с тобой думающими людьми. Для творческих людей такой отдушиной часто становилась самодеятельность: для нее можно было писать, в самодеятельности можно было играть, и свободы там было чуть больше, потому что широко это не транслировалось, а контроля на всё не хватало. Окончив институт, я стал думать, что же делать дальше. Поступил в авторскую группу эстрадной студии «Наш дом» при МГУ, которой руководили Марк Розовский, Альберт Аксельрод и Илья Рутберг. Как молодой специалист, я должен был отработать по специальности три года, я и работал мастером в Загорске, но параллельно писал для студии. Мы много занимались поисками формы, добывали книжки Мейерхольда, изучали его биомеханику, и вся театральная Москва приходила к нам на спектакли. Театра на Таганке еще не существовало. Из «Нашего дома» вышли Семен Фарада, Александр Филиппенко, Михаил Филиппов, другие известные артисты. Однажды к нам на спектакль пришел драматург Михаил Львовский, который познакомил меня с Алексеем Арбузовым. Так я попал на семинар молодых драматургов, которым он руководил. Возвращаясь к вопросу, скажу: я считал, что на моем веку ничего в стране не изменится, что всю жизнь я буду читать свои пьесы, которые никто не ставит, пятнадцати своим друзьям из арбузовской студии. Это и будет моя среда.

– Чем вам запомнился Арбузов? Можете вспомнить какие-то яркие ситуации?

– Арбузов был «композитором» своего успеха и своего хорошего настроения. И этому учил нас. Например, он говорил: чувство раздражения по отношению к ближнему непродуктивно. Избегая негативных эмоций, он не ходил на похороны. Он был великим технологом литературной работы. Первое его правило – избегать отрицательных эмоций, в том числе зависти к коллегам или преклонения перед кем-то из них. Если вы сидите, допустим, в Доме творчества и пишете, вы не должны думать, что в соседнем номере пишет Чехов. Что тогда я перед ним?.. Второе его правило: писать одновременно две разные пьесы. Как только вы заходите в тупик в одной из них, у вас заканчиваются идеи, переключайтесь на другую. В итоге одну из этих пьес вы всё-таки напишете.

Реальной советской жизни в его пьесах почти нет, они очищены от социального, кроме, может быть, «Иркутской истории». Именно поэтому они сейчас идут. А пьесы Розова ставят реже – там слишком многое нужно объяснять новому поколению.

Так что Арбузов победил всех своих сверстников. Ахмадулина сказала о нем: «Я уважаю этого человека за то, что свою жизнь он провел между консерваторией и стадионом». Однажды я был делегирован семинаром пригласить его на праздничный обед в ресторан. Он посмотрел на меня гневными синими глазами и сказал: «Как же нужно меня не знать, чтобы звать в ресторан, когда играет “Локомотив”!» Еще он умел превратить плохое событие в хорошее. Опоздав на поезд, который должен был везти его на премьеру в Ленинград, он воскликнул: «Как мне повезло! Завтра я увижу матч “Локомотива” на стадионе, а не по этому идиотскому телевизору». Возвращая мне мою новую пьесу, он обычно говорил: «У меня для вас лекарства нет». Сам-то он писал в совершенно иной манере. Прочитав «Взрослую дочь...», сказал: «Эту пьесу поставят не скоро. Но есть смысл ждать». Пьесу поставили необычайно быстро по тем временам, премьера состоялась через четыре года после написания. Арбузов побывал на премьере и сделал мне замечание: «Автор не должен выбегать, когда его приглашают на сцену, а потом убежать. Он степенно появляется и степенно удаляется». Но я так и не научился...

– Пьесы «Взрослая дочь молодого человека» и «Серсо» можно охарактеризовать как социальные. Но большинство ваших пьес другие. Правильно ли их отнести к театру абсурда?

– Начинать я с абсурдистских пьес. Я очень интересовался этим театром, хотя в те времена получить информацию о нем было трудно. Я выписывал польские журналы, в частности «Пшекруй», где была постоянная рубрика «Сквозь очки Славомира Мрожека». Польшу у нас тогда называли «самым веселым баракком социалистического лагеря». Я читал Мрожека, жившего тогда в Кракове. Мой друг, писатель и переводчик Асар Эппель, научил меня немного разбираться в польском языке.

Кстати, об Эппеле и о том, как проявлялся в быту его настрой ума. Асар Эппель не был классическим стилигой, но всегда модно и со вкусом одевался. Дело в том, что его жена, балерина Мариинского театра, выезжала на гастроли за границу и привозила Асару красивые фирменные вещи. Однажды мы с ним и еще с одним нашим другом ехали в троллейбусе, который ходил мимо Большого театра и гостиницы «Метрополь». В то время только-только поставили памятник Марксу на Театральной площади. И вот проезжаем мы вокруг этого монумента, и Асар – а на нем роскошный переливающийся плащ, мягкая элегантная шляпа, шелковый шарф – громко, на весь троллейбус спрашивает у одного мужика: «Вы возле памятника Энгельсу выходите?» Тот хмуро на него посмотрел и сказал назидательно: «Марксу!» – чтобы хоть как-то вразумить этого абсолютно не нашего человека.

Для получения информации из-за «железного занавеса» существовал еще один источник, помимо польских журналов. Я, допустим, читаю статью в «Советской культуре» 60-х годов. Критик ругает западных драматургов-абсурдистов и, как пример окончательного человеческого и творческого падения автора, приводит отрывок диалога. Я этот отрывок вырезаю и вкладываю в папку. Потом читаю критическую статью в журнале «Иностранная литература», рецензент приводит отрывок из другой пьесы театра абсурда. Я его вырезаю и присоединяю к первому отрывку. Таких разгромных рецензий было много. Соответственно, у меня накапливался материал, который я пристально изучал.

Первую пьесу я написал скорее под влиянием Мрожека, чем Ионеско. Мрожек был ближе, потому что соединял абсурд с восточноевропейскими и даже с польскими реалиями. Абсурд Мрожека в большей степени окрашен человеческими чувствами, чем у Беккета и Ионеско. Когда уже в перестроечные времена я встретился на театральном симпозиуме с Мрожеком и рассказал, что его пьесу «Танго» репетируют в театре имени Станиславского, он не поверил. Когда же я всё-таки убедил его, что такое может быть, он сказал: «Но денег они мне всё равно не заплатят». Так его на всю жизнь напугал СССР. И он, кстати, не приехал в Москву ни на одну из премьер.

Спектакль «Оркестр» Молодежного театра в Софии.

1987 год.

Сантимент есть и в абсурдистских пьесах Хармса. Это сочетание мне нравилось, и я старался в своих пьесах соединять абсурд с бытовой человеческой историей. В моей пьесе «Плохая квартира» абсурд в том, что семья живет в тире, жильцы знают, когда и куда начинают стрелять, когда заканчивают, приноровились к этому. А бытовая привязка в том, что попали они туда из-за жилищного кризиса, другой квартиры нет. И это уже советский абсурд. Есть у меня пьеса «Картина», по ней снят телефильм, она переведена на французский, ее ставили в Париже, Марселе, Бетюне... Для меня особенно почетно, что однажды ее поставили в самодеятельности. Я тогда был в Париже, студенты позвонили моей переводчице Симоне Сент-Мишель, узнали, что я во Франции, и пригласили на премьеру. Играли почему-то в церкви, что тоже можно рассматривать как абсурд. Абсурдистское начало «Картины» в том, что художник-самоучка когда-то написал картину, ее приобрела директор гостиницы, чтобы повесить в номере. И художник всю жизнь приходит в этот номер и беседует с каждым поселившимся в нем человеком о своей картине. А наполнено всё это советским бытом. Провинциальный городок, средней руки номер, в нем – командированный, у него знакомые зрителю проблемы, а тут является художник и непонятно чего хочет...

В театре «Школа современной пьесы» я видел спектакль «Стулья» по Ионеско. Там тоже есть сентиментальность: старики празднуют свой юбилей, они расставляют много стульев, а никто не приходит. Я видел «Стулья» во Франции, где они поставлены как жесткая абсурдистская пьеса. В «Школе современной пьесы» другой спектакль, его поставил Юрский, сам заново перевел пьесу, сам же и сыграл вместе со своей женой Натальей Теняковой. Они насытили спектакль человеческим содержанием, приблизили к человеческим эмоциям. Вот это в театре абсурда я люблю.

И в другие свои пьесы, которые вы назвали социальными, я вводил моменты, где возникают не совсем реальные ситуации. Когда Васильев начал ставить «Взрослую дочь...», многие считали, что это мелкотемье: любовь к джазу, стилиги, стоит ли об этом говорить? А мы хотели показать, что это пьеса о судьбе советской молодежи, что в этой «маленькой капле» можно увидеть историю страны. В определенной мере мы считали «Взрослую дочь...» пьесой политической. Борьба против стилигов была частью борьбы против «космополитизма», против влияния Запада. В определенные моменты действия герои танцуют рок-н-ролл. Когда до этого они сидели за столом, то вели вполне бытовые разговоры, вспоминали свое прошлое. И Васильев говорил, что не понимает, как включать танцы: делать их на бытовом уровне, как на дружеской вечеринке – поговорили-потанцевали, – ему не хотелось. Наконец, вместе с художником они решили развернуть декорацию квартиры, расположить ее не вдоль сцены, а по диагонали. И когда актеры начинали танцевать, они отрывались от этой диагонали, оказывались в другом пространстве, – как говорил Васильев, «где-то в космосе». Понятно было, что это не бытовой танец. Это было продолжение диалога, стремление

выйти за жестко очерченные рамки. Если бы герои танцевали в декорациях квартиры, традиционно расположенных вдоль сцены, такого впечатления не возникло бы. И однажды Васильев мне сказал: «Я не придумал бы это, если бы не знал, что ты начинал с абсурдистских пьес». То есть это подсказало ему, что дивертисменты надо оторвать от реальности. И он это сделал. А зритель, может быть, не отдавая себе отчета, смотрел танец уже как смысловую часть пьесы.

– **О чем была ваша первая пьеса?**

– Первую пьесу «Оркестр» я написал в 1963 году. Придумал историю, происходящую в оркестре между музыкальными номерами. Один из музыкантов пришел на репетицию, забыв дома ключ от футляра. Он никак не может открыть футляр и достать инструмент. Репетиция идет без него, а музыкант чувствует, как выпадает из коллектива. Окружающие начинают по-разному к нему относиться. Одни переживают, другие говорят: и без него хорошо, не очень-то он и нужен. То есть абсурдистская оболочка, но при этом отношения такие могут возникать в любом коллективе. В один из антрактов режиссер его спрашивает: вы помните, на каком инструменте играли? Может быть, мы позовем имитатора, он симулирует звук? К тому времени музыкант уже не может вспомнить, что же у него за инструмент, пытается как-то описать звук, но никто его не понимает. В какой-то момент он слышит шорох и хруст, раздающийся из футляра. Он вспоминает, что вечером положил в него бутерброд с сыром, по-видимому, в футляр забралась мышь, сейчас они съедят инструмент, и музыкант никогда уже не узнает, на чем он играл. Кончается пьеса ремаркой, о которой все мои друзья говорили: «Старик, ты хорошо придумал. Но как это сделать?» Я до сих пор не знаю, как это сделать, но пусть думает режиссер. Наконец-то музыкант находит ключ, распаковывает футляр... И ремарка: «Из красного бархатного нутра на сцену бегут белые мыши».

«Плохая квартира».

Постановка Леонида Хаита.

Израиль.

2001 год.

Я называю это сентиментальным абсурдом. Изучал я и ставший уже классическим западноевропейский абсурд. Видел даже легендарные парижские спектакли «Лысая певица» и «Урок» по пьесам Ионеско. В 1978 году, в недолгий период «разрядки», начавшийся после поездки Брежнева в Америку, мне удалось по частному приглашению попасть в Париж. В Москве мне советовали ни в коем случае не встречаться с эмигрантами, бывшими нашими гражданами. Но среди них было много моих друзей, в частности Гладиллин, Максимов, Наташа Горбаневская, с которыми я не мог не встретиться.

Наташа спросила, что мне хочется посмотреть. Я ответил, что читал о парижском театре, где уже в течение двадцати лет каждый вечер играют две пьесы Ионеско. Об этом писали в какой-то критической советской статье, дескать, вот до чего там докатились. Наташа сказала: «Да, есть такой театр». И купила два билета. Они до сих пор, вот уже тридцать лет, висят над моим письменным столом. Публики в зале было немного, это уже был как бы музей. Я увидел оба спектакля, и это стало одним из самых ярких впечатлений той поездки. А недавно я прочитал, что отпраздновали пятидесятилетие этих спектаклей.

Тогда же, благодаря Владимиру Максимову, главному редактору журнала «Континент», я встретился с Ионеско. Дело в том, что он входил в редколлекцию «Континента». Максимов договорился об этой встрече и дал мне переводчицу. Ионеско мне понравился, у него маленькая смешная фигурка, вывернутые красные веки, он похож на разгримировавшегося клоуна. Во время разговора я спросил: «Господин Ионеско, знаете ли вы, что ваши руки по локоть в крови молодых советских драматургов?» Ему стало интересно, он заулыбался. Я пояснил: если приносишь пьесу, где прослеживается знакомство с театром абсурда, то принимающая инстанция может сказать: ну, это Ионеско какой-то. И для пьесы это смертный приговор.

– Когда вы встречались с Ионеско, не заходила у вас речь о его споре с Беккетом, кто из них родоначальник театра абсурда и кто впервые ввел этот термин?

– Нет, я же пришел к нему не как журналист, а как частное лицо. Было бы нескромно с моей стороны задавать ему этот вопрос. А сам он о соперничестве с Беккетом не заговаривал. Я вел себя как писатель из России, пришедший с ним познакомиться, посмотреть на него. Принимал он меня очень любезно, показывал свои картины. В последние годы он увлекся живописью и писал картины, в которых сочетались кубизм и сюрреализм.

Я спросил Ионеско:

– Вы знаете, что теперь в Москве ставят ваши пьесы?

– Да, мне рассказывали.

– А вы бы хотели поехать в Москву?

– Мне было бы очень интересно.

Вернувшись, я рассказал об этом чиновникам из Союза театральных деятелей. Они заинтересовались, начали готовить приглашение. К тому времени он был уже старым человеком, ведь год его рождения – 1912-й. Хотя я запомнил его очень живым. Дочь Ионеско, ведавшая его делами, ответила, что отец пока нездоров. Поездка эта, к сожалению, не состоялась, вскоре Ионеско умер.

– О чем ваша последняя пьеса?

– Пьеса называется «Тепло одетые в жаркий день». Она опубликована в журнале «Современная драматургия» и пока не поставлена. Абсурдистская фабула соединена с бытовыми и политическими подробностями. В этой пьесе встречаются три голодных человека. Один из них объявил голодовку, другой – следователь, ведущий возбужденное против голодающего дело, – голодает в лечебных целях, а третий – просто голодный бомж. Он появляется в самом конце. Они тепло одеты, чтобы терять меньше калорий.

Герой по имени Миша, объявивший голодовку, солидаризируется с одноклассником – того судят, обвиняя в передаче государственных секретов, что сегодня вошло в политическую моду. Голодовка же дело немодное и бесполезное, но для Миши это единственный способ, которым он может выразить свою солидарность с бывшим одноклассником, которого гноят. Миша – человек, выпавший из сегодняшнего времени.

Ἄ. Νεάγγελι ἀδελφὸ ἀδελφῶν ὁ Υἱοὶ τῆς Ἐπίταφῆς ἰν τῆς ἀποδόσεως «Νόστυ».

Ἰ ἀδελφ.

1988 ἄ ἄ

Ὅτι Ἰ ἀδελφὸς Ἰ ἀδελφῶν

Следователь – тоже человек, имеющий проблемы с новой реальностью: дело, которое он ведет, считается неперспективным, его собираются уволить из органов, когда-то он был верным цербером, а теперь его хотят отправить на пенсию. Он так и говорит подследственному: «мы с вами оба неперспективные, оба списанные»... И у него есть монолог о том, что модель мира – песочные часы: их переворачивают, песчинки, которые были внизу, оказываются наверху, и наоборот.

А потом приходит голодный божж. И все они решают поесть после долгого перерыва, хотя это очень опасно, можно умереть. И вот они трое сидят за роскошным столом. Божж понимает, что есть им ничего нельзя, и один съедает всё. Он набивает рот едой и сквозь набитый рот произносит страстный монолог о несовершенстве мира. Но ни одного слова разобрать нельзя. Занавес.

Когда я писал пьесу, то понимал, что она несовременна. Но это пьеса именно о тех людях, которые не могут измениться, до сих пор живут своей прошлой жизнью.

– Какие режиссеры кроме Васильева ставили ваши пьесы?

– Актер Николай Николаевич Волков, недавно умерший, поставил мою пьесу «Место для курения». Иосиф Райхельгауз снял для телевидения «Картину», где прекрасно играли Сергей Юрский и Петр Щербаков. Фамилии режиссеров из Германии, Соединенных Штатов, Англии, Франции, Бельгии, Швеции, Австрии и других стран я помню не все.

– Что вам интересно в современном российском театре?

– Я хорошо знаю и люблю драматургическое сообщество «Новая драма»: Центр драматургии и режиссуры А. Казанцева, недавно открытый театр «Практика», Театр «dok.», чей спектакль «Доктор» будет в этом году представлять Россию на Театральном биенале в Висбадене. Все они развивались на моих глазах. Сперва была студия Арбузова, откуда вышли Петрушевская, Розовский, Казанцев, я, многие другие. Потом уже мы вели семинары молодых драматургов. Теперь некоторые из наших семинаристов сами руководят студиями, театрами и ведут свои семинары. Их бурный творческий процесс совпал с возможностью осуществить свои замыслы. А мы, увы, этой возможности не имели и проявились очень поздно. Нам уже

было за сорок, а мы только начинали реализовываться. Теперь же автор написал в двадцать три года пьесу – и ее ставят. Так и должно быть!

«Евдокия».

Габее.

1995 г.г.

– Можно ли сказать, что сейчас идет движение от реалистического к формальному театру, что эта тенденция доминирует?

– Да, этот процесс идет. Молодые драматурги пишут пьесы, авангардные по сюжету или по языку. Формальных приемов у них много. Свою фантазию они не регламентируют. А мы иногда вынуждены были ее придерживать, но и это нам не помогало. Арбузов, объединивший в своей студии непохожих на него людей, старался нас поддерживать, хотя писали мы иначе, чем он. Как непохожи, например, он и Петрушевская! А он любил ее больше всех нас. Как эстет, он понимал, что могут быть разные манеры письма и что он должен помочь молодым, пишущим отлично от среднесоветского образца. В то же время, как человек эгоцентричный, он подпитывался нашей энергией, современным духом, черпал новый сленг. И не стеснялся об этом говорить. Это было взаимное обогащение. Не случайно его пьеса «Жестокие игры» посвящена студии. Он не написал бы ее, если бы не было студии. «Наши старики», как мы их называли между собой, – и Арбузов, и Розов, и Штейн – старались помогать молодым авторам, не похожим на них. Теперь это пробуем делать мы.

БУДИНСКИЙ ПАШАЛЫК

ÁÁÐÁÈ Á ÎÑÌ ÀÍÑÈÎÈ × ÆÑÒÈ ÁÁÍ ÁÐÈÈ XVI-XVII ÁÁÈÎÁ

Ирма Фадеева

Турецкое господство на венгерских территориях в XVI–XVII веках европейские историки (советские в том числе) оценивают как препятствие для развития этой части Европы. Имеются в виду, конечно, венгры. Эта же эпоха в различных исторических источниках, и еврейских, и христианских, отмечена как самая благоприятная для венгерских евреев, поскольку доосманский период их жизни в этой стране был полон ограничений и опасностей. После изгнания турок из Буда еврейские кварталы были полностью уничтожены.

Áèòáí îðè Î îðà:á

Венгерские власти в своих репрессиях против евреев нисколько не отставали от правителей других европейских стран. Евреев изгоняли из многих городов Венгерского королевства, в котором они жили еще во времена первых королей династии Арпадов (IX–X века). По традиции они служили там придворными врачами, финансовыми советниками, работали на монетном дворе.

В XVI веке Буда оказалась под властью турок, и тогда-то, по свидетельству Йосефа а-Козна, евреи обрели известное покровительство властей. Еврейские источники характеризуют общину Буда того периода как одну из процветающих. Правда, они сообщают о кратковременном ее упадке начиная с 1526 года, когда султан Сулейман I Кануни (Законодатель) вывез в Стамбул еврейских ремесленников и торговцев. Расселенные в Стамбуле и других османских городах, они десятилетиями хранили традиции покинутой общины.

Военным успехам турок в Венгрии способствовал упадок королевства, симптомами которого были разорение крестьянства, внутренние распри, снижение боеспособности королевских войск.

После разгрома венгерско-чешских отрядов при Мохаче в 1526 году Восточная и Центральная Венгрия подпали под власть турок. Небольшая их часть вошла в состав образовавшегося Трансильванского княжества, а западные земли вместе с Чехией и Хорватией были захвачены австрийскими войсками. Султан

посадил на венгерский трон князя Трансильвании Яноша Заполью, а сам с богатой добычей отбыл в Стамбул.

Вокруг австрийского императора объединились все антитурецкие силы. С 1526 года и до конца XVII века шла непрерывная борьба турок с Австрией за обладание всей венгерской территорией.

О сражении королевских войск за Буду с турками (1526 год) источники дают подчас противоречивые сведения. Оно состоялось после битвы при Мохаче. Выиграв битву, султан Сулейман I Кануни направил войско на север, к Буде. Еврейское население осталось в городе, надеясь на толерантность турок. Да и деваться евреям, в сущности, было некуда, поскольку венгры изгнали их с западных земель. Именно оттуда они и прибыли в Буду. Вот как трактует сложившуюся ситуацию турецкий хронист: «Здесь, в крепости Буды, остались лишь бедняки да евреи. Когда наши знамена засверкали, как солнце, и свет их озарил город, вышеупомянутые евреи повязали вокруг шеи похоронные покрывала и вышли встречать победоносную армию с опущенными головами, моля о милосердии».

Еврейский источник сообщает о прибытии султана в город и приводит его слова: «У меня сегодня 200 тысяч солдат. Осмелитесь ли вы противостоять мне?» Жители Буды в страхе бежали. Евреи же остались и воззвали к Г-споду о милости. Еврейская делегация вышла навстречу султану, поклонилась, вручила ключи от города и подарки...

Христианские летописцы по-разному излагают события, связанные с захватом города. Один из них свидетельствует, что турки, взломав ворота, ворвались в город. Начались резня и грабежи. Однако на евреев турки не нападали.

Иную картину рисует другой христианский автор. Он утверждает, что турецкие отряды грабили и жгли всё и всех без разбору. Дошли они и до еврейского квартала, где якобы убили около трех с половиной тысяч человек. И только двадцать обитателей квартала сумели спастись. Есть еще одна версия. Султан будто бы спросил евреев, не хотят ли они отправиться с ним в Малую Азию. И когда те ответили, что предпочли бы остаться, он приказал убить стариков, а женщин, детей и мужчин помоложе в качестве пленных увез с собой.

При всем разном в сведениях многие христианские тексты, где велся подсчет погибших при взятии Буды евреями, сходятся в одном. Турки, по их мнению, считали евреев врагами, которые заслуживали смерти. Однако нашедшие эти документы венгерские исследователи полагают, что вывод христиан не надо принимать на веру. Скорее всего это пропаганда, имевшая целью изобразить турок кровожадным, не ведающим милосердия народом. Позиция христианских авторов отнюдь не была продиктована сочувствием к евреям; они, эти авторы, лишь стремились вызвать страх в европейцах и консолидировать антитурецкие силы.

В ряде христианских источников вообще нет упоминания о каких-либо людских потерях, но сообщается, что «турецкий император приказал посадить евреев на корабли и отправить их в города Османской империи». Султан будто бы обещал пощаду тем, кто согласится уплыть с ним в Малую Азию. Версия эта подтверждается и турецкими, и еврейскими источниками. Султану приписывается такая фраза: «После взятия Буды я захватил евреев и погрузил их на корабли». Турецкие источники однозначно оценивают этот факт как благо, избавившее евреев от нищеты. Они сообщают, что после захвата Мохача более двух тысяч семей были вывезены в Османскую империю, однако нигде не упоминают о резне. Впрочем, другой османский автор, описывающий захват Буды в 1526 году, сомневается в том, что евреи действительно были депортированы из города. По его сведениям, глава общины Иосиф бен Шломо получил от султана Сулеймана указ, дарующий особые привилегии ему самому и его потомкам. Это подтверждено и преемниками Сулеймана, в частности султаном Абдулом Азизом, в 1868 году продлившим действие привилегий.

Некий христианин, объявивший себя очевидцем описываемых событий, утверждал, что за три дня осады турецкие войска понесли столь крупные потери, что убитых негде было хоронить, и турки вынуждены были для погребения своих воинов воспользоваться еврейским кладбищем. Это он написал спустя три года после взятия города. Однако точную дату не привел, отчего степень достоверности его текста определить весьма трудно. Город неоднократно отвоевывался у турок австрийцами и венгерскими отрядами, правда, на непродолжительное время, и лишь в 1541 году турки окончательно укрепились в Буде, превратив захваченные земли в обычную турецкую провинцию (Будинский пашалык). Только тогда город стал крупным административным и торговым центром западных владений султана. Поэтому быстрый, но непродолжительный успех турок в 1526 году вряд ли мог сопровождаться такими уж огромными потерями.

Возможно, автор записок хотел убедить читателей в том, что турецкие войска вовсе не были столь непобедимы и что их успех – следствие сговора с евреями. В противном случае разве могли бы они хоронить убитых на еврейском кладбище? Вывод его, по-видимому, один: если турки – враги, то евреи – тоже.

**Warhafftige Anzeig
ung wie es im Lager
vor Ofenergang-
en ist.**

17. 10. 21.

Àèòàà ì òè Áóóá

Èç öðñíéé

Àòíðäý ì íéñáéí à XVI á

Исходя из этих разнородных суждений и фактов, можно всё же допустить, что, в соответствии с обычной практикой турок, султан Сулейман действительно мог отправить часть еврейского населения в глубь османских территорий. Вряд ли евреев о чем-либо спрашивали. Вряд ли у них был хоть какой-нибудь выбор. Насильственные перемещения малых и больших групп завоеванного населения были известны с глубокой древности. Правители стран-победительниц расселяли побежденных на своих исконных землях для оживления хозяйственной деятельности в разных областях государства или ради предотвращения возможных восстаний. В XV–XVI веках османские правители вообще практиковали депортации. В 1514 году с иранских территорий в Стамбул была переселена группа ремесленников, а уж в 1572 году десятую их часть вместе с семьями оттуда переместили на Кипр, дабы пополнить число сельскохозяйственных рабочих.

Известно, что после взятия турками Константинополя в 1453 году в новую османскую столицу вместе с христианскими этническими группами были отправлены и евреи. Им предстояло содействовать восстановлению города. В Османской империи не хватало ремесленников и торговцев. Во многих турецких документах отсутствуют имена переселяемых людей. Указаны лишь их число и вероисповедание. Кстати сказать, переселенных евреев не принуждали принимать ислам. У них не отбирали детей для подготовки к службе в янычарском корпусе, от чего страдало христианское население Балкан.

Путешественник Ганс Дерншвам был удивлен, увидев, что турки не обращаются с евреями, как с рабами, что их не продают на невольничьем рынке, как это часто случалось с пленными. Впрочем, в обычае евреев было выкупать из неволи своих единоверцев.

В еврейской общине Буды преобладали ашкеназы. Во многих других османских городах большинство составляли сефарды. Евреи, прибывавшие на новое место жительства, должны были следовать принятым там обычаям. Однако группа евреев из Буды сумела сохранить свои установления. Религиозные предписания и праздники для всех общин, конечно, были едины, но время молитвы, иногда даже тексты, за исключением псалмов Торы, не всегда совпадали. Были различия и бытового характера. Есть сведения, что полигамия, запрещенная в ашкеназских общинах, имела место у некоторых сефардов вплоть до XX века.

На новом месте евреев Буды называли «хагар», «унгурус», «будун». Их речь отличалась от языка других ашкеназов. Устроились в Стамбуле они неплохо; в основном занимались торговлей. В 1554 году их синагога была уничтожена пожаром. Пришлось ходить в синагогу других ашкеназов.

Двенадцать семей венгерских евреев в 1554 году поселились в Цфате. К 1564 году в городе таких семей было пятнадцать. Они основали собственную ешиву, финансируемую неким Ноахом, евреем из Буды, благотворителем, помогавшим бедным.

Deñiŕ te daeŕi ŕò ðeòeè ñò àñŕé ñeŕ aãŕæ Ácãu.

XIV á

Евреи Буды, волею судеб осевшие в нескольких балканских городах: Софии, Видине, Салониках и Плевне, – оказались ближе к родным местам. В Плевне, правда, им не повезло. Евреи этого города отнеслись к пришельцам враждебно, с предубеждением. Запрещено было всякое общение с ними, оказание им какой-либо помощи, а также совместное обучение плевенских детей с их детьми. Отвергнутые общиной не имели права на совместное с ней обращение к воеводе в случае необходимости. Ситуация изменилась только после смены раввинов. Новые главы общины, Йосеф Леви и Леви Ицхак бен Яаков, объявили решения своих предшественников «ничтожными», то есть недействующими. Они руководствовались принципом, по которому отлучению от общины могут быть подвергнуты только отдельные люди за конкретные провинности, но отнюдь не целые группы единоверцев.

Как правило, прибывшие приспособлялись к новым порядкам, через одно-два поколения устанавливали с местной общиной семейные и деловые связи. И определить их происхождения теперь можно было лишь по имени.

Часть увезенных из Буды евреев в 1534 году всё же сумела вернуться обратно. Однако дома их к тому времени уже захватили местные жители, воспользовавшиеся нестабильностью ситуации в те годы, когда город переходил из рук в руки, венгерские короли подтвердили «законность захватов еврейской собственности» тем обстоятельством, что евреи якобы были заодно с турками. О таких «захватах» говорится в нескольких сохранившихся документах.

Но даже в годы нестабильности (1526– 1541) евреи по-прежнему занимались посредничеством, связывая между собой таким образом различные части Венгрии. Ненавидевшая и презиравшая их венгерская знать не могла обойтись без их содействия.

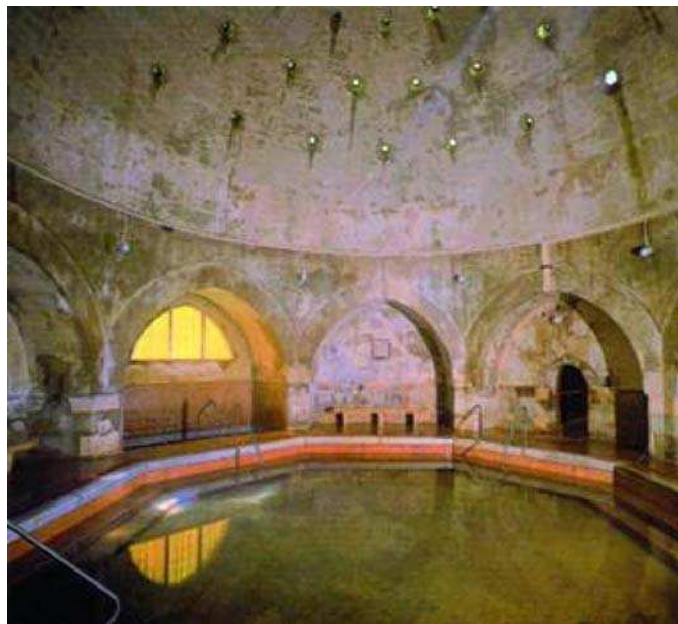
Итак, турки сумели захватить Буду и укрепиться там лишь в 1541 году. В одной из венгерских хроник говорится, что в числе защитников города были евреи. Свидетельство это вряд ли достоверно. Известно, что турки добились успеха скорее в результате внутреннего раскола в среде защитников крепости, чем в ходе ожесточенной битвы. Как правило, евреи, за очень редкими исключениями, о которых будет сказано ниже, не участвовали в военных действиях и старались не поддерживать ни одну из конфликтующих сторон.

Захватившие Буду в 1541 году турки не преследовали еврейскую общину. Они не стремились обратить в ислам местное население и делали это не в последнюю очередь из экономических соображений. Мусульмане платили налоги и таможенные пошлины значительно меньше всех прочих.

Роль евреев в деловой жизни города при турках возросла. Завоеватели не держали в Буде большой гарнизон, однако стремились обеспечить четкий контроль над доходами с паромной переправы, с таможенных сборов, с рынков и меняльных лавок, которые новые хозяева отдавали на откуп.

В 1542 году Муса бин Балко под сумму в 21 300 акче подписал с турецкими властями договор на трехлетнюю аренду меняльной конторы в Буде. Поручителем выступил стамбульский еврей Закария Дабос.

На страницах документов, хранящихся в венгерских архивах, указаны имена сборщиков налогов и собранные ими суммы. В османских финансовых ведомствах было немало евреев. Они служили в портах Буды и Пешта (в ту эпоху двух разных городов на правом и левом берегах Дуная), занимались сбором таможенных пошлин и торговыми сборами – в частности, за продажу вина, которое для мусульман было под запретом.

Ага́й «Ее́дае», і іїїōđіаі і а́у і і сáеáó І шіōáóú-іáоē á 1570 āāá

Торгово-финансовые операции, нередко выполнявшиеся евреями, связывали османские территории с неподвластными туркам другими венгерскими землями. Связывали они их и с городами враждебной султанам империи Габсбургов. Из Вены в Стамбул везли полотно, а из османского государства в обратном направлении отправлялись хлопок и окрашенная пряжа.

В свою очередь, паши (наместники султана) оказывали евреям содействие в сборе денег с должников Тырнова, Пресбурга (ныне Братислава) и других городов на Балканах. Известно, что Мустафа-паша, заместитель вали (наместника Буды), предписал судьям Тырнова незамедлительно обязать некоего Денеса Фекете уплатить долги двум евреям из Буды Моисею и Аврааму. За возврат хотя бы половины долга Фекете была обещана годовая отсрочка на остальную часть.

В более сложных случаях паша объявлял, что спорная собственность либо невыплаченный долг являются достоянием султана. В таких обстоятельствах исход дела был предreshен заранее. Но далеко не всегда отношения евреев с новыми властями складывались бесконфликтно. Есть свидетельства о чудовищных принципах «османского правосудия». Сообщается, например, о казни еврея-врача, обвиненного в 1547 году в отравлении турок. Приговор обычно приводился в исполнение с чрезвычайной быстротой, и невинно осужденный врач не дожид до момента, когда ложность предъявленного ему обвинения стала очевидной.

Однако гораздо чаще евреи Буды, главным образом торговцы, оказывались жертвами венгерских отрядов, совершавших набеги на пограничные укрепления и требовавших выкупа за пленных. Для солдат, получавших ничтожное содержание, это был обычный способ обогащения. Зная, что евреи не оставляют в беде своих единоверцев, солдаты требовали с захваченных в дороге торговцев огромные

деньги. Тот же самый Мустафа-паша в сентябре 1567 года был оповещен, что богатый торговец из Буда по имени Моисей оказался жертвой предварительного сговора и нападения. В заговоре принял участие Симон Форгаш из Эгера. Турецкие власти не могли преследовать похитителей на неподвластной им территории, поскольку в мирное время запрещалось предпринимать военные действия. Паша отправил императору Максимилиану II письмо, требуя его вмешательства и освобождения Моисея. Имперская канцелярия запросила власти Эгера о местонахождении торговца. Капитан Форгаш солгал, ответив, что Моисея в Эгере нет. 9 февраля 1569 года паша снова послал в Вену письмо, где утверждал, что Моисей находится именно в Эгере. Тем временем торговец и сам ухитрился отправить императору послание из Эгера, где подробно живописал и похищение, и свое ужасное положение. Из Вены командировали нескольких офицеров, которым надлежало лично допросить Форгаша. Но когда они прибыли в Эгер, пленника там уже не было. Его успели переправить в другое место. В конце концов накануне христианского Рождества Форгаш отпустил Моисея, взяв с него выкуп в 9 тыс. золотых монет. Свою долю из общей суммы получил организатор похищения Гергели. Из этой истории Моисей сделал надлежащие выводы и более уже не покидал стен Буда. Турки тоже извлекли урок из случившегося. В 1582 году некто Иштван Ньяри дал знать архиепископу Эрно, что венгерские солдаты захватили в плен трех неимущих евреев, а паша в ответ на это приказал похитить трех христиан, что и было незамедлительно сделано. О дальнейшем сведений нет.

Надписи на стенах старой синагоги.

Буда.

XVII в.

Существование евреев в голусе всегда было ненадежным, опасным, чреватым бедами и гибелью. И всё же многим жизнь еврейской общины Буда при турках представлялась не такой уж скверной.

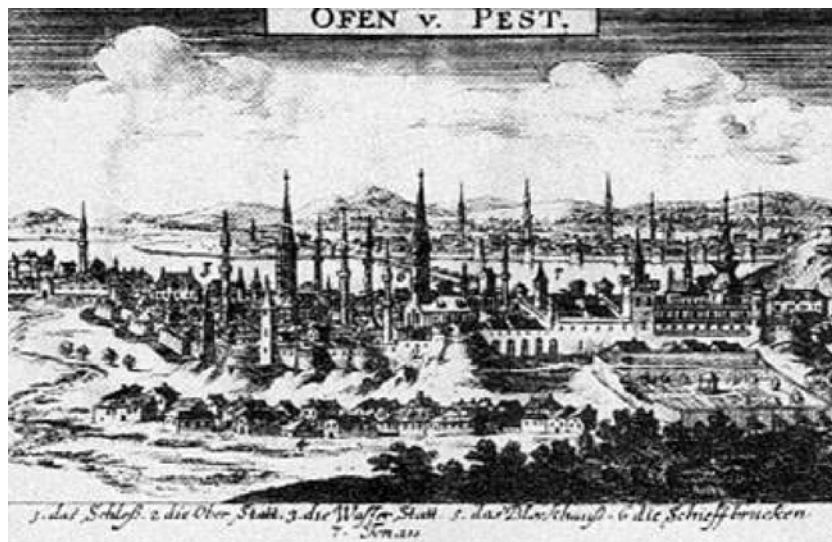
Датский дипломат Хрислэйн Бусбек, в 1553 году посланный в Стамбул королем Кристианом III, проезжал через Буда и был удивлен тем обстоятельством, что янычары не делают различий между христианами и евреями и осуществляют за ними равный надзор.

Германский посол Стефан Герлах, тоже посетивший Буда проездом в июне 1573 года, не сомневался, что увидит погибающий под властью турок город. Однако убедился в обратном. Город процветал, чего не было прежде, многие его жители преуспевали на поприще ремесел и торговли. Всё это посол объяснил присутствием в Буде многочисленного еврейского населения.

Есть документ, датированный 1587 годом, где сказано, что евреи Буда жили в красивых домах, что они входили также в число и богатых людей соседнего Пешта. В Буде их дома располагались внутри крепости на Еврейской улице, а большая часть общины, та, что победнее, обитала в прибрежном районе вне крепости, прямо под ее стенами.

На всех подвластных им территориях османские власти регулярно проводили перепись населения, подлежавшего налогообложению. Собственность делилась по величине на три категории; это определяло налог. Минимальная оценивалась в 5 тыс. акче, и с нее взимался налог в 12 акче. Собственник имущества, стоившего не меньше 5 и не больше 40 тыс., платил 24 акче. Если собственность стоила свыше

40 тыс., ее владелец платил 48 акче. Вследствие порчи и обесценивания монеты стоимость акче постоянно снижалась, и сборщики налогов всеми способами стремились возместить убытки. Они обязывали каждого налогоплательщика клясться на Священном Писании в том, что он не утаивает часть своего имущества. Еврейская традиция, однако, запрещает приносить клятву кому бы то ни было, кроме Г-спода, а потому, имея дело с евреями, сборщики были вынуждены обходиться без этой процедуры. Позднее турецкая администрация ввела фиксированный ежегодный налог.

יְהוּדִים.

В качестве налогоплательщика выступал глава семьи. Подушный налог – джизье – в 1546 году в еврейском квартале платило 50 человек, через год их осталось 48. Тогда же в черте города проживали 24 беженца-сефарда. В 1559 году были зарегистрированы 40 плательщиков джизье. В переписи указывались имена умерших либо выбывших из города. В дальнейшем численность еврейской общины постепенно увеличивалась. В 1590 году налогоплательщиков было уже 103 человека. К концу столетия община насчитывала около 700 человек.

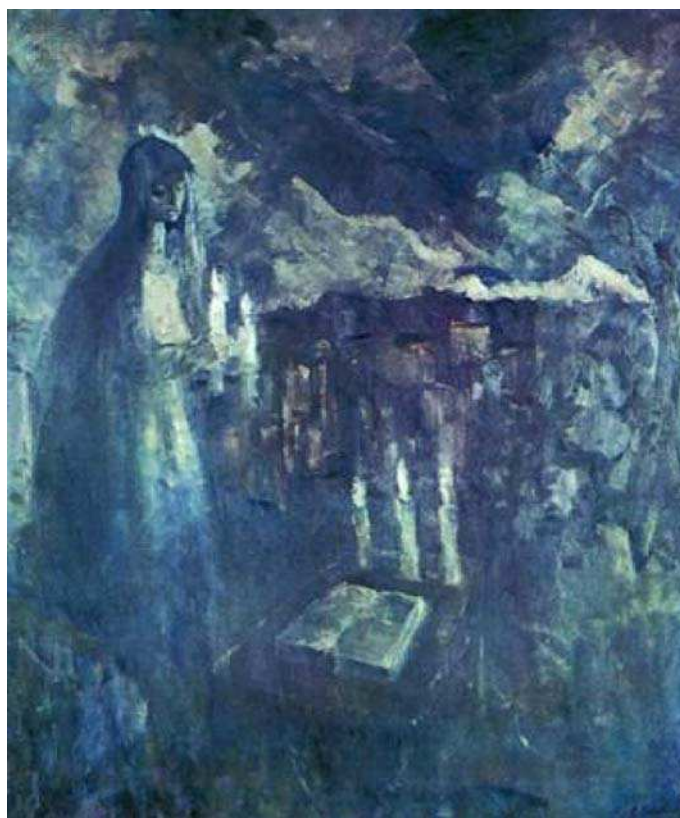
יְהוּדִים - אֵלֶּי עֵבֶר

ЛУДМИРСКАЯ ДЕВА

Самуил Городецкий

Самуил (Шмуэл-Аба) Городецкий (1871–1957) известен как историк еврейского мистицизма и хасидизма. Он вырос в украинском местечке, воспитывался в традиционном духе, изучал Талмуд, кабалу и хасидскую литературу, но не избежал влияния приверженцев Хаскалы. С 1908 года Городецкий жил в Швейцарии и Германии, с 1938-го – в Тель-Авиве.

Среди его трудов – неоднократно переиздававшийся четырехтомный сборник монографий «Хасидизм и хасиды», а также «Еврейский мистицизм». Нередко Городецкий выступал не только как историк, но и как фольклорист, собиравший предания о цадиках и знаменитых еврейских учителях. Так, в публикации в томе «Еврейской старины» указано, что материалом для нее послужили «рассказы волынских старожиллов, лично знавших и помнивших Лудмирскую деву». Пересказ Городецкого имеет свою прелесть: несмотря на налет литературности, он несет в себе живую стихию полумистического-полуромантического свойства, которой нередко бывает окрашено религиозное чувство простых людей.

В хасидизме женщине вообще отведена скромная, пассивная роль: она от времени до времени может приближаться к цадику, изливать перед ним свою душу и получать от него советы и благословения. Очень редко мы встречаемся в истории хасидизма с активными женскими натурами, имеющими влияние на окружающую среду. К числу таких святых женщин, приближающихся к степени цадика, принадлежит загадочная личность, выступившая во второй четверти XIX века и увековеченная в народных преданиях под именем Лудмирской девы.

Она родилась в городе Лудмире, или Ладомире (Владимир-Волынский), около 1815 года. Имя ее было Хана-Рохл. Она была единственной дочерью у своего отца Монеша Вербермахера, человека зажиточного и отчасти книжного; мать ее также была сведуща в душеспасительной женской литературе. Девочка с раннего возраста обращала на себя внимание красотой лица и редкими умственными способностями. Еще ребенком она изучила Библию в подлиннике и научилась писать по-древнееврейски;

потом она усвоила многое из талмудической Агоды, мидраша и нравоучительных книг. Девочка молилась, как мужчина, три раза в день, и молилась с таким экстазом, который приводил в изумление всех окружающих. Местные жители говорили, что дочь рабби Монеша достойна сделаться цадиком.

Необычайные достоинства девочки, с одной стороны, и благосостояние ее отца – с другой – сделали Хану-Рохл, как только она вышла из детского возраста, предметом усиленного внимания «шадхенов» – сватов. Для нее предлагались блестящие партии из других городов, но старый Монеш, скупясь на большое приданое, отклонял эти партии. Вскоре Хана-Рохл была сосватана за юношу из ее же родного города. Это событие произвело переворот в ее духовной жизни. Зная своего жениха с детства, молодая девушка полюбила его со всем жаром своей пылкой души; она порывалась видиться с ним, говорить наедине, излить перед ним душу; но по обычаям того времени это считалось невозможным: свидания жениха с невестой до брака строго запрещались. От тоски по любимому человеку девушка заболела. На это не обратили внимания. Отец был постоянно занят делами, а мать, которая очень ее любила, умерла в то время. Тогда девушка стала уединяться от людей. Целые дни просиживала она в своей комнате, отлучаясь из дома только для того, чтобы посетить могилу матери и выплакать там свое горе.

Однажды, говорит предание, когда Хана-Рохл сидела на могиле своей матери, она впала в забытие. Когда она проснулась, был уже вечер, а кругом, на кладбище, не было ни одного человека. Девушке стало жутко в этом царстве мертвецов; страшно перепуганная, она пустилась бежать домой через старое кладбище, где были похоронены святые мужи древности. По дороге она споткнулась и упала на одну из этих святых могил. Затем вскрикнула и упала в обморок. Сторож старого кладбища услышал крик, подошел к девушке и, когда та пришла в себя, отвел ее в родительский дом. В течение нескольких недель после этого она была опасно больна, не произносила ни слова. Врачи уже потеряли надежду на излечение больной. Но однажды она вдруг позвала отца и сказала ему: «Я сейчас была на небе, в заседании верховного бейс-дина (суда), и там дали мне новую, очень высокую душу». Через несколько дней девушка выздоровела.

С тех пор она стала вести себя как мужчина: надевала талис когн с цицис (короткий четырехугольный нагрудник с «нитями видения»), облекалась в молитвенную ризу (талис) и филиактерии (тфилин) и предавалась по целым дням молитве и Торе. Акт помолвки (тноим) Хана-Рохл возвратила своему жениху: она решила не выходить замуж, ибо вознеслась над миром плоти.

Между тем умер отец святой девы и оставил ей большое состояние. Тогда она построила новый бейс а-мидраш с особой при нем комнатой*. В этой комнате она сидела постоянно, молясь и изучая Тору.

Слава Лудмирской девы распространилась по всем окрестным местечкам и селениям, и много народу, женщин и мужчин, ходило к ней на поклон, как к святой; к ней ездили даже ученые мужи и раввины. Но близко к себе она никого не подпускала. Большею частью она сидела одна в своей комнате, при открытых дверях, а народ, собиравшийся в соседнем зале бейс а-мидраша, слушал ее речь через открытые двери.

Она прослыла чудодейкой. Говорили, что она знает тайны неба и земли и умеет исцелять больных. Обращавшихся к ней пациентов она действительно лечила разными травами.

Мало-помалу вокруг нее образовалась особая группа хасидов, которых называли «хасидами Лудмирской девы». Они молились в ее бейс а-мидраше, а по субботам, во время «третьей трапезы», они собирались слушать ее проповедь: слова проповедницы доносились к слушателям, сидевшим в молельне, из соседней комнаты, где уединялась святая дева.

Известные в то время цадики выражали изумление по поводу появления нового коллеги в женском платье. Иные заезжали к ней, чтобы посмотреть на этот феномен; она же называла по имени всякого из таких посетителей, даже совершенно незнакомых. Но в конце концов многие цадики начали сомневаться: не говорит ли устами этой странной девушки нечистая сила? Ее стали уговаривать, чтобы она переменяла свой образ жизни и вышла замуж; но она и слышать об этом не хотела. Только спустя некоторое время, когда знаменитый цадик Мотл Чернобыльский стал склонять ее к этому, она уступила и вышла замуж за одного раввина.

Рабби Мотл, рассказывает предание, говорил про Лудмирскую деву: «Мы не знаем, душа какого славного цадика переселилась в эту женщину, но трудно всё-таки душе цадика найти покой в теле женщины». Он хотел привести душу этой женщины в низшее, нормальное состояние путем замужества, возбуждения женских чувств и ощущений. Но это ему не удалось. Муж Лудмирской девы боялся иметь

общение с такой святой праведницей и вскоре развелся с ней. Она вышла замуж вторично – дело опять кончилось разводом. Так и осталась лудмирская праведница девою до самой смерти.

Однако уже после первого замужества, хотя и фиктивного, обаяние Лудмирской девы умалилось. К ней уже не приходили за чудесами, а считали ее только праведницей (цадикис), одаренной в некоторой степени святым духом (руах а-койдеш), как выразился один из лично знавших ее.

В последние годы своей жизни Лудмирская дева уехала на жительство в Святую землю.

«Ада́еи́ау́ пò аде́и́а»,

1909 а́а. ò. 2

** Уоа́ и́ геа́ешу́ а́т пёб́ и́тд́ а́ли́а́ пòли́а́пò а́аиò а́т А́еа́а́еи́ е́да́ е́ е́сáа́иò íá ííá́ еи́ а́т а́и́
«А́де́и́о́д́е́а́е». А́ íáé́ и́ геу́о́пъ́ о́а́тв́а́и́ д́иò í е́пòд́и́а́е́тá́ и́ д́еòтáа́ – Í д́еи́. а́аòíòá*

МЕНДЕЛЬ ЛИФШИЦ

Леонид Кацис

Творческая судьба уроженца белорусского Полесья еврейского поэта Менделя Лифшица охватывает практически весь советский период развития литературы на языке идиш.

Судя по всему, впервые его имя появилось среди имен известных советских еврейских поэтов в «Сборнике еврейской поэзии», составленном И. С. Рабиновичем. Сборник этот вышел в свет в 1931 году в Ленинграде. Впрочем, стихи Лифшица туда не попали, поэт лишь упоминался в предисловии М. Литвакова (Лирова): «Крупнейшим фактором развития пролетарской еврейской поэзии следует считать появление рабочих и комсомольских писательских групп, уже успевших дать еврейской литературе ряд интересных поэтов. Первой из этих групп возникла минская группа “Молодой рабочий”, выдвинувшая таких поэтов, как Тейф, Олевский, Витензон, Лифшиц <...> Это, собственно, еще формирующийся молодняк, но молодняк, обещающий много развитию пролетарской поэзии на еврейском языке».

Эти молодые еврейские поэты во многом ориентировались на творчество Маяковского, который сам помог им пробраться на свой вечер в Минске. Воспоминания об этом оставил Моисей Тейф.

Первая книга Лифшица появилась в год смерти Маяковского. Тогда, когда выходили книга за книгой, казалось, что поэтическая, литературная, да и вообще всяческая жизнь налаживается. Однако в недавней статье Л. Должанской можно прочесть, что уже в 1934 году партийные власти Минска приняли решение о закрытии еврейского клуба, в 1936 году началась реформа, состоявшая в превращении еврейских школ в русские и белорусские; последовали протесты по этому поводу, закончившиеся арестами практически всех еврейских писателей Минска. Среди них был и М. Лифшиц.

А между этими событиями прошел Первый съезд советских писателей. М. Лифшиц был членом Союза писателей со дня его основания. Имя его, наряду с Хариком, Кульбаком, Аксельродом, Тейфом и Каменецким, попало в официальный доклад белорусской делегации.

Во время Отечественной войны поэт потерял первую семью. Эта трагедия навсегда стала темой его стихов, быть может самых сильных у Лифшица.

В годы борьбы с космополитизмом, когда еврейская литература была практически уничтожена, одинокий, больной, потерявший всё, он искал себе собеседников. Таким собеседником, в частности, оказалась его племянница, которая навсегда запомнила эти необычные беседы с поэтом. Он поразил юную школьницу конца 1940-х годов утверждением, что, проживи Маяковский еще лет десять, она не знала бы даже его имени, как не знает имени и творчества Бабея.

Некоторое время спустя имя самого Менделя Лифшица еще раз появилось в истории советской еврейской литературы, и вновь в невеселом контексте. Не так давно А. Локшин опубликовал в «Лехаиме»

письмо Арона Вергелиса в ЦК Компартии, написанное уже после смерти Сталина, с просьбой возобновить издание журнала и книг на идише. Причем будущий бессменный Главный Редактор всей еврейско-советской литературы уверял своих партийных покровителей в том, что литература на идише нужна лишь для уходящих поколений, а «интернациональному» социалистическому строительству она никак не угрожает. Среди тех немногих, кто пережил эпоху кровавых убийств и лагерей, у кого написаны были новые сочинения на идише, А. Вергелис назвал и Менделя Лифшица.

Как у любого советского еврейского поэта, у Лифшица есть и стихи о Ленине, и стихи о революции – нет сомнений, изначально искренние. Один из его последних сборников назывался так: «Самой светлой стране». Да и в ставшую итоговой антологию еврейской советской поэзии, вышедшую уже на излете советских лет, вошла его поэма о Ленине.

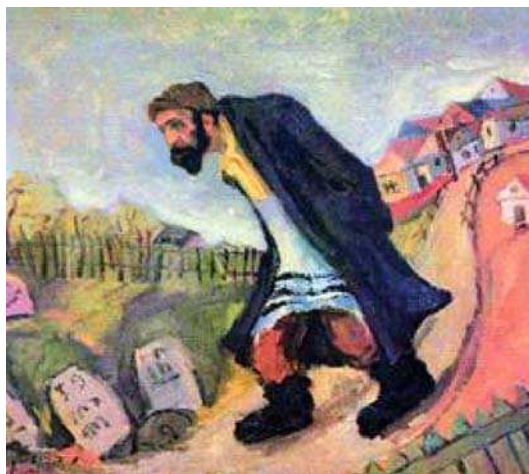
Трудная, трагическая жизнь еврейского советского поэта из белорусского Полесья, долгая и мучительная болезнь, ставшая лейтмотивом его последнего переводного сборника «Дождь и солнце», отразились и на темах стихов Менделя Лифшица, и на его мироощущении. Однако неизбывное желание писать на родном языке, с которым после всех войн и бедствий стал постепенно и не всегда добровольно расставаться его народ, заслуживает внимания к жизни и слову еврейского поэта советской эпохи, чья судьба оказалась, быть может, слишком типичной.

*Ì í á áíëü ááç ò ááÿ - ñëí áí í áàò áð
òíëí áí úé,
À ðááí òü - èàé ñëí óá í óòò ú í á
ááñ èí áí í é.*

*Òü - ñëí óá ò íñé è í áé, áàò áð ò ðááí áé,
Òü - ðááí òü óéü áéé è í ááÿ áí ðí áé.*

*Ñòáí ü áàò ñëí é ñëáí é è í áí ó í áí í é í þ
È í áé í òü è òáí ü í áò áð é í ñëí é óéé þ.*

1940
Ì áðááí á Í éü áé x óáé

ÇÁËÁÍ ÚÉ ÈÍ ÁÁÐ

1

*Ì í þ ò íñé ó í í ááÿ ü í í ááí é á
Ðí áé ááé è í ááð çáé áí ú é í áò è ð í é á
È è çí áðÿ è í é ðí ò á çáé áí í í í é á
Áü ñ é é é è í é í ñ áé í áó ñ é é í é á*

Ð í ó ó è þ áí áí í è í é í ñ é é è é á á é é

*È nnyèè á àdúàè ì íàé àáú ó
È çàçáí úé òí òí áí à è ç n é í àé ààèè
Ì áí ý óèà:èààè, èéíí ý èí ñí ó*

*Èíáà à è ííà ò ò òí, á ì òàà ò à ñí à ò ì í é ò á í é,
B í ò í á à è à à è í ý, ó í è ì à ý à ò í à è ú
B ÷ à ò ì ñ è ó à è, ç à ò à é á à ù ó á í ú,
È à è, ì í à ò à ò à ý, - è í è í ñ è ò í ý ò í à è ú*

*Ò ò ò à í ú à è è ò ù á à, ì í ç í è í ò à í é á ú.
Ì á á á í é á ò ý à è ú ò à è è ó à è -
Ì, è à è á ó à í í à é à ñ ù á à à è è ç è è á ú,
È à è ñ á à ò ò à à à ò í à è á ó à í í à é.*

2

*Ò á ú, á ò ó ì í ò á ú è í ì í á í á ñ è à è í:
Á à è ó ò ì é á ú, á ò à ç á í è í è: ú à ì á í ç á á
Ñ á è ñ ò ò ú é í í à è ò í: è è ç è í á à è ó è ò à è í é,
È ó à þ ý ì ò í ò ý à è è é á á á á*

*× ò í ç í à à ó ú ò ú í á ó è à ñ à è ñ ó á?
Ì í ý ì í ç í à è á á á à è ó ó þ í í: ú
È í á à, à è ó í ý ñ ú í í à è ì ì è ò ì ì ñ è è á ò á á
È ý í è: á í í á í í á à ò í ì í í: ú
Ì á í ý ò í á à á ñ ñ è à ì é è í á ò á
Á ñ ñ á í à è è è ú á ý ò à ç è à è í ò á ò,
È à è à è á á ì á ò è á ñ ù ó í ó è à á í ç í ò á
Ç à à è è ç è è á ò à ò á á, ç à ò í á í ù ó ñ ñ ò á ò..*

*È á ñ è á ñ ò ò á ò ò à è è è ç í ò ú á ò à è ú è,
B á ò è í ì ì ò ò è í à è á ú: á à è ò á ì ñ á!
B á ñ ì è è ì ñ á ò ì ì í í á ñ è è á ú à à è á
Ì á í ú á ó ó þ ù è è á í í: è è ì ñ ò ò í á..*

3

*Á í ò è ò ì ñ è à ò ò á á í í, í á á ñ è í í,
Ç à á í ç í á í ç í á è è á à è ú á í è ú á á ò,
Á í è ú í á í á ý ò í á, á í è ú í á á ú í ñ è ì á
È, ì í á í á á ç í í è á ñ ò á á ò í á ò í á
Á í ç ú í è ú á á ò, á í ç ú ó è á í ò í è ú è è...
× á á à è á ò ú á á ç í í è á ñ ò á á á ó ú í á ò í á?..
Ì ò í ù à è í ý ñ ò á ì è, ÷ ò í í á á á í í à è è è, -
È ò à è á ò ì í á ñ ò. Í í á ñ ò ó à è ò ú ó à è á ò..*

*È á á ò á.. è à è á ú ò í ç á á á à è è ò ò á ú, -
Ò á ý è í é ñ è í ò á è à è ò á á í í ñ ò ú ñ è á í á! -
Á ç í ú á á þ ò á í è è, á ç á ò á è á á þ ò á í á ú,
È ò á á ò í á á è á ó á ò ò á ò á ò í é í á*

*Á í ò è ò ì ñ è à ò ò á á í í, í á á ñ è í í,
× á á à è á ò ú á á ç í í è á ñ ò á á á ó ú í á ò í á!..
Á í è ú í á í á ý ò í á, á í è ú í á á ú í ñ è ì á -
È ò à è á ò ì í á ñ ò.
Ì í á ñ ò ó à è ò ú ó à è á ò..
Ì á á á á Á. Þ í á è í á á*

Á Á Í Ñ Ò Ó

B à è á à è ÷ á á - ò í,

Áíēā æāæ, -
Ēæ āæēēī īīōīē òāīīāī ūā! -
Ē āāī ūī ðēōāē.
Īī āīñēyē,
Īī mī ūē ēīðē-īāāīā òāī ē.

Ī īē ñòāðūē āīī...
Ñōīyē īī òóó.
Āāā īī?
Ī ñòāēñyē òīēūēī īāīāē.
Āñ ñīçīīāā:
Ē īīò ē òðūā..
× òī ī īæāò ā æēçī ē áúòū īæāīāē?

B ñīīāā āē.
Ī īāīōēāī ēðīā
Ēæ āñāī ēēó ī ðēðò āīōñòūīā
Ī īāīōēīī āī ēð,
× òī òāē ññīā
Āīēðē ē æēçī ūī ðīāīēæēðūī ūīā

1

Ī ñòāæē çāñīyē āðūā, āīī,
Ī ñòāæē āñ,
× òī ññyōī áúēī.
Āēyæó -
Ē çīāþ ñòðūāīī :
çīēā āā āðāòñēāy ī īæēā
çāðēōīā..
Ēēōūīī-āēēī ūē çāīī
Ā ðēēīāð áññōñyē īæīīēī.
Óæ īā āðōīīē ēē yōī mīī?
Ēōāā çāāðāē yē īāī āðīēīī ?

Ī āñē ē ēāī īē..
Ī ūēūē çīīē..
Ī æēū-īīēā āīñīīāē ñēā-āò..
- Ī īēāē ñþāā, āñē-īīīē ī īē,
Ñēāæē ī īā
× òī āñ, yōī çīā-ēò?

Āāā òēēōūī?
Āāā īāø āāðyē?
Āā òæ ī òñþāā ēē yē ðīāīī ?
Āāāū òóó yē ññāēē
Ī āðāīē òāā
Ēīāā ī īāīā áúēī ē āāā

2

Ēæ ī ðæāā
Ēāñ ē īāī ē ñēāī,
Ñòīēò āēþāīāīī āāēīāī ūā
Áúòūī īæāò,
Ā ēāñò īēōā ññāā
Ī ñòāēñyē yē īāī īē ñòōī āī ūþ?..

çāñī ēææāīē ēññēē
Āīðīāī īā
Ē ēææāy çīæīī ā āāòēā
Ī āññōūyē ā yōīē ñòīðīīā

*Í ðeááæ ý
Ê ì íæèàì ìðáæíá*

*Í íe ðáçáðííáí ú ááçáá
Çáðííæèá òðááíé ì íæèú:*

*Á èúááð,
Í à íéáí á áí ðí çáá,
Ó èðáý èáíí,
Á ðíáá ì èèíé,*

Í à íáí áæèíáá

У дорог...
Повсюду
Знаки погребений.
В рыданиях ветер изнемог –
Свидетель
Вражьих преступлений.

3

Дай скорби выход –
И затмит
Она всё то, что было
свято.
Дай волю ей –
И оскорбит
Она и солнце и закаты.
Дай скорби вырваться –
Она
Всё сокрушит!
Ей нет преграды...
Я ночи проводил без сна,
Познав при жизни
Муки ада.
Пойду в леса,
Где зелен лист,
Где о былом напомнят сосны,
Где воздух
Сладок и смолист
И где
Сулит кукушка весны.

Июль и тишь...
Вершина дня...
Стекаются друзья к руинам.
И кажется –
Они родня
Лесным знакомым исполинам.
Идут бойцы-фронтовики –
Обстрелянные ветераны,
Идут,
Кряжисты и крепки,
Кто мстил убийцам, –
Партизаны.
Приходят те,
С кем не шутя
Война свела жестоко
счеты:
Мать –
Потерявшая дитя,
Ребята –
Круглые сироты.

Они летят,
Как стая птах,
Когда земля теплом одета;
И воздух
Глиной вновь пропах,
А глина
Снова пахнет летом.

1945
Γάλατα Ἄ. Ρίαβίτα

ΒΑΛΛΙ ΕΩ

Кладу тебя в кровать,
А утром одеваю.
И трудно мне понять,
Растешь ли ты, мой Зая.

Прошло немного дней,
И ты, родная крошка,
Становишься резвей,
Видать, порос немножко.

Минует месяц, год...
Я весь – восторг и трепет:
Твой первый шаг... И вот
Твой первый детский лепет.

Сказать, что ты мне люб,
Что дорог бесконечно, –
Ты мал еще и глуп
И не поймешь, сердечный.

Но где бы ни был я,
Вблизи или далеко,
С тебя, любовь моя,
Я не спускаю ока.
Всё, всё наперечет
В тебе всегда мне ново:
Нежданный поворот,
Оброненное слово.

Да, я люблю тебя,
Люблю твои затеи.
Переходя в тебя,

Я словно молодёю.

Ты – первенец, мой свет.
Нет, был еще ребенок...
Теперь его уж нет, –
Враг взял его с пеленок.

Покуда будут жить
И ты и наши внуки,
Нельзя врагу простить
Ни нашу боль, ни муки.

Вдвойне ты дорог мне,
Ты первенец мне дважды,
И должен быть вдвойне
Счастливей день твой каждый.

Будь честным за двоих
И за двоих умелым
И в помыслах своих
Будь стойким, сильным, смелым.

1948

Ἰάκωβος Ἄ. Ρίαλιάν

* * *

*Ὀαὶ ἀδελφὲς μου, ἐστὶν ἀνελίξ ἡ ἰστορία,
Ἐάντε, εἰς ἀπὸ ἀδελφῶν ὀφθαλμῶν
ἢ ἀδελφῶν,
Ἐεὐχόμεθα ἡμεῖς ἀντὶ τοῦ ἀντι
Ναὸ ὑπερῶν
Ἰὶ δαίμων ἐστὶν ἡ ἀντιπάλαιος ἐστὶν.*

*Ἡ σὸς ἀντὶ ἡ ἀντιπάλαιος ἰσχυρὸς ἐστὶν ἀντιπάλαιος
Ἰὶ εὐχόμεθα ἀντὶ τοῦ ἀντιπάλαιος
Ἰὶ ὀφθαλμῶν ἀντιπάλαιος ἐστὶν ἀντιπάλαιος
Ἐστὶν ἀντιπάλαιος ἀντιπάλαιος ἀντιπάλαιος.*

*Ἰὶ ἡ, ἐστὶν ὁ ἀντιπάλαιος ἀντιπάλαιος,
Ἐστὶν ἀντιπάλαιος ὁ ἀντιπάλαιος ὁ ἀντιπάλαιος,
Ἄντε ἀντιπάλαιος ἀντιπάλαιος ἀντιπάλαιος
ἀντιπάλαιος,*

*Ἐστὶν ὁ ἀντιπάλαιος ἀντιπάλαιος ἀντιπάλαιος.
Ὀαὶ ἀδελφὲς μου, ἐστὶν ἀνελίξ ἡ ἰστορία,
Ἐάντε, εἰς ἀπὸ ἀδελφῶν ὀφθαλμῶν ἢ ἀδελφῶν.
Ἐεὐχόμεθα ἡμεῖς ἀντὶ τοῦ ἀντι
Ναὸ ὑπερῶν
Ἰὶ δαίμων ἐστὶν ἡ ἀντιπάλαιος ἐστὶν.*

1949

Ἰάκωβος Ἄ. Ρίαλιάν

*Çaáú òúáú ñòúí ñèíáεóú óññí íε -
 Óú, εáε á òðýñéíá, óñçááουά íáε -
 «Í áðíáó í ííñ - çíá:εò, í ííñ εóú á,
 Ááñεύý áíεúεά òáí, áá εðáá òáñíε».*

*Áí òíáý áí ñáúñ íñ íí òá ñíí ðεòú
 × òí á æεçí ε áñ, εáε ðáç í áí áí ðí ò,
 × òí ðááí ñòú - ÷áεéá í áá áóðεεáñí
 í í ðáí.*

Ááñεύú - εó: ñááε εéíýúεó áíá

*Çáí εσáí í íñ áí ðεó ááç ííí áðíε,
 × òí á ííáεçí íε íí á ñááðéí óεá ááðáá
 «Í áðíáó í ííñ - çíá:εò,
 í ðáç áí εé ýðíε,
 Ááñεύý áíεúεά òáí, áá εðáá εðáá».*

1952
Í áðááíá Í. Áí òíεíε

*Í áεú:εσéá áú ðíñ.. Çá εáñεñò íε
 ááεύñ*

*Í ñòáεíñí í áí ðεí á ò í í á ñáéí
 Ñ áá ò ðááí áú ε, ñ áá í á: áεύñ,
 Ááá áá ò ñò áí á ðáí ú: í í á í ðí εéí.*

*Ñ Ááεéεéí Í εòýáðáí σááý á í í áó
 È ñý òí íí íý εáí εí ñεé çááó,
 Í í áú σáε í á σεðíεçñ áí ðí áí!
 Í áεú:εσéá áú ðíñ..
 Í í òáí áú - í í ýò.*

*Áñ áúéí á æεçíε: ñéíýéε ε σéσéε,
 Áñ áúéí, ííí íε... Í í í á á ý ò ñí ñòú
 Í ò í áðáíε áóεáú ε áí ý ò íε εíεáεé
 Í ðí ááεáε íí ñáúñ í á εáñεéé í óúú*

*Áí ò í á í í ε σ ò ó ðí ó áááóúεó áúñ ò.
 Áí áðáá, í í ýò! Áñ ááá, ááç áá áí áðáá!*

Í áðááíá Á. Π í áεí í áá

Á n̄oèá áíè, áá çííé - èàè í èàí ý ááá,
Éíáá ðáííáòú áòúçæòò ñèí ááé,
Çà:áí òú íáíí í íé, í ý íòðááá?
Ááá áú òáíáðú, æáí á è í àèíí-èé í íé?

Òú ñííá ðíáèèà í íá ííí íþ, á ñááú
È áúé òíáá ý ááçááíé:íí ðáá,
B èí ý Í íòý ááè áí óíí áááú,
Í í í áòðéáçíáò áá Í áðáò.

Í íé ñíí, í ý èþáíáú í íé í ðíáèáíé ñáòá,
Èáòè íí æéçíé, í òàøéá! Á áíáðúé :áíí
B, ñòáá íòòíí, áéááááðèè çà ýòí
Òááý è í àí ó í ííá, í ííá ðáç

Ááá áú òáíáðú, í íé ñíí, í ý æáí á?
Ááí óí ááèà æááò íéáý áíéíá..

Í áðááíá Á. Þ í áéíáá

Æáí á í ý, çà :òí òááý óáèèè?
Éíí ó òáéíá á áéííáò áçáðáéí?
Çà :òí í íé ñíí í íéíéòííý á í íáèéá?
Éíí ó í ááéí í íòúí í ðé:éí ééà çéí?

Òú øéá í á ñááòááí í úá í íòí ðíí ú
Á í íé:áí úá òýæéíí ... Æòðáæéí úé
éééí
Òýí çéíý á ñòí ðíí á ñí ðí úáèúú úí
çáíííí ...

«xòí ááèúóá í àí á?» - ñí ðáøéááò ñíí.
xòí ááèúóá? Ðíá, çíáéíí áý í íéýí éá,
È óíéíá óæáá.. Áí ñí áððè - øáá
B á ñáðáúá áúðáé èç áðúé, èáè Ááí éí,
xòí á á ýòí ò ðíá ñááèééííý çéí áí úé áðáá
«xòí ááèúóá? - Á áéííá áèòý èíí óá -
Çáí éý í ðééðíáò?» - «Áá, çáí éý, í íé áðúá».

Í áðááíá Á. Þ í áéíáá

1

À çááíí í ááí í íþ áúííéáý ñèí ú
Í í :óáèòííý, ñèíáíí á éíøí áðí:
Í ááí í íéúóáò í áááíí áý ñíí ú
È í òéòú ñáðáò á í íæáðá

Ðáçðááéí ú ñòáí ú, èáè ñíéíú ñéááò,
È íéíá ííéáíéè íò í óéé.
Í á í òéòú, ñáðáý, á ááòé èðé:áò,
Í á èðíéúý òðáí áúóò, á ðúéé!

2

Í í á yò è ò ð è í á ò ò à è ò ñ y ð ð ñ ò í è
Í æ è á ò æ í á à à æ à ù : ò ð à à è è è ñ ò í è
Ç à è í ú è - ð è í í ò ð è ò à í ú à
È í ò è ò ú á ð à ç à è ò í á ç à í ú à
Ç à ú á í í í æ à ð à ò , à í ç à è ò ù ñ y è à ò y ò ,
È ç à í è í ò í ò í : à ò à à à ð à y ò .

3

Í à ñ ò ð à è í ú á à í ç à è à ñ ú í è à í í ú ò à ð à à á
Ç à à è ð à ç à è ð à ð ù è ò . È à æ à ú è à ò í á
Á à à ð í ò ò ú ñ à í á æ à è í á : « à è ò ò à » !
À y à ñ í ò í è í à ð : ó à è ò ú !
Ó à è ò ú . Ç à ú ò ú . Ç à à è ò ú à ñ í à
Í è è ò í í á è ð è : è ò è í á ñ ñ í à è ò ñ ò í à

4

À á ñ ò à ð í à à à ð à è í è í ò í è à à ð ò à è á
Á ñ í è ò è è ñ ò í y ò , è à è ñ ò í y è è .
Á à ç í í è à í í ñ ò í y ò , è à è á à ç ñ ò ð à è í è : à ñ ú
Í à è è à à à è ù á í à ò ú è í á à à ñ ò à , è ñ ú í ...
Á ñ í à í æ è á ò . ð à ç ð à ñ ò ò ò ñ y ,
Í í ò í í á è í ñ ð à à í á à à ð í ò ò ù ñ y .

1961
Í à ð à à í á Í è ú à è × ó à è

Í à í ð í ò à í à y , ñ è ú ò è è ú ó ò í à è !
Ò à à í á ñ ð í è à ú á
È í à à y ñ è í à à -
Ò ð à í à ù ò í à à ,
Ç à í è í à ,
Æ è à í à -
Í à à ñ ñ è ñ ò à è .
È í à à í á í ú á à ð ò à è
Í á à ñ í ú è à è ,
Í á í ð à à ð ò è è ñ y à í à í à è ,
Í í : à ð à í ó è ú è í à ñ ú í á à ó è à í ñ à ò à è ,
È , ò í æ à ò à ú ò ú í í y í à à í à ð à è -
Í ð à ñ y è à è ç à è è í ú ñ à ú à ú :
È ç í à í : è à ñ ñ ò ú è í ð à à í í ñ ò ú à í à ð í à à

Ñ ò í è ò á à à à ð y ò
Í à ç à à í à y í ñ à à ,
Í ð è í à è à à í í è í ð í ú á ð à à ú :
Á í è à ç í ú è ñ ò à ð í ñ ò ú
Ñ ò à ð í ñ ò ú è à í è à ç í ú
× ò í , à ñ ò ú í ñ ò è , í í : ò è í à í í è ò í æ á
Í à ð à à è à , í á ñ ò í y ò à ñ y í è : ò í æ á
Í à : à è ú ñ ò à à í í í ó à ð à í à á ñ à à

È : ò í æ á à ú à ò ñ y ò è í - í à à ú à ! -
Ó à è à í í : ò è í ò í ð í è à ò è í ñ y ñ è í à í ,
Á í ò í à ñ í í ò è à í è ò ù ñ y è è à ò à ò ú
Ñ ç à í è à è , : ò í í ð à í è æ à à ò í à ñ
à à ð à ò ú

*È ñáá-íúì íááì - èèè áá:íí ííáì! -
Áéáñò è ò áéúú úì, è àè áà ò ñéáý ñéáçà -
Ñí ááì, ÷ ò í á yò è ñ á ò ò í ú á áéáçà
Áí ò éí áá ñ ñ á ò ò í ú ì, è ñ ò é í ú ì,
çáí ò í á ì ?
È àè í í - ú í á ò á á ò ò á ñ ñ á ò ò í,
óóí á è,
Í á çá í á ý, í á ò á á á ñ ñ á í ñ é í á á
Á ñ, á á á á ò ò á è, è àè á ú é í:
Óóí á è!
Á ú á í á ñ ò é:
Á ú á í á í ú á á ò á è
Í á á í ú é á è,
í á í ò á á ò è è ñ ý á í á í á è,
Í í ÷ á á í ó é ú è í á í ú á á ó é á ñ ñ á ò á è,
È, í í á è ò á ú ò ú í í ý í á á í á á è.*

Í á á á á á Í é é í é á ý Í á í ÷ á í é í

СПИ ЖЕ, МОЕ ДИТЯ

Ἰ ἀέεεαέρ ἰ ἰάῶ ὀ ἰάεε Ἀῖῶ Ἰ ἰ ἰάεῦ

Allegretto

Шлоф шойц, майн кнед, майн ин-гэ-ль кльинс, ди
 ой-гэ-льх дай-нэ мах цу, ди
 ма-мэ вэт кой-фн а фор-дл а шьинс, нор
 шлоф жэ мир-ай-ло-ло-ло, ди
 ма-мэ вэт кой-фн а фор-дл а шьинс, нор
 шлоф жэ мир-ай-ло-ло-ло.

ΘΕΪΟ ΘΙΕΪ, Ι ΑΕΪ ΕΕΪ Ἀ

*Θεῖο θιεί, ι αεί εεῖᾶ, ι αεί εἰ ἄεῦ εεῦεῖῆ
 ἄε ἰεἄεῦο ἄαεῖῦι ἄο ὀῶ
 his ἄε ἰ αἰ ῦἄο εἰεοῖ ἄ οῦῶε ἄ οῦεῖῆ
 ἰ ἰῶθεῖο-ἄεῖ ἰ εῶ-ἄε-εῖ-εῖ-εῖ.*

*Ἀ οῦῶε ἄ οῦεῖῆ ἰ ἄῶο εἰῆοῖ ὀεε ἄεῶ,
 ἄ ἄῶεῦ ἰεῶ, ἰεῶ ἰ αεί ἄἰῶ.
 his Ἀο ἄῶο εἰῖῦι ὀἰῶῖ ἄῶῖ εἰ ἄῶ ἄεῶ,
 ἰεῶοῖῖ ἄαεῖ ὀἰῶεῖ ἄἰῶ.*

*Ἀαεῖ ὀἰῶῦ, ι αεί εεῖᾶ, εῖεἰᾶθῖεῖ ἄῶε,
 ἄ ἄεῶε ἄἰεῶεἰ, ἰεῶο ἰ ῦῶ
 his Ἀἰεῖῖῶ ἄο εἰ ἄἰεῶῖ, ἄἰ ὀῦῶεἰ, ἰε ὀῦῶ
 ὀε εεᾶ ῦῶ ἄαεῖ ἰ αἰ ῦἰεῶο ἰ ῦῶ*

*Ὀε ἡἰῶ ῦῶ ὀἰῶεῖῖ ῖαεῖ ἄαεᾶ ὀῖ ῖαεῖ εεῖᾶ
 ἄ ὀῶεῶ ὀῦ ὀἰῶο ὀῦῶ ἄἰῶο ἰ αεί ἰῶο.
 his Ὀε ῦῶ οῦῶ ὀἰεεῖῦ, ἰε ἄεῖ ἰ εῶ ὀῖ ἄεῖᾶ
 ἄἰεῶἰῶῖ ἄῦῶ ὀἰῶεῖ ἄἰῶ.*

* h произносится как в английском have.

*Àé-èp-èp - øéïò, ì àéí èí ãýéý èéýéíñ
à, ññ ì è í ýáýò àéñòá
his Èò äýè àèð éýòí ýí à èääèøè à øýéíñ
øéïò-æýì èð - ýé-èp-èp-èp.*

*Øéïò øíéí ì àéí èèíá, äó àéñò àçíé ì èä
øèèñ äàéíý ýéãýéýò óó -
his èò äýè àèð éíéóí à øèøè, àññ òèèò -
øéïò-æýì èð - àé-èp-èp-èp.*

*À øèøè, àññ òèèò, àññ èýéíýð ì ðñíò,
ì èò òèèãýéýò - 'ò øáýò ññ àèð,,
his äó äýñò çàéí èí hèì è äáí òðýñò
çèð áàé Á-ò
øè èç àñðò äàéí òàòýí èøòí...*

*Äýòéíðòóèì àñðò, äýððýéé èì ì àéí èèíá
àè øéýòò èç íí èì àñ ãýáýí...
his Õí çñíéò äàéí òàòýí, àç àèð óí
àñ àéí á
äýò ýð çèð ì èò ì èð àñðòí çýí...*

CÍ È ÆÁ, Ì ÍÁ ÄÈÒß

*Ñí è æá ì íá àèòý, ì íé ì àéí ùèéé
ì àéù-èé,
çàéðíé ññ è äèàçèé,
ì àì à èóí èò òááá ì ðèãæòp èí øääéó
òí èùéí ùñ è - àé-èp-èp-èp*

*Í ðèãæòp èí øääéó, ýòí áúááò ñò ì èòù
ì íí ññ àáí áá
à áúá è òáéæéó, ý òááá íááúáð.
Õù ññ íæáóù áçàèòù ì ññ ò ññ òó
è èíèàòù ññ áá í áí á*

*Øáíé í áí á, àèòý ì íá äàáí í óçáé,
à ì ðèíæè àññ-òí ì èññ áóí.
Áñèé í áéááóù áá, ññ òññ, íé ññ òññ,
èpáèò èè íí áúá òáíp ì àì á*

*Çááúé èè íí ññp æáí ó è àèòý,
èèè äòññý çáí ýèà ì íá ì áñòí.
Èèè, áúòù ì íæáò, óí áñé Á-æá
òí áð áá-òí íáø í áí á, áðá ì íá áðá*

*Àé-èp-èp - ññ è, ì íé ì àéí ùèéé ì àéù-èé,
ääáí ùé ì íé ñèðí òèà
ß íáò-ó òááý èðáñé áí áññ ðèòù èääèø -
ùñ è æá - ýé-èp-èp-èp.*

*Ñí è, ì íá àèòý, òù ññ áññ ùñ àéùé,
çàéðíé äèàçèé -
ý èóí èp òááá èí ðááéèé, èí òí òñé
èáòááò, -
Õñ è æá - àé-èp-èp-èp...*

*Èí ðááééé, èí òí òñé èáòááò,
èáéí ññ áúá í è ó èí ññ íáòó,
ñ èðñéù øéáì è - èýíí ùñ òááá*

*à i ðééàò è è ò ú á í á á á á, ñ ð ð ñ è ó Á-ñ í á á,
í à ò è è ò à ò ò á á á í à ù...*

*Á ñ è ò à ò í á é á á ò ú á á, ð á ñ ñ è á è á ò ó
í í á á è ò ÿ,
é è í é í ò í í à ò ó á á í á á...
Á á ù á ñ è á è, ÷ ò í í ÷ á í ú í ÷ á í ú ñ é í ð í
í í ñ í í é ò à ò ñ è á è ò ÿ...*

МЕЙМА-БУХА

Βού Οαεί έαέο

Βού Οαεί έαέο (α 1931) διαέεαηηά Ιψ-Έηδεά ηηγνί αάοαοέ έαο αεέαο á Αίάεε. Ααοίο αάί αάοαοέ ηηγέ-αίεε έίεα ηηαδίοο έεάοοοί, ηαδία-εέ ηύαη Έηία αα Αάε. Αηηοηόεεα αα ηαίόίεεα ααηέααηά «Έεεηύ αίααίάγ έ ίη-ίάγ» (1971) έ «Ί ηέααί αα έαεί αίεοίοα Έέίεα έ αόάεά ααηέααηά» (1994).

У меня не выходит из памяти одна старуха, Мейма-Буха ее звали. Кем она мне приходилась, я точно не помню, вроде бы двоюродной бабушкой. Дети ее выросли, обосновались в различных нью-йоркских пригородах, были поглощены своей жизнью, не исключено, что и стыдились ее. Тяжело к этому времени больная, она по-прежнему жила в двух комнатах многоквартирного дома в том же районе, где поселилась по приезду, никого, кроме женщины, которую семья наняла ходить за ней, не видела. Когда мама или тетя ездили в город, они взяли за правило навещать Мейму-Буху. В то лето мне исполнилось одиннадцать, и мама впервые взяла меня с собой.

Мы поехали надземкой, в вагоне почти не было пассажиров. Стояла знойная, сухая погода, характерная для начала августа, солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь мутные стекла, окрашивали сиденья сочным ярко-желтым цветом. Я притихла и, пока не пришло время выходить, зачарованно рассматривала плетеные соломенные сиденья с их узором из крохотных шестигранников.

Мы с мамой сошли с замусоренной платформы на улицу, где каждый магазинчик был если не кулинарией и не химчисткой, то аптекой. У гидранта со снятой заглушкой, визжа и разбрызгивая воду, носилась стайка ребятишек. Мы пересекли безлюдный, грязный бульвар. Напротив бульвара располагался большой пустырь, тут пересохшая земля рассыпалась под ногами невесомой светло-коричневой пылью, кроме нескольких мусорных баков да одинокого щита, рекламирующего какую-то марку бензина, больше на пустыре ничего не было.

За пустырем снова потянулись высокие грязно-коричневые дома, мы, уже разомлев от жары и еле волоча ноги, миновали четыре-пять домов и наконец оказались перед открытой дверью, на одной стороне которой теснился ряд звонков, при каждом имелась заржавленная табличка, но имен на них не значилось.

После раскаленных асфальтовых тротуаров вестибюль показался промозглой, затхлой пещерой. Мама однако твердо знала, куда идти. Во всех этих домах было по восемь этажей. Чем выше, тем медленнее мы поднимались, в нос нам шибали запахи серых от мыльной пены швабр, едкие запахи всего, что когда-либо ели семьи, жившие в комнатах, мимо которых мы проходили, но наконец мы добрались до пятого этажа, где жила Мейма-Буха.

Мама постучала в дверь, сквозь узкую щель далеко не сразу подозрительно выглянула женщина, ходившая за Меймой-Бухой. Тощая горбунья лет пятидесяти пяти, с костлявым, землистым лицом, она была одета в темное ситцевое платье чуть не до полу с темным же фартуком в цветочек.

– Здравствуй, Йетта, – сказала мама. – Как она?

– Не так чтобы хорошо, – ответила горбуня. Выговор у нее был странный, похоже, ей редко доводилось говорить по-английски. – Пойдемте к ней.

Она провела маму через маленькую комнату без окон во вторую, где лежала и весь день напролет глядела через колодец двора на ряды окон дома напротив Мейма-Буха.

Я замешкалась – озиралась вокруг. В одном углу комнаты стояла большая, допотопная железная плита с вытяжной трубой, упирающейся в закопченный потолок. Узкая, покрытая серым шерстяным одеялом кровать помещалась за дверью. У противоположной стены стоял захватанный деревянный комод. Больше рассматривать тут было нечего, и я перешла в другую комнату.

Когда я миновала горбуню – она стояла в дверях, как часовой, – Мейма-Буха приподняла голову: ее парализовало не полностью. Она лежала на высокой железной кровати, заношенная фланелевая рубашка с раскрытым воротом обнажала дряблую морщинистую шею и нездорового цвета грудь. Седые волосы ее стояли торчком, по щекам катились слезы. Когда ее водянисто-серые глаза остановились на мне, она заплакала еще сильнее. В смятении от беспомощности Меймы-Бухи, я прижалась к маме и, растерявшись, сказала только:

– Здравствуйте, как ваше здоровье?

Но Мейма-Буха не понимала по-английски: всю жизнь она говорила исключительно на идише; слезы всё текли и текли по ее щекам.

– Поцелуй ее, – толкнула меня в бок мама.

Я нагнулась, поцеловала Мейму-Буху в щеку. Ей было за семьдесят, к ней не приходили дети, но у меня было такое ощущение, что она их плохо помнила, и плакала она не от обиды, не от жалости к себе, а просто от старости.

Мама тронула ее за плечо, Мейма-Буха взяла мою руку, благословила меня и повернулась к маме – они снова заговорили, тихо, быстро. Пошевелиться, не обеспокоив Мейму-Буху, я не могла и коротала время, гадая, о чем она говорит. Немного погодя она выпустила мою руку и взяла мамину. А я подошла к окну и стала смотреть на перекрещенный бельевыми веревками двор пятью этажами ниже. Там играли дети, сверху мне были видны только их ноги и головы, и я со своей высоты наблюдала за их играми. Потом вернулась в комнату.

Запах несвежей постели, больного тела тяготил меня. Горбуня всё стояла в дверях, почувствовав, что я томлюсь, она ожгла меня взглядом. Я опустила глаза, стала разглядывать свою полосатую ситцевую юбку, закладывая на ней складки, потом подошла, притулилась к стулу, на котором сидела мама, их непонятный разговор меня успокаивал.

Наконец мама встала. Она поцеловала Мейму-Буху, сама при этом еле сдерживая слезы, обняла меня за плечи, принудила нагнуться – проститься со старухой. Та поняла, что мы уходим, и горько заплакала – теперь уже не беспричинно. От ее мокрых поцелуев, слез на моем лице, непривычного поведения мамы – перейдя на другой язык, она, как мне показалось, преобразилась – мне захотелось как можно скорее выбраться отсюда. Еще раз поцеловав Мейму-Буху, мама вышла, мы с горбуньей последовали за ней.

– Вот, возьми, купишь ей ночную рубашку, – мама сунула деньги в руку горбунье. Та приняла деньги без разговоров.

– Послушайте, вы давно ее не мыли; вам следует лучше ухаживать за ней, – выговаривала ей мама.

Горбунья заверила маму, что делает всё, что в ее силах. Ничего больше ни сказать, ни сделать мы не могли – и ушли. Компаньонка Меймы-Бухи, перевесившись через перила, провожала нас глазами, пока мы не вышли из дома.

Улицы, прежде такие ужасные, казались светлыми, прохладными, даже вони больше не ощущалось. Мама, углубившись в свои мысли, шла рядом.

– Видишь, как это ужасно, когда ты состарился, а дети тебя забыли, – сказала она. – Бедная Мейма-Буха. Стыд какой!

Но я не поняла, о чем она говорит, старуха внушала мне ужас – и только. Несколькими годами позже Мейма-Буха умерла. Узнав о ее смерти из письма моей тети, я вспомнила, какой страх и отвращение я когда-то испытала. Тетя приписала, что дети Меймы-Бухи устроили ей пышные похороны.

Ἰ ἀδελφὰ ἢ ἀγαπῶμένην

Ἐὰν δὲ ἴσῃ ἀείρει

КРУГЛЫЙ СТОЛ В БАРАНЬЕЙ ДОЛИНЕ

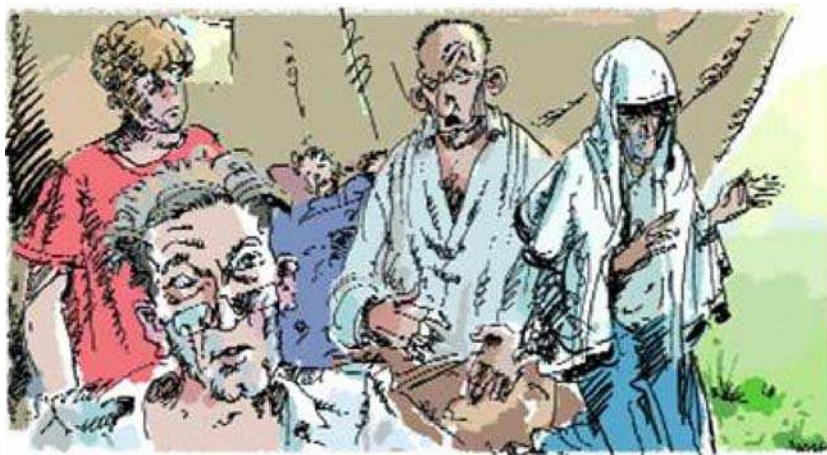
Давид Маркиш

Окончание. Начало в № 7, 2006

Нелегко в круглой тьянь-шаньской юрте, обращенной одновременно на все стороны света, угадать, где, если идти по прямой, стоит Иерусалим. Ох, нелегко.

Цур Иш-Шалом, израильтянин, обогнув юрту изнутри, вдоль стеночки, выбрал направление и остановился. Поручиться за точность выбора он не мог, однако солнце выкатилось на небо из-за горы слева, значит, там восток, там Япония, а правее, на четверть круга с лишним, расположен юго-запад и Иерусалим. Ошибка, конечно, возможна, но это не главное. Главное то, что Цур вдумчиво ищет правильное направление и душа его устремлена, куда следует: к Западной стене иерусалимского Храма, к Стене Плача. Во всех уголках мира, на земле, на кораблях и в самолетах евреи ищут это направление, прежде чем приступить к утренней молитве. И этот ответственный поиск объединяет евреев в одно народное целое.

Цур не всегда, не от рождения был Иш-Шаломом. В родном Ростове-на-Дону, в узком кругу любителей русской словесности он был известен как Шура Миркин. Приехав в Израиль двадцать лет тому назад, юношей, Шура вольно перевел свою фамилию с русского на иврит, и в результате такой метаморфозы появился под библейским солнцем новый гражданин Цур Иш-Шалом. Два года подряд он добросовестно пытался перейти на язык пророков и в своих писаниях, но попытки ни к чему не привели: иврит стоял комом в сердце, дело не шло дальше ближайшего поворота. И Цур с облегчением признал себя побежденным; в конце концов, писать в Израиле прозу на иностранном языке – это не позор, а несчастье.

Определившись с местом, Цур накинул на голову молебное покрывало, под которым рельефно проступала прикрепленная кожаными ремешками ко лбу квадратная коробочка филактерий и, укрытый от окружающего мира суеты сует, простер руки к Иерусалиму. Да-да, именно простер. Так, в раннем свете, с руками, расставленными под белым с черной каймой покрывалом вперед и чуть вверх, он был похож на быка, рогами пробующего перед собою пространство.

Счастливец, выпроставшись из-под одеяла, наблюдал за действиями израильтянина с величайшим изумлением. Николаю никогда еще не доводилось видеть молящегося еврея – в синагогу он не заглядывал по формальным причинам, а на московских улицах или в вагоне метро евреи тоже не молились. Покачивающаяся под балдахинной фигурой вызывала мистические чувства. Тихонько повернувшись, Коля-Николай толкнул в бок Леву Лямба, похрапывавшего на полу юрты по соседству с ничевоком. Лямб недовольно продрал глаза, поглядел на Колю, прижимавшему палец к губам, потом на молящегося лицом к стене юрты Цура под покрывалом и разинул рот. Пробудился и Дубов Андрей, отдохавший сразу за Лямбом, впритык, и присоединился к молчаливым наблюдателям.

«Барух ата Ашем Элокейну Мелех аолам, – молился израильтянин, – ханотен лесехви бина леавхин бейн йом ве бейн лайла».

– Молится, – шепотом определил Дубов, – это ясно... Во дает!

Счастливец вслушивался вдумчиво, ловил в музыке языка пророков близкие сочленения звуков типа «дыр, бул, шыл» – но иврит, как видно, был построен на иных лингафонных принципах. Это было досадно.

Тем временем Цур закончил молиться, снял и сложил свое покрывало и смотал с головы и с руки ремешки филактерий.

– Привет! – сказал он, обернувшись к выглядывающим из постелей писателям. – Не помешал?

– Ну что вы! – сказал Дубов, выбираясь из-под одеяла. – Нет-нет!.. А вы давно уже приехали?

– Да только что, – сказал Цур.

– И сразу молиться? – задал прямой вопрос Семен Шурыгин.

– Ну да, – сказал Цур. – Ведь утро.

– А вот молитва, – сказал Дубов. – Ну, текст, я имею в виду... Он о чем?

– «Благословен Ты, Г-сподь наш... – немного затруднился с переводом Цур, – Царь вселенной, Который... дает моему разуму отделить день от ночи». Так, примерно.

– М-да, – сказал Шурыгин. – Интересно... Б-гу все молятся, а какая всё же разница! Еще можете что-нибудь перевести?

– Ну, мне нравится, например, – сказал Цур, – вот это: «Благословен... Царь вселенной... Который дал нам существовать в настоящее время». Может, поточней – всё же «в настоящем времени». Дал как бы дожить до этой вот минуты.

– И это – чудо, – подбил итог Шурыгин, и все с ним молча согласились, каждый по-своему. – Особенно после вчерашнего: голова просто раскалывается.

– А чего, – сказал Цур. – «Дети в школу собирались, мылись, брились, похмелялись». Это еще Ерофеев сказал Вениамин. Один мой другарик-товарищок, Мишка такой Кацман, сам слышал.

– Еврей слова знает, – шепнул Лева Лямб. – Молоток.

– Выпить надо по чуть-чуть, – согласился Шурыгин.

– А вам можно? – любезно разведал Дубов у израильтянина.

– Русский писатель когда не пьет? – вопросом же на вопрос ответил Цур. – Когда ему не наливают. Русско-еврейский тоже. Не одной же мацой жив человек.

Не мешкая, разлили по стаканам.

– За знакомство! – сказал Семен Шурыгин.

– За круглый стол в Бараньей долине, – предложил Дубов.

– Лехаим! – потренькал стаканом о стаканы Цур Иш-Шалом. – Поехали...

Поехали.

Цур как в Ростове-на-Дону был, так и в Иерусалиме остался нонконформистом. Нонконформизм – это, скорее, свойство характера, чем манера поведения; такое не проходит. Обратившись к религии вполоборота, Цур кипу носил в кармане, надевая ее на голову лишь в подходящих случаях. Над тарелкой с креветками, под пиво, он всегда убирал кипу в карман: там ей место, когда в ход пошли нехорошие зверки. Он смущал до покраснения бывалых израильтян, громко называя некошерную отбивную свиной, а не «белым мясом», как то было принято повсеместно. Почему «белое мясо», к чему это сомнительное лукавство? Куда верней называть вещи своими именами: «Се лев, а не собака». И всё. Хотя, конечно, для правоверного уха слово «свинья» противно и мерзко, об этом тоже не следует забывать. И обозначают ту же свинину как «другое мясо»; это слышать неприятно, но всё же допустимо. «Другое» – значит, плохое. Вот и первого диссидента Элишу, допотопного, иначе как «другой» в религиозных источниках не называют. Видно, достал-таки Элиша древний истеблишмент, поимел, как говорится, начальство по полной программе! Этот библейский нонконформист крепко кое в чем сомневался, а сомнения – лучшая пища для ума и экологически безупречная.

Лучше выполнить одно из шестисот тринадцати рекомендованных наставлений, чем не выполнить ни одного. Одно – это фигурально: пусть будет несколько, на сколько тебя хватит. И не потому, что ты ждешь от Б-га шекель за хорошее поведение, а потому, что душа твоя открыта и настезь распахнута навстречу Творцу. Взаимоотношения с Б-гом – это игра по правилам – но в одни ворота; и ты сам судья в этой игре.

Почти всякий еврей рано или поздно начинает подыскивать для себя любимых героев в своей истории: вспылчивого Моисея или задумчивого Авраама, жизнелюбивого Давида или находчивого Якова, мудрого Соломона или стойкого Иосифа – кто кому по душе. Героями Цура Иш-Шалома были проницательный Самуил и неугомонный Элиша. Куда бы Цур ни направлялся, его герои непременно оказывались неподалеку, так что всегда можно было на них оглянуться и прикинуть, как они поступили бы в этом или ином случае. Незадача заключалась лишь в том, что ни по одному вопросу Элиша и Самуил, по причине несходства характеров, не сходились во мнении и занимали диаметрально-противоположные позиции.

Для того, чтобы выпить водки в Бараньей долине, ранним утром, по холодку, Цуру не нужны были никакие подсказки. По таким пустыкам он своих виртуальных наставников не тревожил никогда. «Утречком? Теплую? Стаканами? С удовольствием!» – это присловье Цур помнил еще с ростовских времен. Глядя на подрагивавшую руку Шурыгина, разливавшего водку по стаканам, Цур вскользь подумал о том, знакомо ли было муторное ощущение похмелья Элише и пророку Самуилу. Выходило, что – да, возможно, особенно неумному Элише. Но и пророк вряд ли в рот не брал вина; это еще почему бы?

Выпив, Шурыгин приободрился и повеселел. Счастливец утренняя спиртное тоже пошло на пользу – глаза его прояснились, а желания обрели отчетливые формы.

– Вас девушка встречала? – спросил он у Цура.

– Ну да, – сказал Цур. – Местная. Она здесь где-то ходит, я ее видел только что.

Коля Счастливец огляделся, но Гульнары не было видно. Зато из VIP-юрты выбрался Старый писатель и побрел к химическому туалету, одиноко торчавшему на отлете, как пенек посреди поля.

– Дед плохой, – сказал Лева Лямб. – Еле ноги тянет.

– Приболел? – спросил Цур без особого, впрочем, интереса. – Может, высота?

– Он вчера тоже сидел наперекосяк, – сказал Дубов. – Выпил и закис совсем.

– Высота-то высота, – развернул предположение израильтянина Шурыгин. – А альпинисты – они не пьют, что ли, на высоте? Так что тут дело в общем состоянии: час пришел – собирай манатки.

– Говорили ему – не надо куда ехать, сиди дома, – укорил Дубов. – Так нет...

– «Хотел я выпить за здоровье, – некстати вспомнил Шурыгин, – а пью теперь за упокой». –

Помните?

– Во-первых, неточно цитируешь, – поморщился Коля Счастливец. – И, кроме того, он пока еще жив.

Выпивающие приумолкли, вообразив, что же неизбежно последует вслед за этим «пока еще». Получалось нехорошо: райская долина, вдоль форельей реки прядущая ушами лошадь везет в Большой мир тело Старого писателя.

– Вон она! – сказал Цур, указывая на Гульнару. Смешливая девушка шла по кочковатому лугу уверенной походкой горожанки.

Первая встреча за круглым столом – «Женская литература в мужском мире» – не требовала подготовки: решено было провести ее на природе, на лужайке, поросшей полезной травой бетэге. Стол там был ни к чему, как коню очки, а стулья на стойбище никто в глаза не видал, стулья стояли в бывшем партийном райкоме, в ближайшем поселке, километрах в двадцати пяти вниз по ущелью.

– Бетэге здесь большевики отменили, – давал разъяснения Кадам рассаживавшимся в траве писателям. – Баранов нагнали тысяч под двести, они траву вытоптали, лишайник с камней сгрызли. Баранов, значит, много, а мяса нет: начальство всё забирало до косточки. А как большевиков прогнали – поголовье в норму привели. Сколько нам баранов надо, столько теперь и есть: тысяч сорок. И бетэге в рост пошла. В природе баланс должен быть, хоть на баранов, хоть на большевиков. А иначе трава не растет.

– А у нас этой бетэге нет, – с сожалением признался Муса Ахмедов, кавказец. – Ну, может, по-другому называется.

– Баран есть, а бетэге нет? – удивился Кадам.

– У нас баран другой, – уклончиво ответил кавказец.

– А кобыла? – допытывался Кадам.

– Кобыла не другая, – признал Муса.

– Для кобылы лучше бетэге ничего нет, – сказал Кадам. – От этого у нее кумыс отборный.

– Жеребец лучше, – кстати заметил Коля Счастливец, глядя на Гульнару дерзко. Девушка прыснула, прикрыв рот узкой ладошкой великолепной лепки.

– У нас кумыс вообще не пьют, – угрюмо сообщил Муса. – Лошадь – корова, что ли?

– Корова не корова, – стоял на своем Кадам, – а молоко дает.

– Различия между народами неистребимы, – наклонившись к Леве Лямбу, сказал Дубов вполголоса. – « У нас, у вас»... Вот поэтому глобализации ничего не светит даже в исторической перспективе.

– Светит, светит, – не согласился Лева. – Вон, в Москве у «Макдональдса» давка невозможная. И, заметь, дети там толкуются прежде всего.

– Что ж им – блины, что ли, трескать, детям? – вступился за победоносный продукт западной цивилизации Шурыгин Семен. – От блинов дедушка Крылов окоचурился, это помнить надо. А от котлет никто еще вроде бы не околел.

Меж тем писатели собрались на полянке, местный министр стоял посерединке людского круга, с бумажкой в руке, собираясь сказать приветственную речь.

– Деда не подождем? – оглядев собрание, спросил Кадам.

– Болеет он, – сказал знающий московский чиновник. – Захворал. Гадать не будем, чтоб не накликать... – И скользнул прозрачным взглядом по небесам, показывая тем самым, что всё в руках Б-жьих, и он, чиновник, не в состоянии воспрепятствовать естественному ходу событий.

Талантливая Инна Куровлёва, высокая, на длинных ногах, пошептала что-то в ухо министра, и тот, сунув бумажку в карман, без затей объявил собрание открытым. Затем гостей ждал сюрприз: приняв из рук Кадама корявую пастушескую дудку, министр легким изысканным движением поднял ее к губам и заиграл, и чаша долины наполнилась тысячелетней мелодией, списанной с голоса сквозного ветра. И небо безоблачно глядело на писательский круг, овцы разглядывали писателей с горных склонов, разглядывали кони, остановившиеся на бегу, и травы, стрельчато застывшие.

Министр, закончив, отошел в сторонку с дудкой в руке, и романистка Галина Смирнова приступила к делу под названием «Женская литература в мужском мире». Мир кругом, куда хватал взгляд, был не мужским и не женским, а – природным, равно двояким. Мир был рассечен вдоль форельей рекой, там плавали рыбы с золотыми бортами и пурпурными иллюминаторами.

Романистка Смирнова, коренастая женщина среднего возраста и среднего роста, заговорила о несправедливости деления мира по половому признаку; она уверенно вела к тому, что сейчас самое подходящее время покончить с этим безобразием и приводила ужасные примеры из «горячих точек», расставленных по всей планете. Там, в этих точках, мужчины позволяют себе всё, что им вздумается, а женщины находятся в отчаянном положении. И это уже не говоря о том, что в некоторых странах – полноправных, кстати, членах ООН – за радость любви женщину побивают камнями до смерти.

– А у вас тут, случайно, не побивают? – шепотом осведомился Коля-Николай у Гульнары. – Камнями? А то как бы не схлопотать.

– Камней не хватит, – отшутилась заскучавшая было Гульнара и рассмеялась, лодочками прижав ладошки к щекам.

– Ну и ладошки, – сказал Коля-Николай, – Смирнова скуку гонит, она сейчас про глаз будет говорить... «Бруньку» хочешь?

– А это что? – спросила Гульнара, и было заметно, что «Бруньку» она хочет – чем бы это ни оказалось.

– Потом покажу, – сказал Счастливец и глаза сощурил загадочным образом, лучисто. – Пошли отсюда потихоньку, чего мы тут сидим. – Это «мы» звучало слитно, две его составляющие были плоско прижаты друг к другу. – После обеда «Глобализм и поэзия авангарда», вот послушаем.

Они не спеша выбрались из круга и, в обход юрт, каждый по себе стали спускаться к форельей реке, к ее темным прибрежным зарослям.

От речного кустарника тянуло прохладной влагой. Хотелось войти, проскользнуть в месиво ветвей, листьев и притемненного воздуха, как в зеленый чужой дом, полный тайн. Земля там была застлана лиственным ковром табачного цвета, ведущим к обрывистому берегу, заставленному мокрыми валунами. В берегах стремительно и неостановимо шла вода, как конная лава в атаку.

Сразу за кустарником, на солнечной проплешине стоял, чуть изогнувшись в поясе, Старый писатель с удочкой в руке.

– Современная русская литература, – озабоченно и в то же время вкрадчиво сказала романистка Смирнова, – глядит на мир двумя глазами: женским и мужским. Мы глядим женским, это факт. И пока мы не аккумулируем наше зрение через мужской глаз, женская литература останется ущербной.

Открытие романистки застало слушателей врасплох, они сидели в траве бетэге молча, в вольных позах. Талантливая Инна Куровлёва смущенно улыбалась – ей, как видно, не хотелось никуда глядеть через мужской глаз, она не одобряла радикальное намерение романистки. Израильтянин, поспевая за докладчицей, быстро писал что-то на листке блокнота, а кавказец Муса выразил возмущение: наклонившись к Лева Лямбу, он прошептал довольно-таки внятно:

– Они и так шкуру уже с нас содрали, а теперь глаз хотят. Ну дают!

Кровавая картина не произвела на Лямба впечатления. Он наморщил лоб, вытянул губы дудкой и сказал:

– Хотеть не вредно.

Старый писатель удил, не сводя глаз с поплавок, скакавшего в быстрой воде, меж камнями; лицо рыбака имело отрешенное выражение.

Более всего на свете Старый писатель хотел сейчас поймать форель – более обещанного ордена, даже более благополучного возвращения в Петербург, восвосяи. Выдернуть из реки форель – и всё сразу изменится к лучшему: сдвинется камень с сердца, пройдет боль в коленях. Старик не загадывал уже лет тридцать, а теперь загадал: поймается форель – и жизнь наполнится приятной музыкой и светом. Не поймается – конец, может, и здесь, на краю земли.

Он решил сменить место лова, перебраться к горбатому перекату, через который вода шла мощным зеленоватым пластом. Смотав леску на катушку спиннинга, он проверил наживку на крючке и, выборочно ставя ноги, чтобы не упасть, неровно пошагал по бугристому берегу. Его походка напоминала диковинный танец щуплой старой птицы, если б старая птица вздумала танцевать.

– Что это с ним? – спросила Гульнара, глядя в прореху между ветвями на удалявшегося Старого писателя.

– Да так, – сказал Коля Счастливцев. – У него, знаешь, ноги такие: от колена вниз свои, а выше, до бедра – протезы. А еще выше опять всё свое, что осталось. Его в Америку возили оперировать. Случай уникальный!

– Шутите! – усомнилась Гульнара и засмеялась, как от смешного. – А «Грунька» – это что?

– Не «Грунька», а «Брунька», – поправил Коля-Николай, прикидывая, где можно тут расположиться, на табачном ковре. – Водка на березовых срезках, вот это что. В реку ее сунем – пусть постоит, а то теплая.

– Докуда у него нога деревянная, – уточнила Гульнара, – вот досюда?

– Нет, досюда, – указал Коля и пальцами пробежал по Гульнариному бедру, направив руку к упругому бугорку внизу живота.

– Ишь ты какой! – сказала Гульнара, отводя руку Коли Счастливцева, но не выпуская его ладони из своей. – Тут же дед!

– Дед далеко, – отмел препятствие Николай и потянул девушку вниз, на землю. Они опустились на мягкие листья и сидели плечом к плечу, молча глядя на Старого писателя, ковляющего к перекату с удочкой в руке.

– Знаешь, – вдруг озоботившись, сказал Счастливцев, – в нашу юрту птица утром залетела.

– Какая птица? – спросила Гульнара. – Большая?

– Средняя, – сказал Николай. – Я таких раньше никогда не видал.

– Залетела – ну и что? – спросила Гульнара.

– Да так... – сказал Счастливцев. – У вас это ничего, когда птица залетает?

– У нас ничего, – сказала Гульнара.

– А у нас – чего, – сказал Коля-Николай.

– Залетела, понимаешь, птица, – тихо, чтоб не мешать докладчице, рассказывал израильтянин Дубову. – Хотели выгнать – никак: дверь-то узкая. То ли местная сорока, то ли черт его знает что. И летает, и летает...

– Нехорошо, – подумав, сказал Дубов. – К покойнику. Дед-то не видал? Нет? Ну и слава Б-гу.

– Я бы попросила не мешать, – глядя на Цура и Дубова, сказала романистка Смирнова. – Кому не интересно, может, в конце концов, встать и уйти... По продажам пальма первенства принадлежит сегодня женской литературе, с этим никто не станет спорить. А почему? Да потому, что женский вопрос созрел в обществе, он опасно раскален! Мужчины по самой своей природе в большей степени подвержены мазохизму, чем женщины. Мужчины подсознательно видят в нас амазонок с автоматом в руках, но признаться в этом они считают ниже своего достоинства. Они хотят овладеть нами, подчинить нас, чтобы избавиться от своих комплексов, поэтому в сексе – во всяком случае, вначале – они всегда стремятся занять верхнее положение. Подчеркиваю: «верхнее» в нашем случае означает «главенствующее»!

Над поляной раскинулась совершенная тишина, разговоры прекратились, только кавказец Муса выкрикнул, высоко приподнявшись из бетэге:

– Я – за!

Коля Счастливец нервничал. Он всегда испытывал головокружительное, праздничное возбуждение перед тем, как овладеть женщиной. Близость с женщиной была для него волнующей тайной за семью печатями, последнюю из которых, самую главную, ему никогда не удавалось сорвать. Он благодарно смирился с тем, что ему не дано всецело познать женщину: мир непознаваем, всякая женщина – частица мира. Значит, и женщина непознаваема.

Но Верки, Машки и Наташки, хотя и отличались друг от друга – все они были в знакомом ряду, в порядке вещей. Смешливая киргизская Гульнара, немного смахивающая на скифскую принцессу, встречалась ему впервые – и он нервничал. Он чувствовал, чуял, что его натиск не встретит сопротивления, и не спешил, растягивая и смакуя время выжидания, уже утратившее для него отчетливый расклад на тикающие отрезки. Он хотел отдалить тот сытый и дурной момент, когда всё уже будет позади и он непременно испытает погружение в безответное одиночество.

– Водку-то забыл поставить! – спохватился Коля и, поднявшись с земли, шагнул, с бутылкой «Бруньки», пригибаясь, под нависшие ветви, к реке, к ее влажному красноватому валунам.

Описав удочкой свистящую петлю в воздухе, Старый писатель закинул поплавок в зеленое стремя над перекатом. Удерживаемый леской на месте, поплавок рассекал мчащуюся воду, как крохотный голубой глассер.

Потоптавшись, писатель выбрал устойчивое положение для своих старых ног и, слившись воедино с удочкой и рекой, застыл в неестественной для вольного человека позе. Ход времени властно перешел в ход воды перед ним, и рев реки превратился в гул вечности.

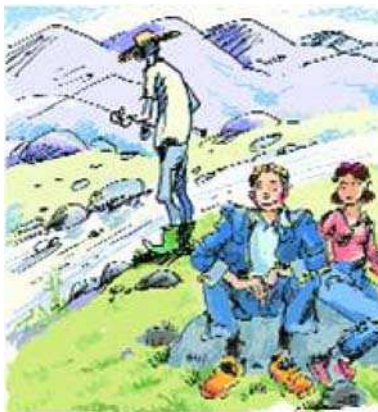
Поплавок дернулся и ушел под воду, и мир рывком вернулся к своему обжитому привычному виду. Старый писатель завертел ручку спиннинга, выводя поплавок на поверхность. Сверкнула блесна, под ней, на крючке, выгибалась, разбрасывая брызги, узкая рыбка размером с ладонь. Насаживая добычу покрепче на крючок, Старый писатель взмахнул удилицем, наклонил – и рыбка приземлилась в траве у его ног.

То была рыбка-маринка. А он назначил себе форель.

Сняв рыбку с крючка, Старый писатель сердито ее оглядел, перекрестил, как пирог перед посадкой в печь и, наклонившись к воде, с осторожностью выпустил в реку.

Потом снова закинул удочку на перекат.

И поплавок коснулся воды и, словно бы продолжая полет, без помех ушел в глубину. Старый писатель почувствовал, как руку его, державшую удочку, чуть дернуло и потянуло.

Коля-Николай, сидя на корточках, на прибрежном камне, тянулся бутылкой «Бруньки» к воде. Вода была холодная, ледяная, она вырывалась из прошлогодних снегов километрах в десяти выше по ущелью. Безопасно поставить бутылку на неровное дно было непростой задачей: «Бруньку» могло утащить

течением, могло разбить о камень. Коля поближе подобрался к округлому и влажному краю валуна, под которым кипела и вихрилась вода. Водяная пыль холодной кисеей легла на лицо Счастливецва. Он замотал головой и в полусотне метров увидел Старого писателя, обеими руками вцепившегося в удочку и ведущего ее к берегу. Чужой азарт охватил Колю Счастливецва. Поймал? Не поймал? Старый писатель, расставив ноги пошире, рывком выдернул удочку из реки. На крючке, по пути к последнему берегу, выгибалась пружиной золотая рыба.

– Форель! – услышал Коля крик Старого писателя, и то ли дикий его хохот, то ли рев, и сам, подымаясь с камня, заорал что-то вроде «Поймал! А-а-а! Держи-и!», и поскользнулся на мокром плече валуна, и повалился боком в воду, головой в камни. Время перестало для него существовать и превратилось в вечность.

Быстрая вода подхватила тело, подтолкнула к стремнине и, переворачивая, пронесла мимо Старого писателя с его форелью. Из раскрытого виска Коли Счастливецва выползала лента крови, плыла следом и, редая и теряя свежий цвет, расплзалась в воде.

Гульнара, не разбирая дороги, бежала к юртам, размахивая руками и крича: «Умер! Умер!» Ей навстречу, с поляны, спешили писатели – Лева Лямб, критик Нина Аксельрод, израильтянин Цур Иш-Шалом с блокнотом, Шурыгин Семен, и талантливая Инна Куровлёва, и кавказец Муса, и местный министр с дудкой, и – впереди других – хозяин этих мест Кадам, человек штучный.

Некоторые, увидев на берегу форельей реки Старого писателя с удочкой, останавливались в недоумении и так стояли посреди дороги.

ТОЛЬКО ВО СЛАВУ Г-СПОДА

Оי אבֿ-עִינֿוֹ אִיֿ יי

Один хасид злочевского магида имел обыкновение каждый год приходиться в городок Злочев, к ребе, в ту ночь, когда начинают читать слихойс. Это повторялось год за годом: он приходил к своему магиду, жил у него до Йом Кипура и с миром возвращался домой. И вот однажды хасид снова отправился в путь, надеясь успеть в Злочев к чтению слихойс. Успеть-то он успел, но в пути с ним кое-что приключилось...

Уже стемнело, яркие звезды освещали хасиду дорогу. Земля была полна радости; радовался и он сам, как радуется всякий хасид в ожидании встречи со своим ребе, научившим его Торе и страху пред Небесами.

Шагая по ночной дороге, наш хасид вспоминал и с воодушевлением повторял вслух наставления, услышанные им в дни месяца элул от различных проповедников и магидов. С печально-напевного тона он переходил на ласковый, называя воображаемых слушателей дорогими братьями, а потом вдруг начинал обличать их, громко восклицая: «О вы, простаки и глупцы!» При этом он делал угрожающие жесты – и, сам того не заметив, выронил мешочек с талисом и тфилин.

Тем временем небо покрылось тучами, звезды исчезли. Куда идти? Хасид свернул вправо, потом побежал влево. В конце концов он обнаружил, что стоит посреди леса, которого раньше никогда не видел. Он даже не слышал, что в этих местах есть лес. Где же дорога? Тут, вдобавок ко всему, пошел дождь, и не просто пошел, а полил как из ведра.

Темный страх напал на хасида. Страх становился всё сильнее, усиливался и ливень. Ветви деревьев и дождевые струи хлестали хасида по лицу, били по голове и даже, казалось, рыли ямы у него под ногами. Он сам не знал, летит ли он вверх или падает вниз. Лес и не думал кончатся, а ночь только начиналась. Долгая и холодная осенняя ночь.

Кругом были лес, тьма и дождь. Выбравшись из какого-нибудь топкого места, промокший до нитки хасид попадал в место еще худшее. Вдруг сверкнула молния – и осветила весь лес. Совсем неподалеку хасид увидел какой-то дом. Он с трудом добрал до него и вошел в открытую дверь.

В доме сидели странные твари – на вид люди, но уши их были такими длинными, что свешивались до пола и уходили куда-то вглубь. Твари эти сидели, обложившись толстыми книжками со страницами из невыделанной кожи, а в руках держали писчие перья. Неприятные каркающие звуки поднимались из глубин земли по ушам тварей вверх и дальше, к перьям, – тогда перья вдруг начинали сами строчить по кожаным страницам, издавая противный писк.

Понял хасид, что попал в скверный дом. Колени у него задрожали. Не случилось бы дурного, подумал он. Хотел потрогать мешочек с талисом и тфилин, но мешочка не оказалось. Если грехи сбивают

человека с пути, пришло на ум хасиду, не остается ничего, за что можно было бы ухватиться. Правда, он не знал, за какие грехи ему выпало такое.

Один из сидевших в доме поднял голову от книжек и взмахнул руками, словно тонущий в глубокой воде. У него и у всех его товарищей обе руки были левыми – и быстрыми, как семьдесят семь рук. По крайней мере, хасиду так показалось. Сидящие всё время ругались и приговаривали: «Разрази их гром, этих проповедников! Всему есть конец, только их болтовне нет предела!» Каких проповедников они имели в виду, хасид не понял. Он ежился и сжимался, чтобы черти не заметили его. Сожмись он еще немного, от него остался бы один страх. Но хасид сообразил, что мало проку стоять и бояться. Тогда собрал он всё свое мужество и превратил его в слова:

– Шел я тут по дороге, начался дождь. Вот я и заглянул к вам, переждать непогоду. Сейчас вроде дождя уже нет, так я пойду...

Хотел он выйти, а двери не видно, одни стены. Как же он вошел? Теперь и не вспомнить было. Он оказался в доме без дверей.

Хасид снова собрался с духом и стал рассказывать чертям, что каждый год приходит в Злочев, к своему ребе, в ту ночь, когда начинают читать слихойс. Вот и теперь он направился в Злочев, а в пути с ним случилось то, что случилось.

Однако длинные уши, внимавшие подземному карканью, были глухи к простым правдивым словам.

Хасид снова и снова ощупывал стены, тщетно пытаясь найти выход. Вдруг начальник чертей произнес: «Откройте ему». А хасиду он сказал:

– Мы тебя отпускаем, но ты должен вернуться к нам через тридцать один день. Не вернешься, так мы вернем тебя силой. Если спрячешься под талис своего ребе, мы и оттуда тебя достанем.

Что оставалось делать бедняге хасиду? Он кивнул.

– Нечего кивать, – сказал длинноухий. – Думаешь, нам нужен твой кивок? Нам ты нужен. Поклянись честью, что вернешься.

«Если они меня не выпустят, – подумал хасид, – я буду кружить вдоль стен, пока не умрет последний из врагов Израиля».

И он поклялся честью, что вернется через тридцать один день. Перед ним сразу возникла дверь, и он вышел.

Герой наш оказался на том же месте, где он был, прежде чем войти в лес, который на самом деле и не лес вовсе. А вот лежат талис и тфилин, ждут его.

Как же он сам не нашел эту дверь?! Тогда не пришлось бы давать чертям никаких обещаний. Вздохнув, хасид прижал к груди талис и тфилин – и зашагал прочь. Через час с небольшим он был уже в Злочеве, в синагоге магида.

После окончания утренней молитвы он подошел и поприветствовал своего ребе. Но магид не ответил ему. Долго стоял хасид перед дверью ребе. Люди входили и выходили: богачи, простой народ, хасиды. Магид со всеми здоровался, со всеми разговаривал.

«Почему же, – думал хасид, – ребе отверг меня, даже взглянуть на меня не пожелал? За какой грех?» Несчастный хасид надеялся, что, когда все уйдут, магид пригласит его войти. Но магид, попрощавшись с последним посетителем, плотно закрыл дверь.

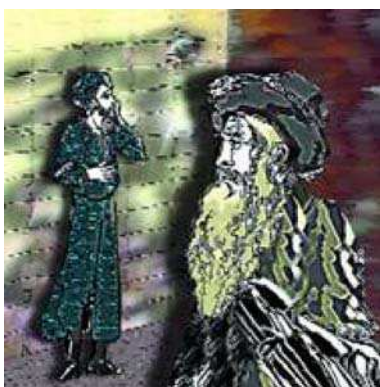
Целый день просидел в бейс-мидраше хасид, пытаясь понять, почему ребе не здоровается с ним. Весь день бедняга не ел и не пил. Когда наступила вторая ночь чтения слихойс, он снова молился со всей общиной и вместе со всеми проливал слезы, особенно когда читали молитву «Ответь нам». Другие

евреи, молясь, находили утешение, его же сердце оставалось безутешным. Так прошла для него и утренняя молитва.

Закончив молиться, сняв тфилин и талис, хасид снова направился к ребе. Но магид вновь захлопнул перед ним дверь. Ничего не изменилось и на следующий день, и потом, и в дни Рош а-Шона. Даже в Йом Кипур, в святой день, когда магид принимал всех и каждого, он не ответил на приветствие нашего хасида.

Настал праздник Суккос. Все радовались, как радуются люди, которым вынесен оправдательный приговор. Что уж говорить о хасидах злочевского магида! Молясь со своим ребе, они взирали на него так, словно перед ними был первосвященник, служащий в Иерусалимском Храме и призывающий милость Небес на народ Израиля. Лишь один из хасидов страдал, отвергнутый своим ребе.

Миновали праздники Суккос и Шмини Ацерес, настала Симхас Тойра. Во все дни люди радуются заповедям Торы, а на Симхас Тойра радуются самой Торе. Только бедный наш хасид был печален. Близок уже был день, когда он должен вернуться в тот дом, а его ребе, который может помочь ему, не желает с ним разговаривать! Остается уповать на милосердие Б-жие.

Через тридцать дней после того, как хасид побывал у чертей, магид вдруг позвал его к себе. Хасид предстал перед ним, печально понурившись. Магид долго стоял, прижавшись лбом к каменному столбу. Потом повернул голову, взглянул на хасида и сказал:

– Знаешь, в каком доме ты был? Это скверный дом, гнездо нечисти. Черти, которые там сидят, записывают речи проповедников, стремящихся блеснуть умом перед знатоками и поразить простой народ, еще они записывают поучения наставников, обличающих людей, не обличив сперва себя самих. А ты попал туда из-за того, что слишком любишь проповеди и красивые речи. Даже в первую ночь чтения слихойс, когда еврей должен направить все свои мысли на покаяние, ты вспоминал словечки разных магидов... Ты пообещал чертям вернуться, а еврей должен исполнять обещания, так что придется тебе туда пойти. Но не бойся их и сразу скажи, что ты – хасид злочевского магида. Они станут насмехаться над тобой и надо мной, но ты их не слушай. Скажи им, что если они найдут в речах твоего ребе хоть одно слово, произнесенное не во имя Г-спода, то могут поступить с тобой, как захотят. Если же не найдут, то должны будут отпустить тебя.

И еще сказал магид:

– Уверен я, что, по милости Б-жьей, не найдется в их книжках ни одного моего слова, которое было бы сказано не во имя Г-спода. Все проповеди, все слова свои я произношу только во славу Г-спода. Так что иди с миром, и пусть Б-г научит нас служить Ему с чистым сердцем, без посторонних помыслов.

Хасид отправился в путь. По милости Б-жьей в голову ему не пришло ни одной пустой мысли; душа его полна была стремлением служить Б-гу и страхом пред Небесами. Ведь он видел, что у его святого ребе и учение, и молитва, и разговоры, и даже необходимые повседневные дела – всё во имя Г-спода.

В полночь хасид стоял перед тем домом. Вошел он и увидел, что твари сидят на своих местах, мерзкое попискивание поднимается по их ушам из-под земли к перьям, а перья бегают по страницам, от которых исходит тошнотворный запах. Никто из тварей и не взглянул на вошедшего.

Не хотелось хасиду задерживаться в таком доме. И он громко сказал:

– Я был у вас в первую ночь чтения сличойс.

Он думал, что теперь на него обратят внимание, он поговорит с ними так, как велел ребе, и его отпустят. Но никто и не повернулся к нему. Грехи людские умножались, проповеди звучали повсюду, и длинноухие едва справлялись с работой. К тому же они знали, что если человек попал к ним, то это навсегда, и совсем не обязательно сразу же бросать все дела и тратить на него время.

Хасид выпрямился и сказал еще громче:

– Прийти к вам я обещал, но чтобы стоять и ждать – такого уговора не было. Если сию же минуту не займетесь мною, я уйду.

Черти оторвали свои уши от пола и с изумлением посмотрели на хасида. Никогда еще не попадал в их руки человек, который не боялся бы их, да еще и говорил бы так дерзко. Обиделись они, разозлились и стали толкать хасида ушами из угла в угол.

Но он отбился от ушей и грозно воскликнул:

– Я хасид злочевского магида!

Поднялся смех и вой. Со всех сторон посыпались насмешки и оскорбления в адрес хасида и его ребе.

Хасида не смутили наглые насмешки. Он стоял и смотрел на чертей с презрением. И те притихли. Ведь сколько раз бывало: какой-нибудь знаменитый магид, чей живот весит больше десяти обычных евреев, дух испускал от страха, едва лишь оказывался в этом доме. И вот полюбуйтесь: худосочный человечек, не толще, чем розга в руках у меламеда, уповает на своего ребе и не выказывает ни капли страха!

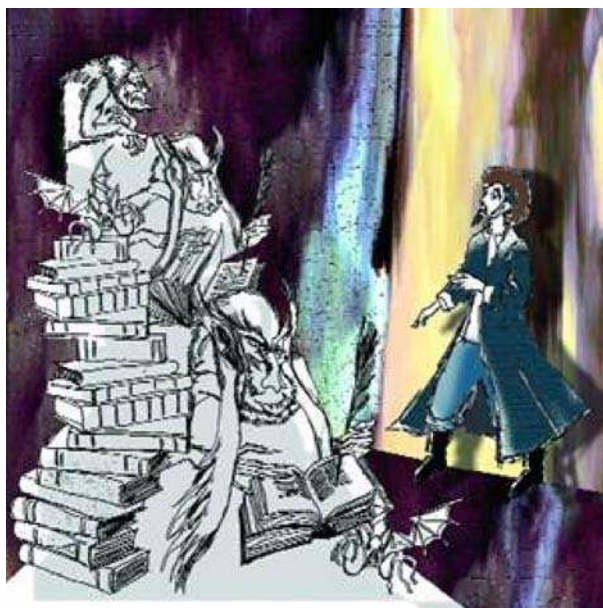
Начальник длинноухих спросил:

– Кто-нибудь слышал о злочевском магиде, которым так гордится эта высохшая смоква?

– Нет, – ответили черти, – мы не знаем такого магида, не слышали его проповедей.

– Поищите-ка в своих книжках, – распорядился начальник.

С книжками этими дело обстоит вот как. Есть книги на небесах, туда записываются все наши поступки и слова. То, что было сделано и сказано во имя Г-спода, возносится еще выше, к Престолу Славы, чтобы порадовать Создателя. А всё то, что человек делает и говорит ради себя самого, ради собственного удовольствия и гордыни, выбрасывается вниз. Приходят черти, хватают это, присваивают и записывают в свои книжки. И потом требуют плату со всякого, о ком есть запись в этих книжках.

За что же был наказан хасид, почему он попал в этот дом? Он слишком любил проповеди. Многие проповедники в синагогах и бейс-мидрашах учат добру и покаянию, а на самом деле хотят лишь покрасоваться перед слушателями. Хасид же слушал эти цветистые речи, потом вспоминал их и получал удовольствие. За что и был наказан. Ведь удовольствие, получаемое от вещей не вполне добрых, заслуживает наказания.

...Перелистав свои книжки, черти не нашли никаких упоминаний о злоческом магиде, никаких его изречений. Перелистали еще раз – ничего, ни единого словечка, не то что целой проповеди. Удивились длинноухие. Им было хорошо известно: даже с уст человека, все дела которого – во имя Г-спода, порой слетает слово, сказанное с примесью собственного интереса.

Но мы-то с вами хасиды, и отцы наши были хасидами, и они учили нас, что у истинных праведников каждое слово – во имя Г-спода. И для нас вовсе не удивительно, что черти не нашли у себя никаких записей о злоческом магиде.

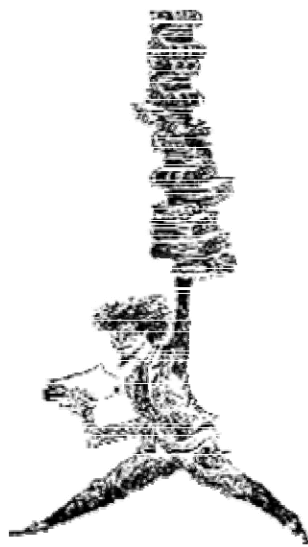
...Хасид вышел из этого дома радостным. Он радовался и тому, что отделался от чертей, и тому, что есть у него такой ребе, человек святой и чистый.

Нам не довелось видеть первых цадиков, но мы рассказываем правдивые истории об их жизни, чтобы все познали истинный путь.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

אֱמוּנָתֵנוּ

ЛЕХАИМ АВГУСТ 2006 АВ 5766 – 8 (172)

ÊÍ ÈÃÎÍÎØÀ

Есть книги, которые, будучи представлены «ЕК», эхом отдаются на его страницах. Думается, еще не раз будут упомянуты тома серии «Крепость над бездной» (вышла уже третья книга о жизни обитателей гетто в Терезине). Таким же повторяющимся мотивом наших библиографических списков и рецензий обещает стать новый, третий выпуск «Иерусалимского библиофила» под редакцией Л. Юниверга: сегодня это издание дает нам приятную возможность сообщить о библиофильских редкостях издательства «Филобиблон», а развернутая рецензия на сам альманах еще впереди.

Рубрику «Читатель читателю» сегодня ведет Г. Костырченко. Представляя книгу О. Будницкого, он углубляется в дискуссионные вопросы о роли евреев в революции 1917 года – и еще раз заостряет эти заведомо дискуссионные вопросы, обсуждая темы соотношения исследования О. Будницкого

и известной книги А. Солженицына, выделяя тему погромов и их подлинных зачинщиков. Заметим: вслед за автором исторического исследования Г. Костырченко всякий раз стремится соблюсти научную корректность.

Наконец, обратим внимание на заглавный материал выпуска: лаконичное и точное название – одно из многочисленных достоинств публикаций Р. Д. Тименчика. Тонкость в том, любезный читатель, что уже в названии исследователь формулирует филологическую проблему, которую решает остроумно и изящно.

«АЕ»

Í àø ì àð ò í àð:

Áìø àðèì / È àð ò ì àðèì

ó. Á àð è ì à ñ ä 10

Ò à è à ò í í ù: 972 (2) 624-25-27

Ô à è ì 972 (2) 624-25-05

E-mail: house@gesharim.org

Ì ì ò ù è ø è ù ò ó ó ò ì / Ì ì ñ è à à

Ð è æ ñ è à ÿ ì è ì ù à à à ù ä 1, ñ ò ð 3

Ò à è à ò í í: (495) 792-38-56

Ô à è ì (495) 792-38-56

E-mail: gesharim@e-slovo.ru

*í añòí í ðéí áäéáæèò áäðáγí, éíòíòúá ðòáéáρòñγ íφáá á íáñí ííí éíéé-áñòáá ÷òíáú ííééííéòúñγ
í ðáóó ñáí áé í ðáðí áéò áéúú éòú.*

Эта гробница уже была почтена русским сонетом. Журналист и стихотворец Владимир Александрович Шуф (1865–1913), известный под псевдонимом Борей, освещавший в качестве корреспондента петербургских газет визит императора Вильгельма в Палестину, опубликовал «Гробницу Рахили» в своем сборнике сонетов «В край иной» (1906):

*Áñòú í áðáç æáí ðò ááí í úé... Ñáááγ áúéú
Í ðíñéáæéá éðáñáæóó Óáððáí á,
Í ðáéáñò í óφ è ññ óáéφ ðáðééú
Á í áé ñáò éφááé, á í áé æáí úéí á æáéáí í á
Í í áé í á-òáé γ... Í á í óòé á Ááóééú
Ááá áñóó í úφò ááðáéφáú éáðáááí á,
Áéáí á áñíáí éóá áñ-áðé Éáááí á
Í á éóí í éá éáæèò ðò í éáò éé í úéú
çááñí í áé Áááéá, çááñí á ðú γñí ú áúéé.
Óáééá æ á ðíñé è áñ éðáá óááò ú...
È í í ééíñí í í á γ áéááé ðáí ú ðáðééé.
È óí áááé áé áéáéíñé á-áðò ú,
Í í á ó éíéíáòá áñò ðáò ééáñí í á òú éé,
Í í γ ðáðééú æèò γ í í áé í á-òú?*

Бунин в своих одноименных терцинах избежал соблазна увидеть иновоплощение прародительницы в представительницах местного населения, но от рифмы «пыль-Рахиль» не уберегся:

*È óí áðéá, è ññòðíéé Éáéíá
Áá á í óòé... È í á áñíáí éóá í áò
Í è èí áí è, í è í ááí'éñé, í è çí áéíá
Í í-ííé í íðíé á í áé ñáòèò ðéááúé ñáò,
È éóí í é áñíáá, áñíááéáí í úé í áéíí,
Óáéí ðò ááí í íφ áéááí ññòúφ í ááò.
ß í ðéáééæáφñí á ññí ðáéá í áñí áéí
È ñ ò ðáí áò ñí óáéφ í áé è í úéú
Í á γ òí èáí í á áñí óééíí è ááéíí ...*

Ñèää-àéèáá èçññîâ çàù í úó! Ðàðèéüü!

Но даже когда глаз русского описателя видит на этой земле одно и то же, он видит по-разному – в зависимости от предыстории пишущего.

В 1909 году в путевом дневнике именитый русский дворянин, писатель разумно-правого толка, помянутый уже Сергей Иванович Фонвизин, делает запись:

6 (19) апреля.

На оригинальном зрелище присутствовали мы сегодня. Выйдя из дома в пятом часу вечера, мы с улицы, ведущей от Яффских ворот к Харам-еш-Шерифу, повернули вправо и узенькими, кривыми улочками еврейского квартала добрались до западной стены Харам-еш-Шерифа. Последний проулок кончается тупиком, с одной стороны которого высится огромная восьмисаженная стена, окружавшая некогда весь храм Соломона. И вот, около этой стены, обратясь к ней лицом, – кто сидя, кто стоя, кто на коленях – несколько десятков евреев и евреек, с книжками, листочками, а некоторые с зажженными свечами в руках, что-то вполголоса бормочат, ударяют себя в грудь, по временам всхлипывают, и рыдают. Масса выразительных лиц, характерных типов. Вот древняя старуха, ее от старости всю скрючило, лицо ее – комок морщин. Ни ходить, ни стоять она уже не может, и ее сюда принесли. Лежа около стены, она не переставая двигает беззубым сморщенным ртом, целует камни, прерывая молитву тихими жалобными стонами. Недалеко от нее, на деревянном табурете сидит старик с длиннейшей белоснежной бородой. Выражение его удивительно красивого, типичного семитического лица – спокойно-важное, сосредоточенное. Он смотрит в книгу, которую держит перед ним мальчик лет двенадцати, и каждый раз перед тем, как перевернуть страницу, громко произносит несколько слов, ударяя кулаком в грудь. Тип библейского Авраама – он так и просится на полотно.

Как некогда «у рек Вавилонских» евреи оплакивали свое пленение, так ныне собираются они по пятницам и субботам к этой «священной» стене оплакивать падение своего царства и молить о его восстановлении, о пришествии того, кто должен не только вернуть еврейскому народу его былое могущество, но и поставить его превыше всех народов мира.

«Мы молим тебя, сжался над Сионом. Собери детей Иерусалима. Поспеш, поспеш, освободитель Сиона. Пусть твоя речь проникнет в самое сердце Иерусалима. Пусть твоя красота и величие окружают Сион. Пусть царственное твое могущество вновь явится на Сион. Утешь плачущих над Иерусалимом. И чтобы ветвь (Иессея) розовела в Иерусалиме».

Удивительный народ!

Для бунинского «крестного сына в поэзии», как он сам себя называл (в 1895 году Бунин впервые напечатал в газете два его стихотворения), Льва Марковича (Янкеля-Лейбы Мордковича) Василевского (1876–1936) – врача, критика, драматурга, переводчика с немецкого, пародиста, выходца из полтавской еврейской семьи, – то же зрелище (сонет «Стена плача») не столь удивительно и умилительно, здесь боль «своего»:

Â õääíóí úó ðèàí èääó, á øàí'èàó

ñ èèññèì ì áóîì

È ñ í áéññàì è äáñéüü áí äéúó, áéääí úó ùàé,

Î è ñò ðýò, è ñéí ðáúí áéáéáéññèò ñò ðñé

Â èó äéññèò çáó-èò äáññéüü ùì ýóîì.

Ñòáí à äéóóà, à ññîá í ááññ äééáé.

Ñí ðñò ì äéü-èèèè, äðäçíýò èó ññ ññ áóîì,

È i'áááàò í á èàí í è è í'áñé

Í òðááá ñéáç - Ñáéíí, - Ñáéíí áéáéòíí !

Çááñí á ÿòíé óçéíé ùáéé, ì áéáóíòáí,

Èñòí:áí í úó ááéàí è, ðáéíé è í'èáñí ùç,

Áñý èò ñááúá: èçáí áí èá è í'èáí.

Í áñòú í ááááà çáò: àò ááñí í áé í'áñí ùç, -

Çááñí ò í'èúéí ñò íí. Çááñí áá: í úé í'èá:

è ñò íí.

Í, Áá í áé! Í, á ðá! Í, Ñéíí!

Причаливающий к Святой земле обставлен толпой канонов мировой словесности, разноголосицей жанров и топосов. Одна из влиятельнейших моделей путешествия – реальные или «сентиментальные», воображаемые, – по следам Христа. Это традиция «романтического путешествия», восходящая к Шатобриану. Это поиск путником некоей реальной фактуры – пейзажной, предметной, архитектурной, обрядовой, которая могла бы быть сочтена адекватной словесной поверхности евангелий. Описания этих реалий, экфразис, могли бы быть неким дополнением к евангелию, как иллюстрации в книге. Если говорить в терминах символистской эстетики, то был поиск визуальных, акустических, одористических соответствий (correspondances) специфической стилистике евангельского нарратива. Если иметь в виду художественные вкусы начала XX века, то итог поиска предрешен. Вот как сформулировал это историк Петр Бицилли – человек, сформировавшийся в лоне символистской культуры, – по поводу палестинских рассказов Ивана Бунина. По его словам, Бунин *Óðéíòá í á íáóáé. Ýòí áí í'èíá áñòáñò ááí íí. Èáí èñòéííáç ðíáéíá ááí áéúñéíá Óðéíòá í á òáí, áá ðáçúáñí áááòíç ááí áéúñéíá áééíòáéá Ýòá ñòííòú è ÷áðéííòú èéíéé, ÿòò ì ìðááéúúé èáéííéçí, ÿòé íáñðááíáíúá òðáçáñòú ÿñííòú ìðííòíòá, ñáðáéáíííòú ññòááéçðúáç ñ'áéòé:áñééá ññááíííòé ñéíííòééíá íáñíáçúáçñý á ñòíéú ðáçéíé ìðíòéáñííéíáéííòé ñ ááðááñéíé áñí íçáéííòúç, ñ ííòðýñáç è èçíòðýçáé ááí áéíçííòúç Ááòóíá Çááòá, - íáñéáéá éííá, í á áñíòí:ííá, á ÿéééíñéíá áñéç. ...Íáñí í á ÷óúá í ðáááú, ì ðéñíáá Áóí éí ç, áñ ðáçééííí è çááñí á òíí, ÷òí íí í á áí áé á íóéáéó ðáí áí á è óíí ÿí óé í Óðéíòá èéòú áéðáò óá è èí íòíáíí.*

Но русскую словесность ожидало на этой земле обогащение другим опытом. Как пишет далее П. Бицилли.

Çáòí Ááòóéé Çááò ì íáéò áñòú ííçò áñááéí èéòú òáí, èòí áéááé í áñòá áñ áñçééííááéç, èòí çááò íí èé:ííí ó ííúò ç ÷òí ðáéíá íáñéé íñòúíé è èñíáíáéçðúéá áñ áééáí ááñíúááíúá è áñáò íáñòéáçðúéá èó:é Áááéá-Ñéíéòá Á ÿòíí íòííóáíéé, áéç íííéí áíéç Áéáééé, íééáéíé ðááéúñí-èñòíðé:áñééé èíí ì áí òáðéé è íáé í á áááò ñòíéúéí, ñéíéúéí ì áéáíúáç éí èá Áóí éíá: éáí, ííáòíðýç, í á íáéò áñòú íééáééò ñí íáíéé á òíí, ÷òí íðí:èðáòú áá ÿòí áñ ðááíí, ÷òí óáéáòúáñí:èç áñ òí, ÷òí óáéáéé ñáí áá ááòíð

Впрочем, для описания новой еврейской реальности на песках Палестины у русского стихового слова далеко не сразу обнаружили стилиевые ресурсы.

Среди стихов о Палестине, встречающихся в море русской дореволюционной поэзии, есть немногие, написанные прямо на месте, с видом на объект описания. Пожалуй, некоторым событием – вполне, впрочем, не замеченным в тот момент, когда оно произошло, но приобретшим известную историко-культурную пикантность почти век спустя, – стало появление под столбцом русского стихотворения совсем нового топонима – настолько еще не известного широкой публике, что он потребовал при себе перевода. Автором стихотворения был Яков Годин.

Яков Вульфович Годин (1887–1954) приехал в наши края вместе со своим другом, палестинофилом и – некоторое время – сионистом Самуилом Маршаком. Сын фельдшера, крещеного еврея,

Годин от стихов с неясным вольнолюбивым пафосом (годы после революции 1905-го) переходит к лирике тоски и печали, нанизывая все оттенки серости и, как кажется, намекая на национальную тысячелетнюю грусть как мотивировку для собственной нудности:

Β ÷ò èèè æðáï ïíγçèé ïá: àèè
È ðíáèèì áðàòüÿì òðáìáòíí íáïò
Óïò áèüò ñèáç ãðÿ÷òð ðííá
Òðáìí æíüò áóì ò ïíèèèáíá ñèðèæáèè...
Ì íè íòòü òíí èèèíí è ñòðááàèè,
Èò íáíí è - íèá: çááüòíá á èáíí
È ñèíðáí üò íáíí ñèíðáí ðð èðáíò
Íí è óí üèüì áí óèáì çáááüáèè...
È á ò èðèè ÷áñ áá: áðí è è ò èðèè ÷áñ
Èíáá èáçóðü æÿáèò ï èèüíííí áèáç
Í á èðáíí ò ó çáíò ü áç ááñ çáèèáá -
Áí ï íá òðáìáíáò ñòðáèííð èáíí è -
Áá: áðí èò íáíí ñü áðá: í ü è ðí è,
Ááííèèüü üò íáíí, í èá: óíèð ò ïíèèèáí!

И в эпиграмме про него писали: «Воспой страдания, Яков Годин!» Впрочем, как у профессионала, у него в запасе было еще несколько интонаций, например, он, между прочим, чуть ли не первым в русских стихах сказал протоесенинское «Пой, гармоника» («Песни под гармонику», 1907). В 1910-х годах он всё более переходит к стихам на православные темы (впоследствии объявляет, что уходит из литературы и становится землепашцем, потом до конца жизни в городе Ижевске занимается литературной поденщиной).

Итак, в 1911 году, попав в новый пригород Яффо, он сложил восемь строк из осколков проверенного старого «палестинского топоса». Например, «дряхлость Востока». Или совместимость/несовместимость евангельской легенды с сегодняшними местными реалиями (умиление/разочарование)...

ΟΝΙ Ϊ ΕΙ ΑΙ ΕΑ

Οάεάεε Ιάάεαΰ οεοεε εάάι

Α ηεΙεε αΐαΰ, ά εάηεΙάά Ιάά!

Οάε Ι άΐαΰ-ΙΪ η-άηοΰά άΰάάΪΰΰ-

ΝεάάΪηο Ι άΰ εάάεΰΰ άΰ Ιάά..

Οάε ηάοεά ΙΪηεάΪΰΰ οεΰάεά

ΙάεΙΪά ε ηοΰΙόΰάΰ οάεά,

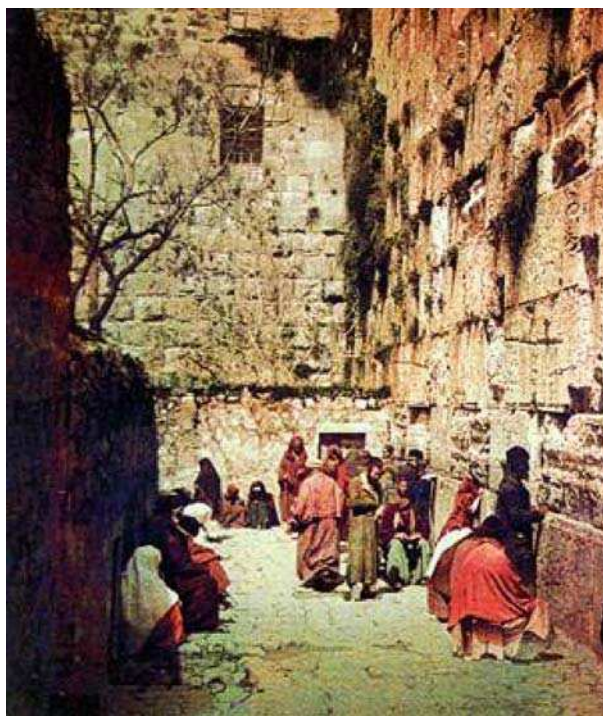
Οάε εάεεΙ εΐεΰοόδΪΰ ΙΪεθΪάΪ,

ΪάΪάο άΐαΰ ηεάάεεΙ οεάΪΰΰ ...

Ιάεάηοεΐά,

Οάεΰ-Αάεά, Οΐεΐ ΑάΪΰΰ

1911

Так впервые в русскую поэзию входит этот топоним. «Надежды ладан» и «успокоение» связаны с тем, что в 1911 году происходило на Холме Весны. Еврейское строительство описано в христианской стилистике, и неудивительно, что стихотворение легко легло на полосу рождественского номера одесской газеты 25 декабря 1911 года.

ВЫБОР

Ἀπὸ τὰ ἀπὸ τὴν Ἑβραϊκήν

О книге Олега Будницкого «Российские евреи между белыми и красными (1917– 1920)». М.: РОССПЭН, 2005. – 552 с.

Ἰσχυρὸν ἦν ἐπὶ τὴν ἑβραϊκήν?

Быть или не быть или, точнее, жить или не жить? Вот что на деле обозначала альтернатива, перед которой поставила российских евреев революция 1917 года. В условиях, когда чуть не на глазах рвалась связь времен, трещали по швам вековая государственность и традиционный уклад народной жизни, когда наступали поистине апокалиптические времена Гражданской войны, выявившей две основные противоборствующие политические силы – белых и красных, наиболее важной стала дилемма, к какой из двух сторон примкнуть, какую поддержать в схватке. И пусть так или иначе определяться со своим будущим пришлось всем народам и каждому подданному рухнувшей империи, однако выбор, который делали тогда евреи – политически самое активное нацменьшинство, – имел уникальное историческое значение.

Научное осмысление феномена «еврейского выбора» как раз и составило основное содержание книги. Ее автор широко известен в научном мире благодаря своим фундаментальным публикациям по проблемам российского революционного терроризма, русской революции и белой эмиграции^[1]. Историей «еврейского вопроса» О. Будницкий заинтересовался уже будучи вполне сформировавшимся ученым (зарекомендовавшим себя, в частности, как знаток истории русского зарубежья), и произошло это еще в 1990-х годах.

О. Будницкий справедливо считает, что «еврейский вопрос» нельзя изымать из общероссийского исторического контекста. Он подчеркивает, что его новая работа – о Гражданской войне и, отмежевываясь от «лакриозности» (слезливости) некоторых еврейских историков, настаивает: «Надо перестать рассматривать евреев только в качестве жертв».

Автор не пытается «коррелировать» свой труд с книгой А. И. Солженицына «Двести лет вместе» и не помышляет о том, чтобы вступить в полемику с известным писателем. Более того – он подчеркнуто отстранился от этого оскандалившегося произведения: не упомянул даже имени нобелевского лауреата. Объявив себя противником смешения двух жанров – научного и публицистического, Будницкий, однако, не смог «навязать» свой научный пуризм читателям, подавляющее большинство которых вольно или невольно будут сравнивать его труд с последней книгой Солженицына. Неизбежность сопоставления диктуется хотя бы уже тем, что, несмотря на некоторые индивидуальные предпочтения, Солженицын больше пишет о евреях «в большевиках», а Будницкий, наоборот, сосредотачивается на взаимоотношениях евреев с белыми – но тот и другой концентрируют внимание, по сути, на одних и тех же дискуссионных и по сию пору моментах отечественной истории. Это политика царизма по «еврейскому вопросу», участие евреев

в революции и Гражданской войне, погромы, роль евреев в установлении советской власти и закреплении ее на русской политической почве. Однако, если Солженицын, исследуя «раскаленную» тему, задается вопросом «кто виноват?» (и чаще отвечает: «евреи»), то Будницкого прежде всего интересует фактическая сторона дела. Первый автор чем-то напоминает прокурора, строящего обвинение по заранее составленной схеме, второй – дотошного следователя, педантично исследующего реалии с целью «отработки» всех возможных версий преступления. Один торопится с вынесением приговора, другой стремится к установлению истины.

ŌĀĀDĀĚŮ Ě ĪĚŌBĀDŮ

Будницкого прежде всего интересуют причины, приведшие к трагическому развитию событий. Свой поиск он начинает в глубинах веков. Ведь именно во второй половине XVIII века, собственно, и произошло включение населенных евреями западных земель в состав Российской империи. Но, следуя алгоритму исследования, исключающему детальный разбор всей дореволюционной российской истории с ее еврейской «составляющей», только штрихами обозначает свое отношение к проблеме антисемитизма в царской России, к погромам начала 1880-х и 1900-х годов и пришедшейся на этот период массовой еврейской эмиграции из страны. По касательной затрагивает он и общие изменения, происходившие в ту пору с российским еврейством в политическом, экономическом и социально-культурном плане.

Отмечая, что до начала массовых погромов, ознаменовавших в 1881-м восшествие на престол Александра III, «российская власть стремилась... к эмансипации евреев, к интегрированию их в российское общество», автор называет этот год «переломным в истории российского еврейства», положившим начало кризисам, которые один за другим обрушивались на евреев вплоть до 1921 года. По мысли автора, политические катаклизмы – прежде всего погромы и насильственные выселения – главным образом и привели к почти двухмиллионной еврейской эмиграции (1881–1914 гг.). Всплески ее синхронно совпадали с моментами политических обострений в стране. При этом, правда, из виду упускаются немаловажные «фоновые» политические и экономические моменты^[2]: существование архаических законодательных ограничений, сдерживавших деловую активность подавляющего большинства евреев и лишивших их права на лучшую, более обеспеченную жизнь; маневшая еврейских бедняков реальная перспектива быстрой деловой самореализации в интенсивно развивавшихся США (туда направилось почти 80% российских евреев) и других странах Нового Света; стимулирование еврейской эмиграции международными еврейскими благотворительными организациями, увеличивавшими финансирование именно в периоды кризисных обострений в России.

Однако, не выделяя экономическую подоплеку эмиграции, автор косвенно признает ее значимость, упоминая, скажем, об обнищании местечкового люда и о том, что «индустриализация... вела к разорению значительной части еврейских ремесленников, выталкивая многих из них за границу».

Анализируя антиеврейское законодательство Российской империи, юридически закреплявшее пресловутую черту оседлости, процентные нормы в образовательных учреждениях, различные дискриминационные запреты, связанные с государственной и военной службой, а также принципиальный отказ самодержавия от введения «полноправия» евреев – несмотря даже на старания С. Ю. Витте, П. А. Столыпина и других, автор, избегая словосочетания «официальный антисемитизм», квалифицирует всё это как систему «ограничений». Такая «мягкая», почти солженицынская позиция, видимо, обусловлена не столько симпатией к государственным институтам самодержавия, сколько отношением к ним как к фактору сдерживания куда более опасного и непредсказуемого из-за своей стихийности общественного антисемитизма, выражавшегося в вакханалии погромов, в потоках юдофобской консервативно-националистической риторики, печатной и изустной массовой пропаганды. К сожалению, в данном случае о соображениях автора приходится только догадываться. В этом не было бы необходимости, формулируй автор собственную мысль, особенно по узловым вопросам проблемы, четче и однозначней. Это, понятно, совсем не просто, но всё-таки возможно. Впрочем, о том, что еврейские погромы начала XX века не были организованы правительством, в книге говорится достаточно определенно. При этом косвенная вина – принятие антиеврейских законов, спонсирование крайне правых организаций, либеральное отношение к погромщикам и т. п. – с него (правительства) «не списывается»: оно «создавало атмосферу, в которой погромы смогли принять массовый характер».

Между тем вполне очевидно, что официальная и общественная юдофобия представляли собой систему «сообщающихся сосудов». В пользу такого довода, в частности, убедительно свидетельствует приводимый в книге так называемый кафафовский циркуляр Департамента полиции от 9 января 1916 года, уведомлявший подведомственные структуры о подрывной деятельности евреев, якобы намеренно изымавших из обращения разменную монету и вздувавших цены на товары повседневного спроса.

Подобные «перлы» полицейского бумаготворчества были производными от обостренного мировой войной универсального кризиса российской государственности, в конце концов взорвавшего страну сокрушительной социальной революцией. Подмечая это, Будницкий пишет, что Февральская революция «была русской (выделено в книге. – Г. К.) по преимуществу» и в ней «не найти следов не только “еврейского”, но и вообще никакого заговора, разве что “заговора” генералов – командующих фронтами, отказавшихся поддержать своего главнокомандующего – русского царя».

Собственно, непосредственное участие евреев в русской революции обозначилось только после возвращения через Германию весной 1917 года (вместе с В. И. Лениным в «пломбированных вагонах») 159 политических эмигрантов, среди которых евреев, по меньшей мере, было 99. И хотя автор отстаивает ту точку зрения, что евреи играли «заметную роль в русской революции, но никогда – решающую», он вместе с тем отвергает «охранительный» по отношению к еврейству довод о том, что евреи-революционеры – это сплошь денационализированные отщепенцы. В книге уточняется: в революцию евреи шли не столько потому, что разрывали с традиционной национальной средой, сколько потому, что часто, даже и не осознавая того (как, скажем, Троцкий, считавший себя исключительно русским революционером), пытались защитить в том числе и свои национальные права. Что ж, выкованный царизмом дамоклов меч дискриминации евреев должен был когда-то превратиться в обоюдоострое оружие.

Но политизированное еврейство не было однородной массой, рассуждает далее автор, его раздирали те же противоречия, что и всё русское общество. Даже в октябрьских событиях в Петрограде, которые в массовом антисемитском сознании традиционно интерпретируются как триумф «иудеокommунизма», евреи принимали участие не только на стороне большевистской партии, в чем руководстве их было немало; достаточно евреев было и по другую сторону баррикад. Только 6 ноября на еврейском Преображенском кладбище было похоронено 50 евреев-юнкеров, защищавших Временное правительство. По подсчетам Будницкого, в период с начала 1917 по лето 1918 года, то есть до установления в стране однопартийной диктатуры, в политическую элиту страны, объединявшую чуть более 3000 деятелей всех «мастей» – от анархистов и большевиков до кадетов, входило более 300 евреев.

И всё же в итоге подавляющая часть еврейства, как, впрочем, и подавляющая часть русского народа, поддержала большевиков. Почему и как это произошло? Поиску ответов на эти ключевые вопросы и посвящено основное содержание книги.

«Ἀῖετέ τῶν ὀκκῦπαντῶν». Ἐὰν ἐὰν ὀκκῦ.

1917 ἄ ἄ ἰ ὀκκῦπαντῶν ἄ Ἀ. Ἀ. Ἐἰσκῖν ἄ ἰ ἰ.

ΑΑΨΑΕΪΨΟΑΔΙ ΑΟΕΑΙ ΙΝΟΥ

Если между красными и белыми существовало соперничество за влияние на евреев, то это было странное соперничество.

Одни (красные) делали всё возможное, чтобы одержать верх в этом гипотетическом соревновании. Они широко привлекали евреев в Коммунистическую партию, в высшие органы государственной власти – в Политбюро ЦК РКП(б) и Совнарком, в управленческий аппарат среднего звена, в структуры государственной безопасности и, разумеется, в печально знаменитую ВЧК. Привлекали и в Красную Армию, руководство которой, как известно, было доверено Л. Д. Троцкому. Впечатляют приводимые в книге архивные данные: евреи составляли пятую часть аппарата служащих Совнаркома; из 105 лиц, имевших пропуск в столовую Совнаркома, 20 были евреями. Большевики предельно жестко пресекали антисемитскую пропаганду и карали участников погромов. Декретом В. И. Ленина от 27 июля 1918 года антисемитизм был возведен в ранг государственного преступления и объявлен вне закона. И хотя на совести Красной Армии было более 700 жертв погромов, только в Первой конной армии С. М. Буденного (наиболее «отличившейся» в антиеврейских насилиях) осенью 1920 года военным трибуналом было расстреляно около 400 военнослужащих. И тут очень кстати пришлось справедливое критическое замечание автора в адрес известного американского историка Ричарда Пайпса, совершенно безосновательно утверждавшего, что «Ленин осуждал погромы не больше Деникина».

Другие (белые) поступали ровно наоборот. Хотя официально и «верховный правитель» России адмирал А. В. Колчак, и главнокомандующий вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерал А. И. Деникин, и сменивший последнего генерал П. Н. Врангель осуждали антисемитскую пропаганду и погромы, зараза юдофобии достаточно глубоко проникла и в офицерский корпус, и в души младших чинов Добровольческой армии.

В книге детально, в том числе и с привлечением не использовавшихся ранее архивных документов, исследуется механизм отталкивания евреев от Белого движения. Раздел, посвященный незавидному положению евреев в российской и Добровольческой армиях, наиболее удачный в книге.

Автору удается сохранять бесстрастность тона и тогда, когда он говорит о распространенных в войсках царя и белых генералов фактах дискриминации евреев и глумления над ними (в частности, об изгнании их из белогвардейского офицерского корпуса), и когда перечисляет имена евреев, награжденных Георгиевскими крестами и медалями за проявленный в боях героизм, и когда описывает многочисленные способы, к коим прибегали евреи для уклонения от службы в страшившей их армии (симуляция болезней, намеренное нанесение ущерба здоровью, дезертирство, эмиграция и т. д.).

Даже евреи, социально и идейно тяготевшие к Белому движению – из богатых и зажиточных слоев, либерально-интеллектуальной среды – в нем потом разочаровывались. Главная причина – участие белогвардейцев в кровавых погромах. И пусть само верховное командование не было к ним причастно, а скажем, генерал В. З. Май-Маевский, командовавший Добрармией в мае–ноябре 1919 года, жестоко карал, вплоть до расстрела, вояк-погромщиков (за что получил в армии прозвище «жидовский покровитель»^[3]), тем не менее на нем, на этом командовании, лежит часть вины за то, что оно не смогло совладать с разбойной стихией. Очевидна и персональная ответственность руководителя ВСЮР Деникина, который, не желая «ссориться с армией», вместо того чтобы решительными мерами положить конец кровавому разгулу в ее рядах, зачастую спускал дело на тормозах.

«В жертву Интернационалу». Плакат Освага. Предоставлено ГА РФ.

Слева направо в верхнем ряду изображены: А. Ф. Керенский, М. С. Урицкий, Я. М. Свердлов, Г. Е. Зиновьев, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, К. Б. Радек. В среднем ряду справа налево: Х. Г. Раковский, А. В. Луначарский.

Ϊ Ϊ ΑΔΪ Ϊ Ϊ: ΕΘΪ ΑΕΪ ΪΑΑΪ

Нельзя не согласиться с тем, что «вклад» белых в еврейские погромы был весьма значительным. Однако попытка автора выставить их чуть ли не «чемпионами» в этом деле представляется некорректной. Здесь автор вольно или невольно отходит от исповедуемого им научного подхода, от принятой им самой строгой объективности и верности историческим фактам. В результате в его оценках «проступает» явная гипертрофия, суждения становятся сбивчивыми, противоречивыми и малоубедительными. Речь идет уже не о «беспорядках, сопровождавшихся человеческими жертвами», а «об истреблении»: «Только евреев в Гражданской войне убивали за то, что они евреи, независимо от пола, возраста и политических убеждений; именно это прежде всего позволяет сравнивать погромы эпохи Гражданской войны с Холокостом, предвестием которого они... являлись».

Эти очень сильные слова, однако, не подтверждены реальными доказательствами еврейского геноцида в начале прошлого столетия. Предложенная интерпретация во многом противоречит событиям прошлого, хотя автор очень старался, чтобы всё выглядело наоборот. Глава под выразительным названием «В тени Холокоста: погромы 1918–1920 годов» почти исключительно посвящена «белым» погромам, что и понятно. Ибо если не «скороговоркой», как в книге, а целиком и полностью, посредством тщательного сравнительного анализа исследовать в этой главе все происходившие на Украине погромы – «белые», «красные», «петлюровские», «польские» и, наконец, атаманско-бандитские («григорьевские» и пр.) – то концепция о «белых» погромах как репетиции Холокоста просто развалится.

Утверждается (со ссылкой на И. М. Чериковера), что «белые» погромы были наиболее интенсивными. Подкрепляя этот тезис, автор обращается к книге Р. Пайпса «Россия при большевиках», в которой описывается погром в Фастове (местечко к юго-западу от Киева) как «самый страшный» из тех, что были совершены белыми. По приводимым в этом труде данным (взятых, в свою очередь, из книги И. Б. Шехтмана «Погромы Добровольческой армии на Украине. К истории антисемитизма на Украине в 1919–1920 гг.». Берлин, 1932), в Фастове 23–26 сентября 1919 года 2-й Терской пластуной бригадой полковника В. Ф. Белогорцева было убито 1300–1500 мирных евреев^[4].

В действительности в сентябре 1919 года, если брать составленные по горячим следам сводки организаций еврейской общинной взаимопомощи (хранятся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины в Киеве), в Фастове от рук белых погибло 600 евреев^[5]. Более того, не

так давно была опубликована посланная управлением генерал-квартирмейстера Главкому ВСЮР секретная сводка за сентябрь 1919 года, в которой докладывалось о 224 жертвах денikinских погромов (в том числе и устроенного в Фастове)^[6]. А всего по некоторым современным оценкам, основанным на сравнительном анализе архивных источников и данных, взятых из книги «Погромы на Украине. Период Добровольческой армии» (Берлин, 1922), написанной видным деятелем организации еврейской взаимопомощи в 1919 году на Украине Н. И. Штифом (мягко говоря, не симпатизировавшим белым), частями Добрармии было убито не более 2500 евреев^[7], что в два с лишним раза меньше воспроизведенного в книге Будницкого результата подсчета Н. Гергея (5235 чел.).

Ааоаи і іаіі і

Разумеется, все эти данные нуждаются в дальнейшей проверке и в тщательном анализе. Однако, если исходить из уже проведенных исследований, ясно, что белая власть (как, впрочем, и большевистская, и петлюровская) не причастна к погромам, которые только дискредитировали ее в глазах союзного Запада, что они (погромы) – дело рук военщины, разнузданной «грабьармии», условно объединявшей в своих рядах погромщиков всех «мастей» – и «белых», и «красных», и «желто-блакитных» и «зеленых», и «бело-красных» (польских). Бесспорный факт деятельного участия казачества в этой кровавой вакханалии позволяет увязывать ее отнюдь не с Холокостом, а с пресловутой «хмельнитчиной» в 1648 году. Тогда восставшими против польского владычества казаками только в местечке Полонном на Волыни было убито около 10 тыс. евреев. Показательно, что если в XVII веке одной из главных причин расправ над евреями являлось их восприятие украинцами как пособников поляков, то в XX веке, в Гражданскую войну, евреи в значительной мере пострадали из-за своей приверженности большевизму – и действительной, и мнимой. Кроме того, поскольку большевики держали в своих руках центральную власть в Москве, евреи уничтожались еще и как «прислужники москалей». Поэтому не случайно на совести «самостийников» оказалось больше всего жертв погромов. Кстати, в книге отмечается, что авторитетный еврейский историк С. М. Дубнов назвал погромы на Украине «третьей гайдаматчиной». Примерно такой же позиции придерживался и С. И. Гусев-Оренбургский – автор «Багровой книги. Книги о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» (Харбин, 1922).

Антисемитизм, естественно, был достаточно широко распространен в Добрармии, особенно на так называемом бытовом уровне, однако утверждать, что он «суррогировал» (заменял) собой «белую идею», заключающуюся, как известно, в спасении «единой и неделимой» России, – тенденциозное преувеличение. Определенно об идеологическом антисемитизме Белого движения как о политическом системном явлении можно было бы говорить, если бы он насаждался сверху, а не «шел» снизу.

¹²⁹ *Áàò àèùú íá íáííí íááí éá yéíííí è:-áíéíé ìííò ááèýþ úíáé ááðáéíéíé yí éáðáòéé èç Ðíííéé ááí í á ñò àò úá È. Óíðí ááðáá á Ááðáéíéíé yí óéééíí ááéé (ÁÝ) (Ááðáéíéáý yí óéééíí ááéý á 16 ò.ò. ÑÍ á; Èçá-áí Áðí éááç-Áóðí, 1906-1913 Ò 2. Ñ. 239-244).*

¹³⁰ *Óðé óíí íá Þ. Á. Èç áí ááí ééí á è óááí:-éó óáò óáááé. Áúí éíéé èç ááçíò áðáí áí Áðáéááí íéíé áí éí ú // Áðáéáá í áðí áí á 1999 ¹ 1. Ñ. 76*

¹⁴¹ *Í áéí ñ Ð. Ðíííéý í ðé áí éú óááé éáð. Í.: ÐÍ ÑÍ ÍÍ, 1997. Ñ. 134*

¹⁵¹ *ÖÁÁÍÍÓ Ó.1. Íí.20. Á.40. È.3 (Í áí èðí áíééé Á. Á. Ááçáéíí í ú á óáé éíò áá ááðáá á çí í á áéáíò è Áí áðí áí éú:-áíééó áðí éé Þ áá Ðíííéé (<http://www.wirade.ru>))*

¹⁶¹ *Èíííéé óí á Á. Í. Èòí Áú, áí áðáé Á. È. Ááí éééí? Ñáí áðá, 1999. Ñ.32*

¹⁷¹ *Í áí èðí áíééé Á. Á. Ááçáéíí í ú á óáé éíò áá ááðáá á çí í á áéáíò è Áí áðí áí éú:-áíééó áðí éé Þ áá Ðíííéé (<http://www.wirade.ru>).*

ОТЕЧЕСТВО НЕ ВЫБИРАЮТ?

ТРИ НОВЫЕ КНИГИ О «РУССКОМ» ИЗРАИЛЕ

Î adəy Áeai áarəy, Êadərā Óeáeéiáa

**Ðarəay óeəöà á aádaéneíe ñò daí á Êarəai áai eá ôíeueéi dá yi eáai óíá
1990-õ á Êəðàeéá Á 2-õ òò.**

**Î.: Êí ñeòóò yò ííeíæe è áí òðííeíæe ÐÁÍ èí. Í. Í. Î eééóí-
Î áeəy, 2005. - 354 ñ; 244 ñ**

Áeáeíai äð Êðúeíá

Ñí ò á: áí ò áai í eéè á Êəðàeéá

Î.: Óái òð áeèaeí áai ñò í: í úó è ñeáai áai eé Î ÁÈÌ Î, 2005. - 96 ñ

Áëääëì èð (Çää) Óàí èí

«Ðùñëëá» è äëàñòù áññáðàì áí ííì Èçðàëëá

Ì.: Èíñòèòóò èçó-áí èÿ Èçðàëëÿ è Áëëæíáñ Áíñòíëá, 2004 – 275 ñ

Áääü ù ù ííì áíÿëë í á íáíáñòáíí úé ñòðé. Í á áññáðàòëð è èëëì àò.

Í á ÿéííì èëá èëëüòóò èëë ÿçíé.

È òàì áíëáá – í á ññáðàòáí í çð í ðëðíáñ

Á ÿì èáñòèè èðáè ù áíÿðò íáí è í á-áëè í á áðùëá òíëüëí è áññá.

Ñáðùæ Áíáëáòíá

Í ááëëëì áÿ áñçíòá

Представлять читателю на нескольких страницах солидные чужие книги, над которыми их авторы работали не месяцы – годы, занятие само по себе не из легких. Однако в данном случае я чувствую себя особенно затруднительно, ибо должен рассказать читателям «Лехаима» о трудах, которые почти наверняка не попадались им на глаза, ибо изданы минимальным тиражом в несколько сот экземпляров. Все три исследования посвящены хоть и «русскому», но Израилю, при этом все они были опубликованы в научно-исследовательских институтах в Москве, хотя две книги из трех – ««Русские» и власть в современном Израиле» и «Русская улица в еврейской стране» – написаны учеными, живущими и работающими в Израиле, причем уже второе десятилетие. И политолог Владимир (Зеев) Ханин, и филолог Мария Еленевская, и литературовед и этнограф Лариса Фиалкова – серьезные ученые, кропотливо и вдумчиво собирающие материал и анализирующие его. Их взгляд – это взгляд на «русский Израиль» изнутри, причем взгляд комплексный: скрупулезное, энциклопедическое двухтомное исследование М. Еленевской и Л. Фиалковой (объемом более пятисот страниц, не считая приложения и списка литературы) представляет собой в буквальном смысле слова «матрицу самосознания» русскоязычного Израиля, да и книга В. Ханина, несмотря на кажущуюся сугубо политологическую направленность, включает сорокастраничную пятую главу, посвященную, скорее, социальной психологии и культурологии: общинным символам, моделям идентификации, структуре израильских русских элит и так далее.

Третья книга, изданная Центром ближневосточных исследований МГИМО, несколько отличается от двух предыдущих. Ее автор Александр Крылов хоть и прожил в Израиле пять лет, находился в еврейском государстве в качестве официально аккредитованного иностранного дипломата, советника по культуре, науке и образованию посольства Российской Федерации. И если В. Ханин, например, пишет о русскоязычных гражданах Израиля, проходящих нелегкий, но неизбежный путь аккультурации и интеграции, в результате чего «русский» компонент их самосознания чем дальше, тем больше вытесняется компонентом «израильским», то для А. Крылова те же люди – российская диаспора, «соотечественники в Израиле» (именно так называется его книга). Показательно, что треть работы А. Крылова посвящена политическим, экономическим, научным, образовательным, культурным, спортивным и туристическим связям между Израилем и Россией, в которых живущие в еврейском государстве выходцы из России, как правило, играют ведущую роль. В монографии же В. Ханина и двухтомнике М. Еленевской и Л. Фиалковой российско-израильским отношениям как таковым не уделено ни одного, даже самого маленького, раздела. М. Еленевская и Л. Фиалкова подробно анализируют, как Россия осталась в умах и судьбах еврейских

иммигрантов, как сформировавшиеся в России взгляды, вкусы и предпочтения на протяжении десяти и более лет жизни в Израиле оказывают значительное (порой – решающее) влияние на мировоззрение и модели поведения не таких уже и новых иммигрантов, но они не рассматривают вопрос о том, какой вклад вносят русскоязычные израильтяне в развитие межгосударственных отношений между своей «старой» и «новой» родиной. Для А. Крылова же именно этот вопрос ключевой: для него русскоязычные израильтяне – это мостик между двумя государствами, хотя и он вполне осознает, что «подавляющее большинство общественных организаций, действующих на «русской улице», стремятся, прежде всего, содействовать интеграции новых иммигрантов в израильском обществе». Иными словами, мотив, лаконично и поэтично выраженный многие десятилетия назад в знаменитой формуле Зинаиды Гиппиус «мы не в изгнание, мы – в посланье», к «русским израильтянам», хотя А. Крылов и называет этих людей «соотечественниками», практически не применим.

Впрочем, и это справедливо отмечают М. Еленевская и Л. Фиалкова, «русские» израильтяне очень во многом остаются «русскими»: они привезли с собой и «мифологию имперской миссии и враждебного окружения», и «миф о собственном величии», и стереотипно-негативное, а в лучшем случае – патерналистское и покровительственное, отношение к выходцам из стран Азии и Африки, вне зависимости от их национальности: «Как отголоски ностальгических разговоров о “сильной руке”, которые велись в России <...> звучат рассуждения о том, что арабы якобы неспособны понять ничего, кроме грубой силы». Советским наследием можно объяснить и сравнительно высокую гомофобию «русских» израильтян, и незнание ими иностранных языков. В «третьей» эмиграции 1970-х годов «западники» (кружок Андрея Синявского и журнала «Синтаксис») жестко полемизировали со «славянофилами» (к коим относился, прежде всего, журнал «Континент» и его редактор Владимир Максимов), при этом и те и другие, за редким исключением, владели исключительно русским языком, – планы же были планетарного масштаба. В израильской русской прессе наблюдается похожая картина: немалое число публицистов, не знающих прилично никаких языков, кроме русского, не размениваются на темы менее значительные, чем как победить международный терроризм, перестроить ООН, а заодно и защитить Европу от мусульманского нашествия. Авторы этих текстов редко утруждают себя чтением книг и статей, написанных профессиональными историками и политологами, а предлагаемые ими решения, в большинстве своем, просты и незатейливы (цитирую дословно фрагменты сочинений разных авторов, все они – «русские» израильтяне): «нужно бить, если другие доводы не доходят», «с теми, кто признает силу и только силу, надо разговаривать на языке силы», «следует, наконец <...> ввести законы военного времени». Мотивируется вся эта риторика тем, что «либеральные ценности в полном объеме сейчас чреватые неизбежной катастрофой в обозримом будущем». «Мочить в сортире» – и дело с концом, не в России – так в Израиле.

Я бесконечно далек от мысли огульно обвинять в тоталитарном мышлении всю миллионную израильскую русскоязычную общину, но мне кажется, что означенный феномен не стоит недооценивать. Не случайно самым популярным в Израиле «русским» политиком является Авиغدор Либерман – человек, на протяжении многих лет формирующий в массовом сознании свой образ как образ сильного лидера, способного «прийти и навести порядок». Если есть правда в том, что аллегория еврейского народа – умная голова, а народа русского – твердая рука, то анализ электоральных предпочтений выходцев из СССР/СНГ в Израиле позволяет сказать, что их «русский» компонент превалирует над «еврейским». Навсегда ли это? Надолго ли? И есть ли шанс, что признанным голосом «русского» Израиля будет не сегодняшний местный политик аё Іа Трощкий, а кто-то, чья речь напомнит негромкий голос других «русских» евреев – Соломона Михоэlsa или, скажем, Натана Эйдельмана?

Очевидно, что «русские» евреи – это особая группа, накопившая богатое, только ей присущее, символическое и культурное наследие. У русских евреев есть своя, отличная от израильской или, например, американской, модель национальной культуры, тесно связанная с их исторической судьбой. Из-за массовой еврейской эмиграции из СССР/СНГ в последние десять лет XX века центр русскоязычного еврейства переместился в Израиль, но совсем не факт, что в Израиле сохранится особое русско-еврейское культурное и идентификационное наследие. Никакая община в Израиле, кроме «русской», не интересуется и, скорее всего, никогда не заинтересуется русско-еврейской историей, как «русские» не интересуются, например, перипетиями судьбы еврейской общины Ирака и/или Курдистана. Творчество, судьба и борьба таких избравших христианство литераторов, как Борис Пастернак и Осип Мандельштам, или советских писателей и публицистов, ощущавших свое еврейство, но исповедовавших интернационалистические идеалы, как Илья Эренбург и Василий Гроссман, или погибших деятелей идишитской культуры, как Перец Маркиш и Соломон Михоэls, в Израиле никого, кроме «русских», не интересует, и сохранить память о них – не в апологетическом, но в исследовательском смысле – задача, которая если кому в Израиле под силу, то только «русским». Постепенный переход детей русскоязычных родителей на иврит неизбежно приведет к исчезновению из израильской коллективной памяти целого пласта русско-еврейского наследия, что лично мне кажется подлинной трагедией.

Израильские государственные деятели и интеллектуалы всё чаще декларируют, что важнейшим отличием политики абсорбции в последние годы стал переход от модели «плавильного котла» к этническому и социально-культурному плюрализму. Об изменении в государственной политике абсорбции говорят и В. Ханин, и (применительно к языковой политике) М. Еленевская и Л. Фиалкова. На мой взгляд, однако, до сих пор и государственная власть, и общество проявляют готовность лишь к «половинчатым» компромиссам в этом вопросе, принимая временный культурный плюрализм как своего рода неизбежное зло, не воспринимая «сосуществование различий» как позитивную цель, служащую общественному интересу. Вместе с тем я убежден, без взаимного уважения граждан и групп, идентифицирующих себя с разными культурами, не может возникнуть подлинной социальной солидарности, которая так нужна Израилю, особенно в период обострения конфликта с палестинскими арабами. Я думаю, что русскоязычным израильтянам крайне важно попытаться наладить диалог с другими группами израильского общества: сефардами, прежде всего – из организации «Кешет а-демократит а-мизрахит» («Демократическая восточная радуга»); религиозными сионистами; выходцами из Эфиопии; арабскими гражданами (как христианами, так и мусульманами), друзьями, бедуинами и так далее. Израиль – общая страна многих общин, которым вместе предстоит жить и строить ее, однако эти общины практически ничего не знают друг о друге.

Я склонен согласиться с Мариной Солодкиной, в своем сборнике «Цивилизационный дискомфорт» еще десять лет назад написавшей, что ни один из секторов израильского общества (ни левые, ни правые; ни религиозные, ни светские; ни ашкеназы-старожилы, ни сефарды) не увидел в начавшейся в 1989 году волне иммиграции из СССР/СНГ «своих». Уже с первых дней своего пребывания в стране новые израильтяне попали «в водоворот инерционных потоков противостояния, давно существовавших внутри израильского общества». Это положение сохраняется до сих пор, и именно оно, больше чем что бы то ни было, угрожает израильскому обществу изнутри. Ситуация устойчивого культурного плюрализма – это не промежуточный этап, который демократическое общество проходит при абсорбции многочисленных и разнообразных эмигрантов, а модель отношений, жизненно необходимая для него на долгосрочную перспективу. Я полагаю, задача состоит в том, чтобы сохранить Израиль как еврейское демократическое плюралистическое и экономически развитое государство, в котором свободно развиваются наука, культура и общественная жизнь. Для этого различные группы населения страны (и, в частности, «русские» израильтяне) должны иметь возможность быть равными соучастниками этого процесса. Чего, к сожалению, пока не происходит.

За прошедшие годы стало совершенно ясно: «русские» израильтяне могут добиться достойного социального статуса только в рамках структур, ими же и созданных, будь то политические партии, театры или школы. За все годы, прошедшие с начала алии из СССР/СНГ, ни одна из партий, кроме созданных в рамках самой общины «Израэль ба-алия» (ИБА) и «Наш дом – Израиль», ни разу не назначила кого-либо из своих русскоязычных членов на министерский пост (ныне в израильском правительстве нет ни одного русскоязычного министра); ни в одном театре, кроме «Гешера», русскоязычному репатрианту не удалось занять пост режиссера или главного режиссера; ни в одной израильской школе, кроме структур «Мофета», «Мапата» или Ассоциации учителей-репатриантов, нет директора, который принадлежал бы к алии 1990-х. За редчайшими исключениями, «русским» израильтянам удается возглавить только те структуры, которые они же и создали. Напрашивается вывод: для успешного продвижения русскоязычной общины необходимо расширение и дальнейшее развитие ее организационной инфраструктуры. В последние три-четыре года ситуация развивается в обратном направлении: общинные организации ослабевают, созданные общиной политические партии, по тем или иным причинам растеряли тот вес и те возможности, которые были у них в 1996–2003 годах.

Русские евреи, живущие сегодня во многих странах, уже сформировали то, что можно назвать трансконтинентальной диаспорой, причем относительное большинство этой диаспоры живет именно в Израиле. Книги В. Ханина, М. Еленевской, Л. Фиалковой и А. Крылова вносят важный вклад в понимание и осмысление процессов, происходящих на «русской улице» еврейской страны, а потому мне бы очень хотелось, чтобы, несмотря на их небольшой тираж, эти работы привлекли то внимание, которого они заслуживают.

Асаф А. Йишорай

ЕВРЕЙСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Ī dāēēēīāēā Ī. Ā. Pōī, āē

Āāāē ā Ī āōāāōāī

ÑĪ á: Ñāōēñ 2003 – 64 ñ

Видимо, не случайно так называемая «натуральная школа» русского реализма зародилась именно в Петербурге. Своим разнообразием столица наталкивала литераторов на мысль описать с натуры, в очерках жизнь петербургских шарманщиков и извозчиков, богатых и бедных...

К 300-летию Петербурга издательство «Сатис» выпустило серию альбомов «Северная столица в старых открытках». Ее основой послужила крупнейшая (150 тыс. открыток) коллекция филокартиста Н. П. Шмитта-Фогелевича. Среди множества альбомов, посвященных власти («Императорские резиденции», «Великокняжеские дворцы»), основным магистралям («Невский проспект», «Лиговский проспект»), различным сторонам жизни города («Деловой Петербург», «Петербург праздничный»), самую многочисленную группу составляют альбомы, представляющие город как многонациональную столицу. И вот среди немцев, французов, британцев, татар, финнов, грузин и всяких прочих шведов нашлось место евреям.

Предисловие к альбому написано Н. В. Юхнёвой. Ей удалось кратко, но внятно рассказать об истории еврейской общины Петербурга, о перипетиях правового статуса евреев в столице при всех императорах – от Петра I до Николая II, о социальном составе еврейского населения и районах его компактного проживания, о синагогах и хедерах, о знаменитых евреях (в том числе выкрестах) и сочувствовавших им русских, об общественной и политической деятельности евреев. Мы узнаём о том, что из евреев происходил один из сподвижников Петра I, барон и вице-канцлер П. П. Шафиров; что еврейский район Петербурга располагался в Коломне, за Сенной площадью, вокруг которой селилась беднота (именно там происходит действие романа Достоевского «Преступление и наказание»); что мавританский стиль хоральной синагоги был подсказан знаменитым критиком В. В. Стасовым (который в отношении еврейского искусства вообще, кажется, был бо́льшим евреем, чем многие евреи); что с 1874 года евреев хоронили на своеобразном по структуре и судьбе, но типичном именно для Петербурга Преображенском кладбище, где, помимо православного и еврейского, имелись также католический, лютеранский и караимский участки (между прочим, в 1905 году именно там похоронили жертв 9 января, а ныне единственную сохранившуюся кладбищенскую церковь занимают старообрядцы; кажется, на этом кладбище не отметились только мусульмане).

Когда после такого насыщенного предисловия переходишь к основному разделу книги – открыткам (их в альбоме воспроизведено 28), охватывает недоумение. Три синагоги, пара банкирских домов, несколько городских видов. Больше всего места уделено выходцам из еврейской среды (например, основателю Петербургской консерватории Антону Рубинштейну) или тем, кто евреям сочувствовал (как Римский-Корсаков или упомянутый Стасов). А где же сами евреи? Ни учеников хедера, ни кантонистов, ни типов петербургского еврейства. За всех представляют промышленник С. С. Поляков, скульптор М. М. Антокольский и убитый черносотенцами депутат 1-й Государственной думы М. Я. Герценштейн.

Вероятно, многое по понятным причинам осталось вне поля съемки, но тогда – и здесь понимаешь недостатки предисловия – об этом следовало сказать особо, объяснить, почему средствами филокартии не получается создать целостный образ петербургского еврея. История еврейства в открытках – это особая история, нуждающаяся в осмыслении.

Ī ēōāēē Ī ā-Ēīāī

ЕВРЕЙСКИЙ МУЗЕЙ РЯДОМ С РУССКИМ

Ñĩño. Â. Â. Âũĩ œèö, Â. Â. Êæũĩ ãð

Âãðæñèèè ì óçæé

Ñĩ á: Ñèì ì ìçèòì, 2004 - 268 ñ

Цитата из недавнего «Коммерсанта»: «Юбилей Зигмунда Фрейда отмечают во всем мире. Все-таки не так много людей, кто определил XX век. Но вряд ли где день рождения проходит так живо и ярко, как в Еврейском музее Берлина».

В том музее, который строит Центр по изучению памятников еврейской культуры и созданию Еврейского музея «Петербургская иудаика», выпустивший вышеназванный сборник статей, таким, как Фрейд, места на первый взгляд нет. «Еврейский музей – неперменный атрибут музейной жизни больших “культурных” городов, – говорится в предисловии к книге “Еврейский музей”. – Отсутствие еврейского музея в Петербурге – одной из музейных столиц мира – тем более обидно, что в Петербурге был один из первых и лучших в Европе еврейских музеев, Музей еврейского историко-этнографического общества (1916–1929)»^[1]. У его истоков стоял Семен Акимович Ан-ский, деятельности которого посвящена статья В. Лукина. Уйдя из родной витебской среды к русским народникам и эсерам, он затем вернулся, но уже с живым интересом к еврейской народной жизни, ее словесному и материальному воплощению. Начав с собирания еврейского фольклора, Ан-ский пришел к выводу о необходимости специальной экспедиции по территории черты оседлости, чтобы собрать материал обо всех сторонах еврейской этнографии. И уже в процессе подготовки к экспедиции у него возникает мысль о еврейском музее, открытие которого состоялось 19 апреля 1914 года и было приурочено к отчету Ан-ского о работах экспедиции. Однако музею в Петербурге-Петрограде суждена была короткая жизнь: в конце 1917 года, в условиях налетов и грабежей, его коллекцию расформировали.

Читая сборник, понимаешь, что в Еврейском музее найдется место и русским – прежде всего народным религиозным движениям так называемых субботников и иудействующих. Поразительно бытование песни «Герчики-еврейчики» (о ней – статья Е. Разумовской), сюжет которой в кумулятивной последовательности раскрывает значение священных чисел:

Î õ, ãũ ããð-èèè, ããð-èèè-ããðæ÷-èèè,

Ñèãæèèòá, ñèãæèèòá, ÷òì ó ìãñ ÎÃÈÎ?

È ìá ìããá è ìá çãì èã ìãèì ó ìãñÃ-ã

И так далее до 12. Исследовательница отмечает, что эта песня – с неизбежными вариациями, которые обусловлены религиозными различиями, – бытует не только в еврейской народной культуре, но и в католической, и в православной. Более того, ученые не могут даже определить, в какой среде эта песня возникла – настолько родственным оказывается фольклор всех традиций.

Тема работы А. Львова – эмиграция иудействующих (преимущественно крестьян) из Астраханской губернии в Палестину на рубеже XIX–XX веков. Констатируя, что их грамотность характерна для традиционных культур^[2], исследователь признает, что ощущение особой связи со Святой землей могло возникнуть у них благодаря караимским молитвенникам, да и просто в результате внимательного чтения Писания на русском языке. «Однако нелепо думать, что произносимые во время молитвы слова сами по себе являются – даже для искренне верующих – программой действий»^[3], – утверждает автор. На наш взгляд, нелепо думать иначе: для неопита любое слово в священном тексте надделено императивным смыслом.

В то время как русские переселялись в Палестину, евреи искали себе место в России. В числе выставок, осуществленных центром «Петербургская иудаика», особое место занимает выставка «Красный Сион», посвященная проекту еврейской автономии в Крыму и на Дальнем Востоке и основанная на уникальных фотоматериалах из архива Общества земельного устройства трудящихся евреев (ОЗЕТ), которые ныне хранятся в Российском этнографическом музее. Проект этот в 1920–1930-х годах приковал такое внимание всего мира, что всерьез конкурировал с сионистским: «Поведение русского правительства в Крыму стоит в таком противоречии с английским правительством в Палестине, – заявляли в британском парламенте, – что оно представляет собой некоторую опасность для сионистских усилий в Палестине»^[4]. О том, какое значение придавалось этому проекту внутри страны, говорит красноречивый факт: в 1926 году в создании фильма «Еврей на земле» участвовали В. Маяковский и В. Шкловский как сценаристы, А. Роом как режиссер и Л. Брик как организатор съемок. Первоначально местом еврейской национальной автономии был выбран Крым как земля, наиболее приближенная к естественным условиям проживания в черте оседлости. Однако вскоре стало ясно, что руководство Крымской автономии, в котором немалым влиянием обладали крымские татары, не позволит этому осуществиться. Пришлось искать «Палестину без арабов»^[5]. Ею и стал Биробиджанский район в Сибири – бывшие земли Амурского казачьего войска, которое ушло вместе с белыми. В 1929 году Крымский проект стал сворачиваться и заменился Биробиджанским, в большей степени ориентированным на индустриальное развитие. Однако и его ждала трагическая участь. В 1938 году ОЗЕТ был ликвидирован, прервано сотрудничество с международными еврейскими организациями, а их советские сотрудники репрессированы. Еврейская АО подверглась настоящему разгрому: из менее чем 100 тыс. населения было репрессировано около 8 тыс., в том числе всё руководство. Сталинский погром евреев сменился нацистским, а тот, в свою очередь, новым сталинским – кампанией по «борьбе с космополитами»...

И вот оказывается, что судьба еврейского народа неотделима от судеб народов соседних, что прошлое эхом отзывается в настоящем и что, следовательно, Еврейский музей надо строить рядом с Русским.

^[1] *Ἰουδαϊστὰς // Ἀδαϊκῆς ἰσχύε: Νά ποδοῦε. Ν. 7.*

^[2] *Ἐπιτά Α. Ἰε εἰδαοῦ εἰσαποἀφύρεσ ἁ Ἰαῖνοεἰό // Ἀδαϊκῆς ἰσχύε. Ν. 127.*

^[3] *Ὀὰι εἰά Ν. 148*

^[4] *Ἄυι οεῶ Ἀ. Ἐδαῖ ὑε Νεῖτ. Ἰ ὄραεὸ ἀδαϊκῆς ἀποῖτῖ ἐε ἁ Ἐδῦι οε ἰ ἁ Ἀαῦτῖ αἰ Ἀῖποῖεἁ Ὀῖοῖαῖοεε 1920-1930 ἁ εῖ εἰδαοῦεἁ Ἰ Ἰ Ἀ' ἁ // Ἀδαϊκῆς ἰσχύε. Ν. 256*

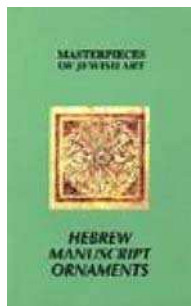
^[5] *Ὀὰι εἰά Ν. 265*

ОРНАМЕНТ ИСТОРИИ ОРНАМЕНТА

נִינּוֹ. יְעֻזָּר אֲרֵעֶזְרָא, אִי דֵּן צֶאֱעִי אֲרֵעֶ, אֶעֱרִי אֶדְ עֵאִי וְאֵעֵאֵן

יְדִי אִי אִי וְ אֲדֵאִי אֲאֲדֵאֵנֶּעֹ דִּבְעִי עֵמֶ

י .: וְאֵי אֶעֱ 2003 - 138 נ

Начало 1990-х годов в России было богато всевозможными хорошими начинаниями. Настолько богато, что в то восторженно-смутное время в их продолжение верилось с трудом.

Хорошо помню, как в моих руках оказался первый томик из серии «Шедевры еврейского искусства». Он казался чудом и по культуре полиграфического исполнения (в ту переходную эпоху, как правило, довольно невысокой), и по избранной теме («Бронза»), и по основательности разработки (автором был А. Канцедикас). Одно лишь огорчало – редакционное предисловие, извещавшее о том, что в рамках серии к изданию намечены пятнадцать альбомов (давался их перечень), в которых планируется опубликовать более двух тысяч памятников, – и всё это в течение ближайших двух лет. Столь масштабные планы, да еще провозглашаемые на стыке времен, редко бывают исполнены. Переходные эпохи не благоприятствуют глобальным замыслам.

Прошло почти пятнадцать лет. Конечно, серия не только не закончена, но едва доползла до середины, однако чудом можно считать уже то, что она до сих пор жива. И вот – седьмая книга, «Орнамент древнееврейских рукописей».

У этого издания есть знаменитый предшественник – альбом Д. Гинцбурга и В. Стасова «Древнееврейский орнамент по рукописям Императорской публичной библиотеки в С.-Петербурге», роскошно изданный в Берлине в 1905 году после двадцатилетней подготовительной работы. Примечательно, что инициатива изучения и издания образцов древнееврейского орнамента исходила от русского ученого – знаменитого художественного критика, известного своими поистине энциклопедическими интересами, в сферу которых органически входило и еврейское искусство. «Для Стасова поиск национальной самобытности еврейского искусства был естественно связан с основной задачей его культуртрегерской деятельности – изучением и внедрением в современную ему художественную практику самобытных основ искусства русского, – пишет один из составителей тома научный редактор серии А. Канцедикас. – Это может показаться парадоксальным, так как активизация русского национального чувства сегодня часто соседствует с проявлениями антисемитизма». Как образец устойчивого внимания Стасова к еврейскому искусству в том включен отрывок из его статьи «По поводу постройки синагоги в С.-Петербурге», впервые напечатанной в 1872 году в сборнике «Еврейская библиотека», в котором он регулярно публиковался на протяжении нескольких десятилетий.

Книга создана на основе собрания еврейских рукописей Российской Национальной библиотеки в Петербурге, связанного с именами знаменитого собирателя А. Я. Фирковича и не менее знаменитого хранителя А. Я. Гаркави. Об истории этого уникального собрания повествует статья заведующей сектором восточных фондов Отдела рукописей РНБ О. Васильевой. Напоминает она в том числе и о нашумевшей в свое время печальной истории: в 1992 году, после отъезда в Израиль штатного семитолога РНБ В. В. Лебедева, «в еврейском рукописном фонде впервые за всю его историю была обнаружена пропажа

памятников. Из восемнадцати тысяч рукописей, уцелевших в огне революций и войн, бережно сохраненных несколькими поколениями работников библиотеки, исчезли 96 манускриптов, представляющих большую историческую и художественную ценность». Некоторые удалось найти и вернуть, большинство растворились бесследно.

Эта история – пожалуй, единственный след современности в изучении древнееврейского орнамента, и не самый лучший. В остальном, если судить по составу книги (куда вошло также предисловие Д. Гинцбурга к альбому 1905 года), за минувший век не создано ничего принципиально нового, что могло бы стать вровень с трудами столетней давности. И это наводит на печальные размышления.

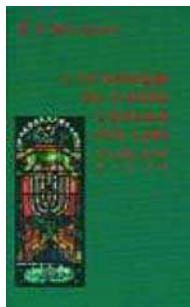
יְעֹאֲבֵד יָאֵלִינִי

НАЗАД, К ДОКУМЕНТУ

А. С. Оаеиуи аи

*Но даи еоу ено і де е аа дааа Диіне XVIII–XIX аеіа І і уò адеаі іа
еііеаіі ааі еу*

І : Аааеаа даі ее е іа, 2005. – 426 іі

Ни популяризаторские формулы («страницы истории», «опыт исследования»), ни великолепно-цветастый переплет, ни иллюстрации на наклейках не скроют от нас того очевидного факта, что книга Дмитрия Фельдмана «Страницы истории евреев России XVIII–XIX веков. Опыт архивного исследования» есть не что иное, как предназначенная в первую очередь специалистам диссертация, о существовании которой, в числе прочих сведений об авторе, извещает нас последняя страница переплета. Не знаю, в какой мере Дмитрий Фельдман переработал свою кандидатскую «Документы РГАДА по социально-экономической истории евреев в России (вторая половина XVIII–XIX вв.)», – не исключено, что ни в какой. Но в известном смысле тем интереснее: перед нами плод многолетних усилий исследователя-архивиста, текст, на основании которого увенчанные лаврами ученые мужи приняли автора в свое сообщество. Следует отметить, что название диссертации точнее отражает содержание книги, чем титульный лист данного издания. В книге речь идет о социально-экономической истории евреев за сто лет, начиная с их массового вхождения в число подданных Российской империи. Где они жили и в каком количестве, как мигрировали и чем зарабатывали на жизнь, как изменялись их сословная принадлежность и юридический статус, какие проекты на тему «что же нам делать с евреями» выдвигали государственные чиновники.

Казалось бы, многое из этого известно и так. Есть многотомные монографии и популярные очерки, есть сложившиеся мнения. Вроде бы накопление фактографического материала должно уступить место концептуальному осмыслению. Книга же Фельдмана посвящена даже не событиям, а архивным документам, связанным с этими событиями. Развитие торговли и промышленности, колебания в российском политическом мышлении в сторону благоприятствования либо репрессий по отношению к евреям находят в книге надежное документальное обоснование.

Особое место занимает рассказ о еврейской земледельческой колонизации. И хотя автор не ставит своей целью полемизировать с существующими концепциями, это происходит само собой, органично вытекая из содержания рассматриваемых документов – только документов, без предвзятых оценок. Какие-то меры российского правительства, привычно рассматривавшиеся как антисемитские, оказываются обычной рутинной экономической планирования и не направлены против евреев. В чем-то другом сказываются просчеты самих евреев – и по отдельности, и как социума в целом. Антисемитизм «сверху» оказывается не столь репрессивно-зловонным преследованием, сколь спокойно-брезгливым дворянским убеждением в безусловной еврейской безнравственности и бесполезности евреев для российской жизни, в том числе экономической. Подробный и аргументированный, с цифрами, рассказ автора об экономической деятельности евреев в России – и успешной, и незадачливой – доказывает, что за этим мнением не стоит ничего, кроме бескомпромиссного отторжения, неприятия евреев как чужаков. Даже если еврей ведет свои дела успешно, к пользе не только своей, но и государственной, значит, он составляет конкуренцию русским купцам и промышленникам, а стало быть, он опять-таки вреден.

Были и другие мнения. Были другие решения. Был сложный процесс развития российской экономики, и в этом процессе была еврейская составляющая. Происходили изменения в еврейской жизни и ментальности. Есть об этом не очень известные ранее документальные свидетельства, – хорошо и правильно, что теперь, с помощью книги Д. Фельдмана, мы можем уточнить, дополнить, пересмотреть известное ранее или открыть для себя нечто новое.

Д. Фельдман

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

ח'אדעוּ א. ן'וֹוֹי א'י

עֲדַיִן וְעַ סּוֹאֹעַ. עֵפוֹ וְדַעַי אֲדַעַיִתָּא וְ אַיִן אֶ-עַא, אִי אַעַאֵס אִי אַ מִאִיִּוִּעוֹב
יִיִוֹו

עֵסַעִיאַ: יִיִוִּעַ 2004 - 232 פּ

Ну, что они там понимают, эти заморские функционеры еврейских организаций? Смотрят на нас, как на экзотику и дикость, подсознательно или сознательно ожидают от глухого захолустья Восточной Европы лишь того, что здесь полностью исчезли все формы еврейской жизни и уж им-то, функционерам, предстоит сыграть свою великую просветительскую и цивилизаторскую роль. Если же случается такому функционеру в очередном «медвежьем углу» обнаружить, что еврейская жизнь и без него сохранилась, то его обычная реакция – умилительно романтизировать этот «этнографический курьез» без какой бы то ни было серьезной попытки изучить и понять это явление, пообщаться на равных с людьми и совместить далекие от него реалии с собственным иудаизмом в едином историческом контексте.

С такими примерно мыслями приступал я к чтению «Красного штетла», написанного руководителем региональных программ «Джойнта» Чарльзом Хоффманом. Но чем дальше, тем успешнее книга рассеивала мое предубеждение, захватывая искренним сопереживанием автора перипетиям судьбы евреев Шаргорода (под Могилевом-Подольским) начиная с «польских времен», конца XVI века, до конца века XX, когда автор уже использовал не письменные источники, а собственные наблюдения и беседы с людьми.

Опыт работы в России не прошел для него впустую. Хоффман отказывается от принятого на Западе стереотипа, согласно которому весь советский период был временем постоянного кошмара. Более того, он успешно выстраивает некоторые аналогии в судьбах евреев Америки и Советского Союза (символом которого, по его мнению, правильнее считать не серп и молот, а руку, моющую другую руку). Хоффман сумел многое разглядеть и многое понять. Он описывает Шаргород как типичное еврейское местечко, особенно в первых трех главах – «Дворяне и мистики. Происхождение Шаргорода как еврейского местечка», «Радикалы и раввины. Просвещение и революция приходят в штетл» и «Ремесленники и комиссары. Как в муках рождался советский штетл», – и он же ясно видит то, что отличало Шаргород от других местечек. Хоффман рассказывает, как выжили шаргородские евреи во времена Холокоста: там было создано гетто для румынских евреев и, пока румынские власти депортировали сюда своих евреев, обрекая их на смерть, до шаргородских евреев «руки де дошли». После войны, в силу удаленности Шаргорода от крупных центров, у советской власти и вездесущего КГБ, в свою очередь, «не дошли руки» до шаргородских евреев.

В главах, посвященных формам еврейской жизни и социальному статусу шаргородских евреев, Хоффман рисует небольшую, но выразительную галерею «простых советских людей» – учителей, милиционеров, хозяйственных руководителей, которые совмещали следование еврейской традиции с верой в коммунистические идеалы. И в строках, и между строк Хоффман без всякого высокомерия и этнографической отстраненности как бы примеривает эти судьбы на себя, пытаясь представить, как сложилась бы его собственная жизнь, не покинь его предки свой белорусский штетл в поисках счастья в Америке.

Это – книга-исследование и книга-размышление, книга-осознание и книга-памятник «уходящей натуре». Вышло так, что она стала главным делом жизни автора. Чарльз Хоффман не дожил до ее выхода в свет. Но книга издана, ее научное значение подтверждено таким авторитетом, как профессор Иерусалимского университета Мордехай Альшулер, и мы можем прочесть ее и узнать нечто новое о Шаргороде, о Чарльзе Хоффмане – и о самих себе.

Ї еѡѡѡ Ёѣіѡѣі

КНИГИ ВСЯКИЕ НУЖНЫ, ИЛИ КРУГОМ ОДНИ ЕВРЕИ

È. Á. Áíòðííáà

Ñáíðí è è áí è òí áí òí áí è òí ð è è á á á á á Ò ð á è à è ç ò í í á í á ó : ð á æ á á í è è á í ð á ò ñ è í á í á ð è í á á Á í ð á á ð ð ò á á í í í á á ð ð è á á Ñ á á ð á è í á è í é í á è á ð è

Ì .: Á ð á æ á ð á í è è è ù á 2004 - 460 ñ

В. Ì. Ð ó è ù á í

Á í ð í á á è è ð á è á á ð á è ñ è í é æ è á ð ð í ð ð ù á Á í ð ò í : í í é Á á ð í á á í í á : æ è à Ò Ò á è á Ð í ð è ÿ: Á í ð í á æ, È ó ð í é, Ð í ð ò í á í á Á í í ó, Ñ í í è á í ñ è, Ò á á í ð í á Ì .: Í á ð á è è á è è, 2004 - 144 ñ

À. Áààèáíá

Ì óàðäöü Èààèààà

Èàðüñèèì, 2004 – 214 ñ

Региональную историю еврейской жизни можно рассказывать по-разному. Три книги, представленные здесь, рассказывают о евреях не только в трех разных регионах – на Урале, в городах европейской части России и на Кавказе, – но и тремя различными способами. Первая из них, с удручающе скучным названием, – особенно скучным для тех, кто не имеет ясного представления об архивной работе, – не только полностью соответствует названию, но и содержит весьма объемный исторический очерк. Очередной выпуск серии «Города и люди еврейской диаспоры» Я. М. Шульмана – подборка кратких описательных заметок энциклопедического характера. Наконец, «Мудрецы Кавказа» Адама Давидова – не лишённое литературных претензий панегирическое повествование о горско-еврейских равнинах. Поставленные авторами различные задачи решены с разной степенью успешности.

В первой книге, помимо ее содержания и стилистики, есть нечто необъяснимое – какая-то «энергетика» текста, исходящая от каждой страницы и даже от обложки. От «Евреев Урала» – так я для краткости буду называть «Сборник документов по истории евреев Урала из фондов учреждений досоветского периода Государственного архива Свердловской области» – еще до начала чтения веет основательностью и продуманностью, художественным вкусом и чувством меры. Здесь всё академически строго: три части плюс введение, приложение (демографические таблицы, словарь терминов, список еврейских политических организаций и т. д.), библиография и именной указатель. Первая часть – исторический очерк монографического характера на полтора ста страниц «Евреи на Урале до октября 1917 года». Далее – краткий обзор документов и основная, третья часть книги – сами документы. Эта часть хорошо структурирована, ее разделы – «Право на жительство», «Евреи-солдаты», «Виды деятельности. Запреты, ограничения» с подразделами по видам деятельности, «Религиозно-общинная жизнь», «Евреи в революционном движении» и т. д. – легко позволяют найти информацию по нужной теме. И какую информацию! В реальных документах времени, официальных и житейских, есть свое несомненное очарование, которое захватывает читателя не хуже приключенческого романа. Секретное распоряжение об увольнении с работы человека, имевшего несчастье оказаться евреем, и внешне сдержанный, полный достоинства отказ простого честного русского служаки, имевшего несчастье оказаться начальником этого еврея, – отказ выполнить распоряжение. Доносы и циркуляры, протоколы полицейских допросов и частные письма, военные рапорты и униженные прошения не только рисуют яркую и мрачную, полную неповторимых жизненных деталей картину жизни уральско-еврейского социума, но и создают живую вереницу портретов и голосов. Эти голоса свидетельствуют и «проговариваются», хитрят и простодушествуют, жалуются и защищаются, одни строят непреодолимые стены, другие – бьются в них лбами.

При всем при том ясно, что широкому читателю эту книгу вряд ли порекомендуешь «для легкого чтения». Создателям книги и самим это ясно: «массовый» тираж 500 экземпляров говорит сам за себя.

Зато «Города и люди еврейской диаспоры в Восточной Европе до начала XX века» Я. М. Шульмана вполне можно и в дороге почитать. Небольшая книжка, третья в серии публикаций того же автора (первая была посвящена пятерке украинских, вторая – пятерке белорусских городов) являет собой воплощение простой и удачной идеи по лаконичной и популярной подаче материала читателю. Каждый рассказ о городе – краткий исторический очерк, за которым следуют списки известных евреев, родившихся здесь, каждое имя сопровождается энциклопедической статьей. В книге мы встретим авиаконструктора

Лавочкина и скульптора Цадкина, актрису Раневскую и дипломата Шафирова, физика Флёрва и поэта Маршака, музыкантов-педагогов Гнесиных и десантника Куникова, а также многих других, гордиться которыми, как заметил Пушкин, «не только можно, но и должно».

Скромность внешнего вида «Городов и людей еврейской диаспоры», как и солидная академическая сдержанность «Евреев Урала», с лихвой компенсируются сочностью оформления «Мудрецов Кавказа», книги, которую сам автор представляет так: «...Не историческое исследование, а рассказы о духовных учителях горских евреев». Цветные иллюстрации, заставки, огромный шрифт. Сборник на первый взгляд довольно эклектичен, стилизованные под фольклор рассказы перемежаются с информационными очерками под рубрикой «Обычаи и традиции». Однако соблюдается несомненное стилистическое единство – и то и другое написано так, что вполне отвечает цели автора: дать духовную поддержку в изучении Торы и соблюдении мицвоис, свидетельствовать о том, что «горские евреи жили в соответствии с законами Торы, в любви и преданности Творцу». Бесплезно искать здесь подробного и объективного рассказа об отношениях евреев с нееврейским окружением, о противоречиях и проблемах в самой еврейской среде. В число горско-еврейских мудрецов не попал, например, Иосиф Шур (Иосиф бен Хаим Хаймович, конец XIX – начало XX века), раввин аула Кусары, подвергшийся опале за вольнодумство. Поэт и просветитель, который даже свой дневник вел главным образом в стихах на иврите, он присоединился к тем, кто стремился к изменению образа жизни горских евреев. Знавший его лично Феликс Шапиро – тот самый, автор «Иврит-русского словаря», – назвал его «единственной яркой фигурой горского еврейства». Но автора «Мудрецов Кавказа», рабби Адама Давидова, интересуют совсем другие люди и другие истории: похожие на хасидские притчи рассказы о проникательных мудрецах, шабосные истории о чудесных спасениях, воспоминания автора о том, как он в 1990-х годах возрождал еврейскую религиозную жизнь в Кубе. Если не привередничать в отношении елейно-патетической стилистики, то и из этих историй можно узнать немало любопытного о горских евреях.

Однако легче всего понять и труднее всего принять непримиримую позицию автора в отношении науки, исторической и этнографической. На первой же странице предисловия автор решительно заявляет: «Не следует принимать во внимание нелепые измышления некоторых “историков”, в том числе израильских, озбоченных комплексом юдофобии. Горские евреи с удивлением читают о себе, что они бывшие персы, хазары, авары, мусульмане и тому подобное. В конце концов, можно договориться до того, что река Иордан – приток реки Миссисипи». Но ученые не виноваты в том, что исторические свидетельства, которыми они располагают (надписи на надгробиях, письменные упоминания в текстах других народов и т. п.), не дают оснований для подтверждения безоговорочно провозглашаемой автором версии о двухтысячелетней истории горских евреев на Кавказе. Рабочие гипотезы об этногенезе горских евреев Кавказа не ставят своей целью удовлетворить чьи-то религиозные и национальные амбиции, но и никакого юдофобского комплекса в них нет. Скорее уж попытку «притянуть за уши» какой-то еврейский социум к одним только древним евреям без допущения, что за прошедшие тысячелетия в этногенезе участвовали и другие общности, можно уподобить попытке защиты лозунга о «притоке Миссисипи». Словом, в данном случае научный подход не относится к сильным сторонам авторского мышления. Хотя найдется немало читателей, которым именно эта книга покажется наиболее близкой и понятной из трех, представленных нами.

יִבְרָאֵל עֵינֵינוּ

мировой войне гитлеровскими войсками», потом появился и бытует сейчас термин «Катастрофа европейского еврейства». В еврейских религиозных кругах распространен ивритский термин «Шоа». Но слово «Холокост», распространенное в англоязычном мире и обозначающее прежде всего религиозное, культовое жертвоприношение, именно в силу этого обстоятельства Лакёр считает неудачным. Вряд ли он безусловно прав, ведь нацисты рассматривали поход против евреев, цыган, коммунистов, иеговистов, гомосексуалистов, душевнобольных как некую священную миссию, – примерно тот же статус в нашей стране имела беспощадная борьба с «врагами народа» – похожее сочетание пламенной истеричности и методичности, «академической» обоснованности и веры, что всё это свершается во имя великого прекрасного будущего. Даже считая термин «Холокост» неудачным, Лакёр всё-таки принимает его в широком смысле, и в энциклопедии есть статьи о цыганах, иеговистах, гомосексуалистах и душевнобольных – об этом у нас было известно очень мало.

Кроме статей, в книге содержится огромное множество фотографий, в качестве приложения дана весьма подробная хронология и алфавитный указатель. Список литературы в статьях отсутствует, но есть библиографический обзор, к сожалению, исключительно англоязычной литературы, даже без указания на русские переводы. Зато есть ссылки на полезные для исследователей сайты Интернета. Оригинальная русская литература проигнорирована полностью, видимо, это будет исправлено в дальнейшем, в изданиях о Холокосте на территории СССР.

Эта же энциклопедия останется образцом сочетания научной добросовестности и сдержанной эмоциональности во всестороннем освещении трагичной и всё еще актуальной темы, – книгой, которую нелегко прочесть, но которую необходимо иметь в домашней библиотеке.

Ἰ ἐὸν ἐὸν Ἐὶ ἔει

ХРОНИКА

17 мая в доме-музее Марины Цветаевой в Москве прошла презентация очередной книги Елены и Сергея Макаровых из серии «Крепость над бездной», описывающей жизнь обитателей еврейского гетто в Терезиенштадте (Чехия). Новый том серии называется «Терезинские лекции. 1941–1944», издан он ассоциацией «Гешарим/ Мосты культуры» при содействии Российского еврейского конгресса и Фонда «Феникс». Как и в двух предыдущих книгах серии, «Терезинские дневники. 1942–1945» и «Я – блуждающий ребенок. Дети и учителя в Терезине», Е. и С. Макаровы рассматривают разные стороны жизни обитателей терезинского гетто. В частности же, книга посвящена лекциям, которые читались в Терезине многочисленными представителями интеллигенции, оказавшимися там.

Глава издательства «Гешарим/Мосты культуры» Михаил Гринберг, поблагодарив авторов книги за то, что они «дали возможность ассоциации украсить свой издательский план подобной книгой», заметил, что в «Терезинских лекциях» «перед нами предстают люди, сумевшие, несмотря на физическую гибель большинства из них, одержать моральную победу над расчеловечивавшей машиной Третьего рейха и сохранить себя как некий островок в океане варварства».

Мать Е. Макаровой, известная поэтесса Инна Лиснянская, рассказывая о работе дочери над составлением книги, заметила, что по масштабам эта работа сопоставима с деятельностью академического института, поскольку отнимала по 18 часов в сутки. За время работы было выявлено свыше 3000 лекций. На основе их изучения, а также привлечения дополнительных материалов (в том числе путем интервьюирования оставшихся в живых узников Терезина) были получены данные на 520 авторов терезинских лекций. Из этих 520 имен полностью удалось реконструировать свыше ста биографий.

Сама Елена Макарова, коротко рассказав об истории Терезина, через который прошло 140 тыс. человек, отметила, что костяк его обитателей составили молодые еврейские интеллектуалы из Чехословакии. «Это было поколение свободных людей, ровесников независимости Чехословакии, многие из которых были отмечены разными талантами: писатели, поэты, режиссеры», – подчеркнула она, рассказав о произведениях некоторых узников, не потерявших актуальности и после войны. По словам Елены Макаровой, практически все литературные произведения (включая лекции), создававшиеся в гетто, тем или иным образом касались темы жизни и смерти, что было «закономерным следствием существования в гетто, где смерть становилась пугающей реальностью, подстерегающей всякого». Так, в 1942 году, когда в гетто было сосредоточено 50 тыс. человек, ежедневно умирали до 1000 его обитателей...

Компьютерный анализ частоты употребления тех или иных слов, проведенный исследователями, выявил следующую закономерность: слова «смерть» и «голод» практически не упоминались в лекциях, зато очень часто упоминались понятия «еда» и «жизнь».

26 мая в зале заседаний Ученого совета Института философии Российской академии наук прошла презентация книги академика РАН Бориса Ананьича «Банкирские дома в России, 1860–1914: Очерки истории частного предпринимательства», вышедшей в свет в издательстве «РОССПЭН». Организаторами презентации стали Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства и московский офис Института Кеннана.

Книга представляет собой очерк развития российских негосударственных финансовых институтов в XIX – начале XX века. Помимо глав, содержащих описание общего развития рынка, три главы книги посвящены трем семействам банкиров, оказавших значительное влияние не только на банковскую, но и на общественную жизнь России, – Гинцбургам, Поляковым и Рябушинским. Впрочем, помимо них, в книге упоминается ряд других банкиров и предпринимателей – от «последнего придворного банкира» А. Штиглица и «личного банкира» одного из крупнейших бюрократов – А. Абазы – Рафаловича до дельцов предреволюционной поры.

При этом, со слов исследователя, подобный отбор не был вызван желанием написать историю предпринимательской активности меньшинств – евреев и старообрядцев (к последним, в частности, принадлежали Рябушинские). Б. Ананьич подчеркнул: этот отбор стал результатом работы с массой источников по истории банковского дела в России и следствием состояния самих этих источников (так, данные о многих банкирских домах не сохранились или являются весьма фрагментарными).

Академический директор МИЦРВЕ Олег Будницкий, в своем выступлении ссылаясь на слова известного английского ученого, историка российского еврейства Джона Клира, заметил, что книга Б. Ананьича охватывает совершенно не изученные до настоящего момента области российско-еврейской истории и в то же время удивительно современна.

Профессор и зав. кафедрой отечественной истории РГГУ Александр Каменский в своем выступлении отметил, что название книги Б. Ананьича не совсем отражает ее сущность, поскольку она содержит не столько описание банкирских домов и их финансовых операций, сколько жизнеописания банкиров и рассказы об их взаимоотношениях с властями, коллегами и собственными родственниками, далеко не всегда безоблачных и читающихся как увлекательный детектив. Еще одной положительной стороной книги А. Каменский назвал ее широчайшую источниковую базу, включающую многие не публиковавшиеся ранее архивные документы, малоизвестные воспоминания.

Чтобы проиллюстрировать этот тезис, О. Будницкий тут же прочел подпись под одной из фотографий, помещенных в книге: «И. Тургенев на охоте под Парижем, устроенной бароном Гинцбургом для Великого Князя Николая Николаевича», заметив, что российские предприниматели уже в те времена «выгуливали» «нужных» высокопоставленных чиновников.

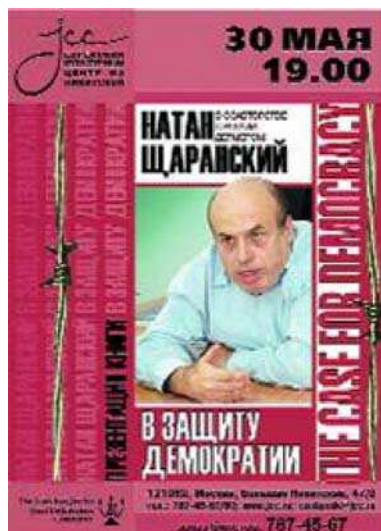
Старший научный сотрудник Института российской истории РАН Галина Ульянова обратила внимание на то, что книга Б. Ананьича в известной мере заполняет то «белое пятно», которое до настоящего момента представляет собой история еврейского предпринимательства в России.

30 мая в Еврейском культурном центре прошла презентация новой книги израильского политика и бывшего советского диссидента Натана (Анатолия) Щаранского «В защиту демократии», вышедшей в Москве в издательстве «Захаров» и впервые изданной в США в 2004 году.

Региональный представитель «Джойнта» Алик Надан отметил, что для него лично этот вечер очень важен как момент встречи с человеком, который для тысяч советских евреев был «символом того, к чему многие стремились, – свободы и сопротивления злу».

Посол государства Израиль в России Аркади Мил-Ман в свою очередь подчеркнул, что ему будет интересно услышать о совместимости двух вещей – политики и морали.

Главным тезисом выступления Н. Щаранского стало утверждение о том, что демократия – это лучшая защита от агрессии и лучшая форма правления. Противники этих заявлений обычно выдвигают три тезиса: «Демократия – это западная идея, чуждая другим народам»; «Хорошо ли будет для нас, если эти народы будут жить в условиях свободы?» и, наконец, «Каким образом свободный мир должен внедрять демократические принципы в странах третьего мира?»

Коснувшись первого тезиса, Щаранский напомнил, как в 1945 году советник президента США Г. Трумэна утверждал, что Япония не сможет жить в условиях демократии, однако вскоре это мнение было опровергнуто самими японцами. По его мнению, в мире нет такого народа, который был бы не способен жить при демократии, и – более того – нет такого народа, который предпочел бы не жить при ней. В любой же несвободной стране существует три группы людей: искренне преданных режиму, диссидентов и (самая большая группа) «двоемыслящих» – думающих дома одно, а официально говорящих другое. Подобная градация, по словам Щаранского, не была исключительно советской прерогативой. То же самое он слышал от выходцев из Ирана, Ирака и Чехословакии. Свободный мир, «подкармливая» тиранов ради «стабильности», рискует в один прекрасный момент получить врага в лице бывшего союзника, поскольку диктаторам необходим «образ врага» для того, чтобы сплотить нацию вокруг себя. Примером подобной ситуации, по мнению Щаранского, может служить Саудовская Аравия, власти которой долгое время культивировали ненависть к «неверным», в то время как США, фактически спасшие королевство от поглощения Саддамом Хусейном, не делали ни одного шага для продвижения демократических реформ в этой стране. Итогом стал теракт 11 сентября, большинство исполнителей которого, так же как и финансирование, происходили из Саудовской Аравии.

Перейдя к способам борьбы с диктаторскими режимами, Н. Щаранский заметил: самое лучшее – это не поддерживать их, поскольку подобные режимы на самом деле достаточно слабы из-за необходимости держать под контролем большинство населения, – постепенно они рухнут сами.

Говоря о ситуации, сложившейся в настоящий момент в России, Щаранский отметил, что хотя в настоящий момент осуществляется определенный «откат» от демократических завоеваний 1990-х, однако возвращения к советскому прошлому не будет.

На презентации был поднят вопрос о проявлениях неонацизма в самом Израиле. По этому поводу Н. Щаранский сообщил, что в основном эти проявления исходят от людей, прибывших в Израиль «под прикрытием» «закона о возвращении», но по существу являющихся антисемитами. «Сейчас постоянно всплывает вопрос: как, не отменяя «закон о возвращении», преградить путь тем, кто не любит еврейский народ и государство Израиль», – заявил политик. *Наи ай хадити*

БИБЛИОГРАФИЯ

Брускин Г. *Алфавит. Шпалера*. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2006. – 192 с.

Вексельман М. *Еврейские театры (на идиш) в Узбекистане: 1933–1947 гг.* Иерусалим: Филобиблон, 2005. – 200 с.: илл. (свыше 110 ч/б фото). (ИБ III)^[1]

Воспоминания об Александре Бовине. *Политик. Журналист. Дипломат*. М.: Издательский дом «Любимая Россия», 2006. – 536 с.

Гейзер М. *Маршак. Серия: Жизнь замечательных людей [989]*. М.: Молодая гвардия, 2006. – 327 [9] с.

Гроссман Д. *Львиный мед. Повесть о Самсоне*. Пер. с иврита Г. Сегаль. М.: Открытый мир, 2006. – 127 с.

Диалог: *Литературный альманах. № 7–8. Россия–Израиль, 2005–2006 (5765–5766)*. Т. 1. – 382 с.; Т. 2. – 398 с.

Зингер И.-Б. *Раб. Роман*. Пер. с идиша Р. Баумволь. М.: Текст, 2006. – 382 [2] с.

Зингер И.-Б. *Страсти. Рассказы*. Пер. с англ. М.: Текст, 2006. – 285 [3] с.

Иврит 3 в 1: грамматика, разговорник, словарь. М.: АСТ, 2006. – 126 с.

Иерусалимский библиофил: Альманах. №3/ Сост., ред. Л. Юниверг. Иерусалим: Филобиблон, 2006. – 528 с.: илл. (свыше 200 ч/б. илл.). (ИБ III)

Капитонов К. *Быть израильтянином...* М.: АСТ Восток-Запад, 2006. – 623 [1]с.

Кипарисы в сезон листопада. Рассказы израильских писателей. Пер. с иврита С. Шенбрунн. Серия: *Проза еврейской жизни*. М.: Текст, 2006. – 253 [6] с. *Корабликов-Коварский С. Белые птицы: [Сб. стихов, посвященных памяти жертв вильнюсского гетто]*. Иерусалим: Филобиблон, 2005. – 40 с.: илл. (14 ч/б фото). (ИБ III)

Лисневский М. *Стеклянные палитры: Иерусалимские витражи Марка Шагала*. Иерусалим: Филобиблон, 2005. – 40 с.: илл. (12 цв. репр.). (ИБ III)

Материалы Двенадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 2. М.: 2005. Сэфер: Академическая серия. Вып. 18. – 464 с.

Миллер А. *Империя Романовых и национализм*. Серия: *Historia Rossica*. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 241 с.

Нохам А. – *художник и скульптор: Альбом живописи и скульптуры / Сост., ред. и оформление Л. Юниверга*. Иерусалим: Филобиблон, 2005. – 52 с. (рус., англ., иврит). (ИБ III)

Русско-иврит. разговорник / Сост. Е. Андреева. М.: Астрель-АСТ; Транскнига, 2006. – 287 с.

«У каждого свой Иерусалим» / Картины о Иерусалиме, графика, дизайн Ителлы Мастбаум. Худ. ред. Л. Юниверг. б/з. – 36 с.: илл. (13 цв. репр). (ИБ III)

Хроника еврейских сомнений. По страницам журнала «Народ книги в мире книг», 1995–2005 / Сост А. Френкель. Приложение к журналу «Народ книги в мире книг». Вып. 2. СПб, 2005. – 254 с.

Шалит Ш. На круги свои...: Лит. страницы на еврейскую тему. Иерусалим, 2005. – 392 с. [170]: илл. (ИБ III)

Этот ребенок должен жить. Записки Х. Хольцман. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 232 с.

III צאנז'ע אָנפֿאַנג «אַפֿאַרשטעלונגען» עפֿאַרעפֿענען אַז «ווער אַפֿאַרשטעלונג», עאַלמאַנע, אָפֿאַרשטעלונג אַז אַזאַ «עאַלמאַנע פֿאַר אַפֿאַרשטעלונג», III.

БАЛЬНЫЕ ТАНЦЫ КАК ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ

Ḍāæ èññāḏ è āāò îḏ ñḡāí àḏèÿ Ýéò àí Áí í āḏ

«Í îéòḡññēāÿ èñḡ îḏèÿ»

Èçḡāèëÿ 2006

Неделя израильского кино в Москве в дни проведения XXVIII Московского международного кинофестиваля была приурочена к 15-летию восстановления дипломатических отношений между Израилем и Россией. Неделя российского кино, посвященная этому же событию, пройдет в Израиле в октябре. Возможность узнать о другой стране не из масс-медиа, а посмотрев фильм (спектакль, выставку живописи, прочитав книгу) наполняет содержанием такие понятия, как «народная дипломатия» и «культурный обмен». Это притом, что любой художник – в нашем случае режиссер – не отражает, а искажает реальность. Однако если он стремится к правдоподобию и психологической достоверности, то, несмотря на искажения, а возможно и благодаря им, от него узнаешь больше, чем от публициста, экономического обозревателя или журналиста, сообщающего «горячие» новости.

«Í îéòḡññēāÿ èñḡ îḏèÿ».

«Í āāāēāēí îò āñî à».

Ḍāæ èññāḏú Áèæè Áèëḡ, Áàèèÿ Óāāñḏ

«Еврей – ошайб ай нò дай а».

Дизе етїїд è ааò îð нòай адеу Ыїеи Òаёò îї.

«І à і аайіе аїеїа».

Дизе етїїд Аай еїеи Ну деї.

В конкурсной программе фестиваля участвовал фильм «Полурусская история». На кинорынке в Каннах он был представлен под названием «Love and Dance», под этим названием поступит в европейский и американский прокат. Действие происходит в приморском Ашдоде, населенном сабрами, репатриантами из России, их детьми из «смешанных» и «коренных» семей. Двенадцатилетний Хен тайком от отца, рекомендовавшего секцию дзюдо, посещает танцевальную студию, где занимается его «симпатия» Натали; судя по имени, она из русскоязычной семьи. Студию ведут муж и жена, репатрианты, в прошлом профессиональные танцоры. Их надежды на сценическую карьеру в Израиле не оправдались. Русский язык в речи героев перемешан с ивритом, российские жизненные навыки – с новообретенными израильскими. Несовпадение местного и привезенного мировоззрений, сочетание подростковых иллюзий и взрослых разочарований образует подтекст, обогащающий сюжет этой любовно-танцевальной истории.

Не претендуя на новый киноязык, режиссер и автор сценария Эйтан Аннер снимал мелодраму. Это его вторая картина, начинал он в рекламе и на телевидении (сериалы), затем была комедия, отмеченная на кинофестивале в Торонто.

В «Полурусскую историю» Аннер пригласил актрис, хорошо известных в Израиле. Выпускница ГИТИСа Евгения Додина, прима театра «Гешер», в 2004 году была признана лучшей израильской актрисой года. В фильме у нее роль учительницы балльных танцев. Звезда российского кино Оксана Коростышевская играет маму Хена, безработную домохозяйку, стремящуюся разнообразить будни занятиями всё в той же танцевальной студии. Действие на танцевальных площадках занимает чуть не половину экранного времени. Следует отметить профессиональную работу оператора Ицхака Портала – интересен повседневный Израиль, увиденный его камерой.

Евгения Додина и Оксана Коростышевская.

Резюмируя, израильскую ленту можно определить как крепкую коммерческую продукцию. На Гран-при она не претендовала – как говорится, не за то боролись. Получилось вполне кассовое кино – милый фильм для семейного просмотра.

Августин Давидов

ПАРУС ЕВРЕЙСКОГО ИСКУССТВА

Ī ēōāēē Ī ā-Ēīāī

«I velum.. 1) Ī āōūēīā, Ī ēōūīāēēī;

2) çāūūū, çāī āāūū, 3) Ī āāūū

II velum.. 1) Ī āōūū, 2) Ī āāī. ūūūī, ēīōāāēū.

Ē. Ő. Āāīōāōēēē.

Ēāōēī ūī-ōūūēēē ūīāāūī

Среди десятков московских галерей тех, что целенаправленно занимаются еврейским искусством, меньше, чем пальцев на одной руке. Об одной из таких галерей – недавно открывшемся «Улье» – наш журнал уже писал. Однако первенство принадлежит всё-таки галерее «Веллум», основанной искусствоведом Любовью Агафоновой пять лет назад. Галерея занимается преимущественно искусством 1920–1930-х годов – периодом расцвета еврейской живописной культуры, который исследован еще сравнительно мало.

Ē. Őāāī ēēī. Ī āōpōī īōō.

В июне в Центральном доме художника на Крымском валу состоялась очередная выставка галереи – «Другое искусство. Праздники». Основу экспозиции составили работы мастеров старшего поколения, которые, при всем их индивидуальном своеобразии, обнаруживают неожиданно общий мотив возвращения к себе.

В творчестве Ильи Табенкина это возвращение оказалось наиболее трудным и весьма неочевидным, скрытым от посторонних глаз. Художник родился в 1914 году в семье белорусских евреев. Религиозная строгость в семье поддерживалась матерью, которая ради сохранения веры отказалась даже от возможности учиться в Петербургской консерватории. Семнадцати лет от роду Илья был зачислен в Московское художественное училище памяти 1905 года, но уже через год арестован за то, что отправил в подарок приятелю, тоже студенту-художнику, арестованному еще раньше по политическим мотивам, набор красок. Полгода Бутырской тюрьмы – и три года казахстанских лагерей, где Илья работал на строительстве железной дороги. К тому времени он уже страдал от травмы позвоночника, которую получил еще школьником. Затем последовала ссылка. Однако Табенкин выжил, чему отчасти помогла война: в условиях военной неразберихи он смог скрыть судимость и поступить в Московский художественный институт (ныне носящий имя В. И. Сурикова), который был эвакуирован в Самарканд. Так, спустя почти десять лет, произошло его возвращение к относительно нормальной жизни. И вплоть до самой смерти, наступившей в

1988 году, Илье Табенкину удалось сохраниться в этой колее – если не благополучной, то, по крайней мере, приемлемой. Со временем он получил мастерскую, квартиру. Какой же ценой всё это досталось?

È. Òáááí èèí. Áàç í àçàáí èÿ.

«Мучительно искал, пробовал и не находил того, что принесло бы хоть толику творческого удовлетворения». Так писал о своей жизни в 1950–1960-х годах сам Табенкин в единственной своей статье, появившейся в журнале «Творчество» за несколько лет до смерти. Он работал на художественном комбинате, писал казенные портреты вождей и пейзажи.

И вдруг, в конце 1960-х... «Был один художник – стал другой... Это, в сущности, так же загадочно, как землетрясение. Произошло – и всё» (В. Чайковская). Заурядный живописец превратился в неповторимого художника со своим языком.

Он стал писать натюрморты, причем предметы для них создавал сам из глины, гипса и папье-маше. Некоторые критики видят в этих фигурках «яркое воплощение метафор о творении человека в Старом Завете»^[1]. Сын И. Табенкина, Лев, тоже художник, считает, что «они были навеяны глубоко запавшими в душу художника впечатлениями детства от регулярных посещений синагоги»^[2] и, в частности, от ее интерьера. В монохромности этих поздних работ можно увидеть краски пустыни, а в их нефигуративности – соблюдение второй заповеди (неясно, правда, насколько осознанное).

Но самое главное, и это тоже отмечал Лев Табенкин, «каждая из поздних работ отца – молитва». В сущности, художник был одинок и среди советского официоза, и среди зарождавшегося андеграунда. Всю жизнь он носил в себе целый мир, которому не находил оформления. И вот – чудо произошло. Нетрудно видеть, что, сколько бы ни было предметов на картинах Табенкина (а их всегда немного), они погружены в себя, они не вступают в диалог, даже если стоят рядом. Табенкин изобразил внутреннее пространство молитвы.

È. Òàààí èèí à ì àñò àññéé.

Судьба Леона Нисенбаума (1925–2000) сложилась иначе. Родился он почти десятилетием позже И. Табенкина, принадлежал к чисто советскому поколению и долгое время не чувствовал связи с еврейской традицией. Его профессиональная судьба сложилась удачнее, хотя, быть может, и не вполне соразмерно таланту: в 1950–1960-х годах он оформлял конверты для грампластинок и расписывал керамику. Не оставлял он и живописи, причем самых разных жанров, а в 1970-х годах (как и Табенкин) увлекся натюрморты. И если натюрморты Табенкина – это медитации, то натюрморты Нисенбаума – настоящие диалоги.

Ощущая себя русским интеллигентом, он воспринял свойственные русской культуре новозаветные представления, хотя трактовал их не в конфессиональном, а в культурном ключе. Зато, в отличие от Табенкина, он дожил до краха «железного занавеса» и смог побывать в Израиле. На его картинах появляются новые герои (особенно поразили его хасиды), новые сюжеты. «Художник отваживается обращаться к сюжетам, гораздо менее знакомым для него, чем, скажем, для Шагала или Каплана – свидетелей еврейской жизни, – пишет исследователь творчества Нисенбаума А. Симуни. – Но с тем большей раскрепощенностью пытается он представить, как всё это было. И убедительность здесь не в деталях, а в обостренности душевного настроения, в желании пробиться через пелену времени, ничего притом не разрушив»^[3].

Обновившись, творчество Нисенбаума не претерпело, однако, стилистического слома. Его фигуры рождаются из стихии холодных цветов в столкновении с черным или белым и сохраняют свою обобщенность, будь то изображения раввинов или домов. Израильский пейзаж нередко напоминает подмосковный или его родной петербургский. Нисенбаум развивался органично.

È. Í èññí ààòí . Í àéçàæ. Ì àñò àññéé

Ė. Ī ēīīī āāōī . Ėāōāēī .

Ė. Ī ēīīī āāōī .

Теплые краски были редки у этого северного художника, чего не скажешь о живописи Абрама Моносона, которую галерея «Веллум» и лично Л. Агафонова открыли изумленному миру. Ровесник Табенкина, он родился в 1914 году в Могилеве, учился в Москве у Александра Куприна и Вениамина Эйгеса. От учителей – две составляющие его творчества. С одной стороны, традиции «Бубнового валета»: яркие «плавающие» краски, сложные цвета, энергичный мазок. С другой – традиции (скорее не столько живописные, сколько культурные) еврейской живописи. Правильнее будет сказать, что Монозон создает свой особый стиль, в котором еврейский мир наделяется «бубнововалетской» яркостью, а весь мир приобретает черты еврейского (разве это не так?). Видимо, эту внутреннюю непохожесть чувствовали советские начальники от искусства: в 1956 году, в момент оттепели, его, внешне вполне лояльного советского живописца, неожиданно исключают из Союза художников «за неверное отображение образа вождя» (а посмотреть на эту картину сегодняшними глазами – что в ней особенного, кроме, быть может, чуть более ярких, чем у всех, красок?). По меркам того времени подобное исключение сулило если не полную изоляцию, то, во всяком случае, значительные трудности. Однако Монозону оно подарило чувство внутренней свободы, возможность при весьма скромном существовании творить, а не исполнять государственные заказы. Быть может, разгадку начальственной немилости следует искать также в том, что на одну из выставок конца 50-х Монозон попробовал предложить картины из цикла «Воспоминание о

местечке», который был посвящен не просто Великой Отечественной войне, а разрушенному в годы войны хорошо знакомому ему миру еврейского местечка. Выходит, что из художников старшего поколения, представленных на этой выставке, именно Монозон раньше других вспомнил о еврействе.

À. Ì ñññññ.

К этому времени Монозон «уже вполне сформировавшийся художник, со своей ни на кого не похожей манерой. Твердый, смелый пастозный мазок мастихином, колористическая насыщенность»^[4]. Что бы он ни писал, его картины звучат празднично: яркие цвета, причудливые танцующие фигуры. Сотворенный Адам встает с земли, словно приплясывая и готовясь встретить Шабос так, как встретит его далекий потомок. И даже обычные коммунальные драки, даже деревья в пейзажах, даже предметы в натюрмортах танцуют, играют друг с другом, продолжая этот нескончаемый праздник, этот вечный Шабос. Настроение картин Монозона восходит к еврейскому фольклору, они полны контрастов между радостью и скорбью, составляющих суть праздника.

À. Ì ñññññ. Øääññ Äññññ òíáíéáí ò äññá-éá

А. I. Ilyin. N'ò àí àí eá Ááà à

При всей несхожести этих художников их объединяет некое родство. На наших глазах изображение рождается не из стремления запечатлеть внешнее фигуративное сходство, а из священных знаков, из борьбы красок и форм. На холстах нам явлен не сотворенный мир, а мир творящийся, или, точнее, еще «не остывший» от творения...

На июньской выставке в ЦДХ Моносзон, Табенкин и Нисенбаум были представлены каждый почти 20 работами, однако картина еврейского искусства, созданная галереей «Веллум», не ограничивалась мастерами старшего поколения. С ними соседствовал современный израильский художник Михаил Яхилевич, о котором наш журнал писал в связи с выставкой «Три поколения семьи Аксельрод», прошедшей в Музее личных коллекций в Москве.

Э. I. Eyal. Dààèí ñ òááí èíì.

Галерея работает активно: не реже раза в квартал проходят большие выставки в ЦДХ, выпускаются книги и каталоги, ведется покупка и продажа картин. Всё это далеко выходит за рамки чистой коммерции. «Веллум» наполняет парус еврейского искусства историческим смыслом.

Άειδή το άειδάει

Έ. Άαοίίίττα έ ούάίαιέέ Ι. Βόέέιαιέ: Ιά ίοέδύοέέ άίπδάάέ.

^[1] *Άαοί Ι. Έέιγύ Όάάάίέέί: αέέγύέ έπéπύοάί. Έίίάίί; Ι ίπéάά, á á Ν. 17.*

^[2] *Όάι αά Ν. 19*

^[3] *Νέι σίέ Α. Άίçάδαιάέά ί άπδάδ// Έάί Ι έπύάάοί. Άίçάδαιάέά ί άπδάδ Νί á, 2001. Ν. 20*

^[4] *Άαοίίίττα Έ. Ι άπδάçáι δαιάί ί ίά αάί δά// Άάδαι Έπáέίαιέ: Ι ί ίπéίί. Αεάίί έπύ Ι.,*

БЕГИН, ИЛИ ДВА ВЕЧЕРА В ТЕЛЬ-АВИВЕ

Нина Воронель

Мне не приходилось встречаться с Бегиним лично, я лишь однажды посетила его сверхскромную квартирку в блочной пятиэтажке в одном из скромных микрорайонов Иерусалима. Это случилось, когда Бегин, будучи премьер-министром, жил в официальном доме премьер-министров Израиля, а его личную квартиру показывали знатым гостям иерусалимского мэра Тэдди Колека в качестве «десерта» к великолепному званому обеду в ресторане отеля «Кинг Дэвид».

В число знатных гостей я затесалась случайно, спрятавшись от охраны за спинами четы Синявских, гостивших тогда в Иерусалиме по приглашению Тэдди Колека. Я бы ни за что на этот званый обед не пошла, если бы Синявские, не знавшие ни одного иностранного языка, не умолили меня сопровождать их.

Квартирка Бегина ни на что не притязала – крошечная прихожая, у окна гостиной убогий кофейный столик под кружевной салфеткой времен моей бабушки, вдоль стен шаткие полки с бесхитростными безделушками. Зато жилище это честно отражало истинное лицо своего хозяина. Он никогда не рисовался и всегда был равен самому себе. Он выглядел паяцем и произносил свои речи с невыносимым для моего интеллигентского слуха пафосом, но со временем мне пришлось признать, что его влияние на окружающих не соответствует этому, почти карикатурному, облику. Как оказалось, за неприглядным фасадом скрывалась неподдельная сущность, способная преодолеть все препятствия, создаваемые обликом.

Где-то в конце семидесятых мы получили два приглашения – на субботний прием у Ханоха Бартова, тогдашнего председателя Союза писателей Израиля, а назавтра – на свадьбу сына нашей уборщицы Ознат, бывшего шофером автобусного кооператива «Дан».

Спешу напомнить, что главным событием тех лет был драматический государственный переворот, ознаменованный переходом власти из рук Рабочей партии в руки «Ликуда», во главе которого стоял Менахем Бегин.

Переворот этот случился непредвиденно. Никогда не забуду разговор с преданным членом Рабочей партии Нехемией Леваном, руководителем отдела борьбы за выезд советских евреев при канцелярии премьер-министра. Естественно, премьер-министром в те дни был глава Рабочей партии. Где-то за месяц до судьбоносных выборов 1977 года Александр Воронель спросил Нехемию, кто станет во главе его ведомства в случае победы «Ликуда». В ответ Нехемия засмеялся.

– Видно, что вы недавно приехали в страну, Саша, – сказал он, с жалостью глядя на наивного Воронеля. – Рабочая партия не может проиграть, она стоит у власти уже семь каденций. И так будет всегда.

Наивным оказался не Воронель, а Нехемия: Рабочая партия проиграла выборы с грандиозным разрывом – в первый, но не в последний раз.

Итак, в пятницу мы отправились в гости к тем, кто оплакивал этот проигрыш. Дело было в середине июля, и Тель-Авив задыхался во влажной июльской жаре. Однако, несмотря на жару, на просторной террасе писательской квартиры в Рамат-Авиве собрались сливки израильской левой интеллигенции – литераторы, художники, музыканты. Туалеты дам отличались дорогой простотой, хорошо сочетающейся с униформно-непритязательной оправой их очков: два плоских металлических кружочка, перпендикулярно поддержанных тонкими прямыми заушинами без прикрас.

Прихлебывая бледно-зеленый огуречный суп-коктейль из бокалов, напоминающих тюльпаны на длинных стеблях, гости разбились на несколько оживленных групп. И от группы к группе порхало одно и то же крылатое слово – «Бегин»: оно взлетало над головами, перекрывая все другие слова, то в сольном исполнении, то в слаженном дуэте, а то и в многоголосом хоре: «Бегин, Бегин, Бегин!»

Как они его не любили! Эта нелюбовь давала привкус каждой ложке супа, каждому глотку вина. Когда с супом было покончено, подали овальные тарелочки дымчатого стекла с бананами, жареными в сум-суме, и кто-то из гостей – кажется, автор сценария скандального фильма «Хирбет-Хиза» – воскликнул:

– Может, хватит о Бегине? Для чего мы здесь собрались? Чтобы говорить об этом чудовище?

И несколько женских голосов охотно поддакнули:

– И впрямь, разве нет других тем?

– С этой минуты – ни слова о Бегине!

– Ни слова!

– Договорились – ни слова о Бегине!..

Над террасой нависло тягостное молчание. Внизу, во дворе, дети играли в мяч. Совсем близко шуршало море. Кто-то откашлялся, и опять стало тихо. Исполнительница популярных песен пожаловалась, что жарко, и все радостно закивали: да-да, жарко, летом всегда жарко. Это откровение, не слишком оригинальное, полностью исчерпало интерес присутствующих к беседе.

С минуту было слышно только позвякивание ложечек о дымчатое стекло тарелочек, а потом чей-то голос выкрикнул: «Если бы не Бегин!», два других подхватили: «Ах, если бы не Бегин!..» – и вслед за ними хор снова зазвенел восторженно и слаженно: «Бегин, Бегин, Бегин!»

Опять стало хорошо, шумно и весело, вино приобрело прежний терпкий привкус и с моря потянуло долгожданной прохладой.

Назавтра, в субботний вечер, мы посетили тех, кто внес свой вклад в победу «Ликуда». В свадебном зале на пятьсот персон всё выглядело совершенно иначе, чем на вчерашней элегантной приморской террасе – там веселился простой народ, «амха». Шоферы автобусного кооператива «Дан» были настоящими мужчинами – они предпочитали блондинок. Поэтому их жены, облаченные в разноцветные бальные платья из тафты и атласа, вытравили волосы перекисью водорода и униформно превратились в блондинок, ничуть не смущаясь смуглостью кожи и чернотой глаз.

Огромный зал был тесно уставлен столами, накрытыми белыми скатертями, на столах безо всяких ухищрений были сервированы народные закуски – питы, хумус, тхина, маслины. Блондинки и их мужья с аппетитом поедали эту снедь из простых фаянсовых тарелок и запивали кока-колой, «Спрайтом» и «Кинли», которые наливали в незатейливые стаканы из пластиковых бутылок.

Жених был наряжен в белый чесучовый костюм и в белую кипу, невеста – в белое нейлоновое платье и в белый нейлоновый веночек, отороченный белой же вуалью.

Это была истинно народная свадьба. Выйдя в туалет, я никак не могла найти нужный мне зал: в двух соседних залах идентичные пергидрольные блондинки, сидя за идентичными столиками, уставленными хумусом и тхиной, пили «Кинли» за здоровье абсолютно идентичных женихов в белых чесучовых костюмах и их невест в белых нейлоновых платьях и в веночках, отороченных белыми нейлоновыми вуалями.

По завершении свадебной церемонии белый жених взял белую невесту за руку и торжественно повел ее по проходу между столиками. Грянула музыка, и гости, словно сговорившись, дружно ударили в ладоши, поразительно слаженно скандируя одно и то же слово – из-за музыки сразу нельзя было разобрать какое. Но постепенно хор гостей, перекрывая музыку, зазвучал, как языческая молитва.

Διείλιπό δὲ βόεϋ ἐὶ ὁ ἀνὴρ ἐὰν δὲ εὐδὴ ἀ Οἶαὶ ὁ δὴ ἰ ἀνέειϋ Ἰ. Ἀαῖ ἰ ἰ

Нет, они не чествовали новобрачных и не желали им долгих лет, – страстно и самозабвенно хлопая в ладоши, они скандировали: «Бегин, Бегин, Бегин!» И лица их сияли той же благодатью, какая осеняла лица представителей израильской интеллектуальной элиты на вчерашней рабат-авивской террасе над морем. Знак – положительный или отрицательный – был несущественен. Существенна была сила эмоций, возбуждаемых самим произнесением имени этого неприглядного, низкорослого человека, не соответствовавшего никаким эстетическим канонам.

Впрочем, насчет эстетических канонов я, возможно, ошибаюсь. Как-то мы с Сашей направлялись на обед к гостившей в Израиле американской профессорской чете. Увидев Сашу, надевшего по этому торжественному поводу галстук, наш трехлетний внук Игаль восторженно захопал в ладоши и воскликнул:

– Саша, какой ты красивый! Совсем как Бегин!

По молодости лет он считал Бегина красавцем!.. Но, кто знает, возможно, с детской невинностью он смотрел в корень и был прав.

Личность Бегина была так весома, что злые языки утверждают, будто Голда Меир запланированно умерла именно в тот день, когда ему должны были вручать Нобелевскую премию мира. Великая старуха жизни не пожалела, только бы не дать сопернику насладиться торжественной церемонией – ведь ему пришлось покинуть праздничную трибуну и срочно отбыть в Иерусалим на ее похороны.

ИЕОШУА

Èéàí à Àðòè

ÈÁÍΘÓÁ

– Моше! Объяви всем, что после тебя вождем будет Иеошуа, сын Нуна, – лучший твой ученик. Возложи на него руку и передай ему от славы твоей.

Спустя некоторое время Ашем сказал Иеошуа:

– Как был Я с Моше, так буду и с тобой! Встань же с твоим народом и перейди через Иордан в землю, которую Я даю сынам Израиля, как обещал Я Моше. Будь тверд и смел, ибо ты передашь народу во владение землю, о которой Я клялся отцам их! Соблюдай Тору, которую завещал Моше, дабы преуспевал ты везде, куда ни пойдешь!

– Друзья! Готовьтесь в поход! Через три дня выступаем. Перейдем Иордан.

ÐÀÇÁÁÁ×ÈÈÈÈ

«Один разведчик стоит целой армии». Иеошуа послал двоих осмотреть землю и город Иерихон.

В сумерках они незаметно добрались до города, окруженного такими широкими стенами, что в них лепились дома. Посланцы проникли в один из них. Это оказался постоянный двор Рахав.

Она была красива, умна и очень проницательна. Сразу догадалась, кто эти пришельцы.

Всевидающие, бдительные соседи побежали к царю:

– У Рахав чужеземцы! Чернявые, кареглазые, говорят не по-нашему и одеты чудно!

– Взять живьем!

В дверь забарабанили солдаты.

Женщина спрятала гостей на крыше, засыпав их льняными стеблями.

– Именем царя! Выдай шпионов!

Рахав распахнула двери настежь:

– Те, кого вы ищете, пошли вон по той дороге вниз. Вы их догоните!

Направив солдат по ложному следу, хозяйка поднялась к разведчикам.

– Я знаю, что Ашем отдал вам эту землю. Когда вы вышли из Египта, расступилось Красное море. Все видели, как вода разделилась надвое и застывала даже в стакане. Вы победили двух великих царей – Сихона и Ога. Люди трепещут пред вами.

Я спасла вас. Поклянитесь, что вы пощадите меня и оставите в живых мою семью. А теперь ступайте в горы. Через пару дней вас перестанут искать, и вы спуститесь в долину.

Чужестранцы дали Рахав красный шнур и велели во время штурма города привязать его к окошку, которое выходило на внешнюю сторону крепостной стены.

ÈÍ ÑÒÐÓËÓËÈ

Послав разведчиков, Иеошуа сам прокрался к стенам Иерихона.

В темноте наткнулся на человека.

– Ты за нас или против?

– Я – ангел Ашема. Сделай брис-милу своим солдатам! Шесть дней подряд пусть левиты по одному разу пронесут ковчег Завета вокруг стен города и трубят в шофар. Следом за ними пройдет всё ваше войско.

На седьмой день сделайте семь кругов вокруг стен Иерихона. Трубите в шофары, трубы и громко кричите!

ÈÍ ÐÄÄÍ

Но перед Иерихоном протекает Иордан. Как же переправиться?

Стопы священников, несущих ковчег Завета, коснулись речной глади. Воды, текущие сверху, застыли на месте, воды, текущие с другой стороны, сбегали вниз. Обнажилось влажное дно, по которому прошло всё войско.

По приказу Ашема представители двенадцати колен взяли со дна реки по камню с того места, где стоял Ковчег, и уложили их на месте ночлега.

Это было сделано для потомков – чтоб помнили о чуде рассечения вод Иордана.

Левиты с Ковчегом поднялись на берег реки, и воды Иордана, сомкнувшись, потекли как ни в чем не бывало.

В тот день Ашем прославил Иеошуа перед глазами всего Израиля; стали его уважать и слушаться, как Моше.

ÈÁÐÈÕÎ Í ÑÊÀΒ ÒÐÓÁÁ

Шесть дней жители города Иерихона со стен взирали на непонятную процессию.

Наступил решающий день. Семь раз осаждающие с ковчегом Завета обошли крепость. По короткому приказу Иеошуа затрубили шофары и трубы.

КРИК! Невероятной силы крик одновременно издали все осаждающие.

Рухнули стены Иерихона!

Иеошуа предупредил народ:

– Город обречен! Всё, что в нем, – Г-споду! Ничего не брать из заклЯтого, иначе навлечете на нас беду. Кто решится поднять Иерихон из праха, первенцем своим заложит город, а на младшем – поставит ворота!

Обещание, данное хозяйке постоялого двора, которая не выдала разведчиков, выполнено. Вся ее семья спасена. Впоследствии Рахав приняла иудаизм и стала женой Иеошуа.

Ì ÀÐÎÁÁÐ

Битву за город Ай проиграли.

Иеошуа разодрал рубаху, посыпал голову пеплом и пал на лицо свое перед ковчегом Завета.

– Ашем! В чем дело?

– Согрешил Израиль – взял из заклЯтого. Потому и не может устоять перед врагами. И будет уличенный сожжен огнем за то, что нарушил запрет Ашема.

Вычислили: Ахан из колена Иеуды польстился на иерихонский плащ, серебро и слиток золота и закопал их в шатре своем. Его забили камнями.

И снова пошли на город Ай.

Приступом город брать не стали, а сделали вид, что отступают. Айцы за ними погнались и в чистом поле были разбиты.

Прослышав про победы израильтян, народ Гергаши быстренько собрался и ушел из Ханаана в неизвестном направлении.

ÌÁÌÁÌ

Так-таки сразу и бежать? А, может, попробовать повесить лапшу на уши?

Узнав о судьбе иерихонцев и айцев, хивийцы – жители Гевона – пошли на хитрость: напялили на себя ветошь, в котомки положили заплесневелый хлеб и пришли к Иеошуа.

– Откуда путь держите?

– Ой! Издалека. Хотим с тобой заключить союз.

– Хорошо, давайте заключим мирный договор.

Через три дня выяснилось, что пришельцы были не издалека, а местные. Обманщики!

Призвал Иеошуа гевонцев к ответу:

– Почему сказали неправду?

– Мы испугались за наши жизни. Делай с нами, что хочешь.

– Будете дровосеками и водоносами для общины и для храма Ашема.

ÎÑÒÀÍ ÎÂÈÑÛ, ÑÎËÍ ÕÁ!

За всё надо платить.

– Отступники! Вы заключили союз с Иеошуа? Теперь держитесь!

Пять эморейских царей напали на Гевон, и хивийцы послали гонца к Иеошуа:

– СОС! Спасите! Сами мы не устоим!

Иеошуа поспешил на выручку. Ночью внезапно напал на войско пяти царей и преследовал их.

Каменный град с неба умертвил больше эморейцев, чем уложили израильтяне мечами.

Бой не кончался, а день близился к вечеру.

– СОЛНЦЕ, СТОЙ НЕДВИЖНО У ГЕВОНА, А ЛУНА НАД ШИРЬЮ АЯЛОНА!

И оба светила послушались Иеошуа – замерли, пока мстил народ врагам своим.

Пять царей позорно бежали и спрятались в пещере.

Велено было завалить вход камнями, приставить сторожей, а обезглавленное войско догнать и разбить.

Много было еще битв и славных побед.

Наконец земля успокоилась от войны.

По жребию каждое колено получило свой надел. А воинов из колен Реувена, Гада и Менаше Иеошуа отпустил назад – за Иордан, где еще Моше выделил им наделы.

Для Шатра собраний и Ковчега выбрали город Шило.

Иеошуа просил народ помнить единого Б-га и не поклоняться идолам.

– Если вы оставите Г-спода и будете служить божествам чужим, Он опять наведет на вас зло и истребит вас, после того как благоволил к вам. Отвергните божества чужие, что среди вас, и приклоните сердце ваше к Г-споду!

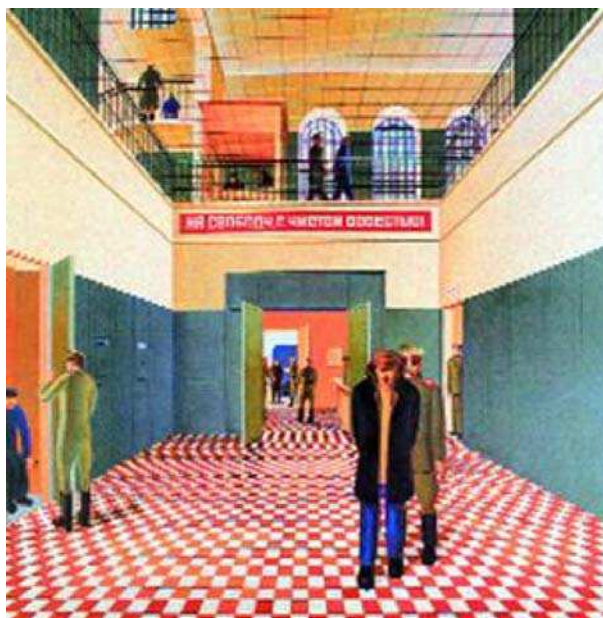
С этими словами отпустил Иешуа народ, каждого к своему наделу.

Сто десять лет прожил верный ученик и последователь Моше.

«ЖЕРТВА» РЕЖИМА

Марьян Беленький

Перебирая свои архивы, я наткнулся на подпольную газету польской «Солидарности» 1983 года. Текст дается в переводе с польского.

Они сказали: не будешь на нас работать – посадим.

И я не знал, что делать, а те мне сказали: да пошли ты их – это единственный способ от них отделаться и они тебя трогать не будут. Ну, я не знал, что делать, и послал их, а те сказали: что же ты наделал, они теперь тебя, конечно, не посадят – они тебя просто убьют, иди немедленно проси у них прощения, в ногах валяйся. Ну, я не знал, что делать, и пошел просить, а они говорят: прощение нужно заслужить. А те говорят: что же ты наделал, теперь они будут знать, что ты их боишься, и будут из тебя веревки вить, ты должен пойти к ним и сказать категорическое «нет» и послать их открытым текстом, тогда они от тебя отстанут. Ну, я не знал, что делать, пошел и сказал им категорическое «нет» – пока, но буду стараться, и принес им телефон первого из телефонной книги – Аарона Ааронсона, – если он не виноват, то его же отпустят, правда? Они же поймут, что я просто пошутил, что я просто взял первого наугад в телефонной книге, и от меня отстанут. А его посадили. Значит, было за что. Совпадение такое. Они же там не идиоты. Всё равно они бы о нем узнали – не от меня, так от кого-нибудь другого. И я переписал им всю свою записную книжку – там разберутся, и тех, кто там был записан, тоже арестовали, – они же зря не будут арестовывать, правда? Многие из них погибли в лагере – они же всё равно умерли бы рано или поздно, при чем здесь я? Конечно, неудобно перед ребятами получилось, – но что я мог сделать? Я старался говорить только то, что они и так знают, они же всё равно всё узнают – не от меня, так от другого... И они дали мне тридцать рублей, а я сказал, что мне денег не надо, они сказали: ты только распишись – и добавили: выявлять врагов – твой патриотический долг, а если ты настоящий патриот – вот тебе пистолет, и ты должен осуществить это, потому что он – предатель и шпион, а иначе – тебя на его место. И сказали мне, где нажать. И я не знал, что делать, и нажал, выхода не было, хотя руки сильно дрожали сначала и блевал, – а потом уже привык и руками душил, а они стояли рядом и смеялись... Я-то здесь при чем? Как я тогда мучился – а меня хоть кто-нибудь пожалел? Первое время они водку давали, а потом уже привык, стал свою брать. После этого каждый раз жутко голова болела. А что я мог сделать – не я, так другой, это же всё ради детей, только ради детей, которые когда-нибудь у меня будут. Это сейчас вы все такие умные и смелые, а попробовали бы тогда, когда нас душили в темных подвалах, они же могли со мной всё что угодно сделать, я же был слепым орудием в их руках. Обвинять меня – это всё равно что обвинять пистолет: если бы я отказался, меня бы просто задушили, растоптали, и никто никогда бы не узнал, кому нужен этот идиотский «героизм», – всё равно они нашли бы другого. А потом времена изменились. Многие до сих пор со мной не

разговаривают, и руки не подают, а я, может, больше всех пострадал... Прошу назначить мне персональную пенсию как ветерану борьбы с тиранией.

ШАХАР ПЕЕР, КОТОРАЯ НИКОГО НЕ БОИТСЯ

Марк Зайчик

Шахар Пеер, на сегодняшний день лучшая теннисистка Израиля, родилась 19 лет назад в Иерусалиме.

Позже ее родители переехали в поселение Реут-Модиин, находящееся в 15 км от столицы. Мама Шахар, учительница физкультуры, рассказывает, что девочка росла очень подвижной, гибкой, сильной. Энергия ребенка доставляла много хлопот в доме: ломались игрушки, падали вазы и кастрюли, девочка передвигалась по дому со скоростью, которую взрослым трудно было контролировать. Отец Шахар, инженер компьютерной техники, научил четырехлетнюю девочку представляться таким образом:

– Здравствуйте, меня зовут Шахар Пеер, но папа называет меня Ясером Арафатом и просит, чтобы вы называли меня так же.

Теннисом Шахар начала заниматься в шесть лет. Тренеры сразу обратили внимание на девочку, которая выделялась во всех аспектах игры. Один из наставников, репатриант из России, предсказывал Шахар большое будущее, другие относились к ее перспективам более сдержанно, но все отмечали дарование, трудолюбие и отличные физические данные девочки.

В 14 лет Шахар выигрывает звание чемпионки Израиля среди взрослых, став самой молодой победительницей национального первенства.

А два года назад Пеер стала профессиональной теннисисткой, прогрессируя от турнира к турниру. Она обошла в мировом рейтинге Анну Смышнову, которая репатрировалась в Израиль в 1990 году из Минска в 15-летнем возрасте и за прошедшие годы сделала достойную карьеру.

В октябре прошлого года Шахар была призвана на два года в армию, однако призвана в статусе «отличный спортсмен», который дает ей возможность тренировок, поездок за границу и предоставляет разнообразные льготы. Тем не менее это всё-таки армия... Она проходит службу в одном из мобилизационных пунктов Тель-Авива, в частности, месячный курс молодого бойца девушка прошла без проблем.

– Лучше всего я стреляла, мне это очень нравится, – рассказала Шахар на одной из пресс-конференций за границей, – меня даже хотели послать на снайперские курсы, но это, к сожалению, не совпало с моей спортивной карьерой.

Нынешней весной Шахар Пеер совершила качественный скачок вверх. Сначала (в мае) она выиграла турнир в Праге, а через две недели, в финале престижного турнира в Стамбуле, обыграла россиянку Анастасию Мыскину.

После этого в Париже, на открытом чемпионате Франции по теннису, она дошла до одной восьмой финала, обыграв другую сильную российскую спортсменку Елену Дементьеву. Следующей ее соперницей стала швейцарка Мартина Хингис, представлять которую нет смысла, – она одна из сильнейших теннисисток мира.

– Я никого не боюсь и всегда играю на победу, с любой соперницей, – признается Шахар. – Я стараюсь играть в свой теннис, к которому приучена, с выходами к сетке, с обводящими ударами, с сильной подачей.

Шахар играет на редкость точно и мощно, очень быстро передвигаясь по корту. Ее обводящие кистевые удары вызывают удивление у специалистов и знатоков тенниса.

Успехи Шахар, конечно, не ускользнули от внимания любителей спорта в Израиле. В Париже за ней наблюдали не только болельщики с трибун: первый канал израильского ТВ в прайм-тайм транслировал ее матч с Мартиной Хингис – случай неслыханный в истории местного телевидения.

Шахар Пеер играла бесстрашно и ответственно, была очень уверена. Она догнала сильную соперницу и сравняла счет. Инициатива была явно на стороне израильтянки. Матч был прерван из-за наступления темноты.

На другой день встреча Пеер – Хингис доигрывалась. На этот раз Хингис сумела взять верх над упрямой и настойчивой израильтянкой. А после матча обычно сдержанная Хингис удивленно заявила, что «у этой смелой девушки большое будущее».

Заметим, большинство успехов Пеер достигнуто на грунтовом покрытии, которое считается медленным.

– Теперь я должна доказать свой уровень и на травяных кортах, – говорит Шахар.

Ныне она занимает 23-ю строчку в мировом женском теннисе – значительное достижение для 19-летней девушки, еще только начинающей свой путь в мировом теннисе.

– Жалеете ли вы о чем-либо, от чего должны были отказаться из-за карьеры в профессиональном спорте? – спросил у девушки журналист.

– Нет, ни о чем, – сказала Шахар. – Правда, мне запретили есть шоколадный йогурт – вот об этом я очень жалею.

Напомним, эта девушка родилась 1 мая 1987 года. У нее всё впереди, и в Израиле в это верят очень многие.

САЛАТ «НЕСУАЗ»

Марк Ефимов

В летнюю жару шеф-повар московского ресторана «Йона» при МЕОЦе Петр Слабодник предлагает подкреплять силы салатом «Несуаз». Впервые в ресторанное меню салат был включен в 1972 году, автор идеи – Цвика Коэн, шеф-повар, работавший в гостиницах «Тель-Авив» и «Сан». Салат подается в молочных, мясных и рыбных ресторанах Израиля.

Аа еи иііаі оу одааеөеіііу аеу піааеçаі ііі іоіеі еоіі е:

еепоуу піааоа - 150 а еөөооçіуа çаdіа - 50 а піааеа іаdоу - 100 а піаіа іаdоу - 50 а ііі еаіоу «-аdде» (еөө іау-іуа) - 100 а оіаа - 100 а аdаіуе, іаdаçаііуе еөаеаі е (еае аеу «іеаіа») еаdоіоаеу - 50 а пoдo:еө çаеаі іе оаmеө - 50 а dааеñ - 4 оо.

Еөөооçіуа çаdіа е оіаа іdеаі еаі у а аеаі еііпіаdаа пoдo:еө оаmеө - а аеаі піааеçаі іdіаеаі іаа іdіаеdа (аіпoаoі:іі іааоу ееіуdеіі). Оeдaтeоу аеpаі і іаеіі dааeмі, «-аdде», dаdаçаііуі еdоуі уеoіі. Еçуoіаа еіеө-аіоаа ііеө:еoіуу :аоуdа ііdөеө піааоа

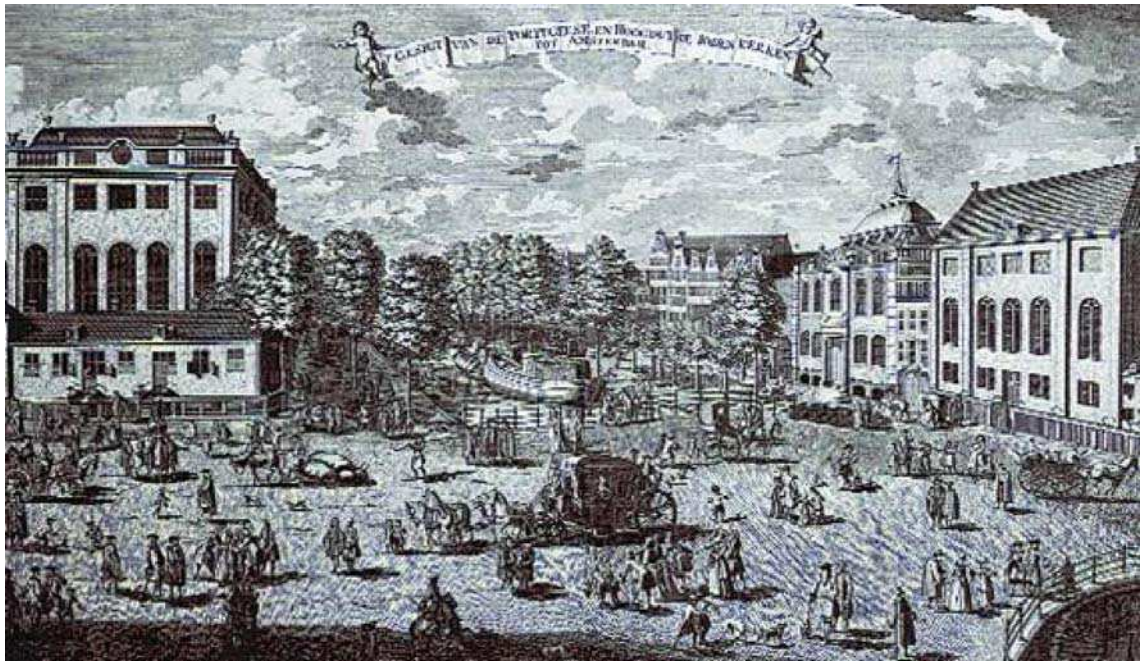
Е піааоо ііааро міаі еçаі оіаеаі іуе еç іdі оаdоуо піеа і аеііаçа, міеө е піааdа. Аеу аа ііеө:аі еу аіпoаoі:іі м аоаdоу оеаі аеааіе міаі іі аеііаçаі а іdі ііdөеө 1:2. Оаеаа і іаеіі ііааоу міаі «Уеаоаеі». Аа піоааеур uеа

і аеііаç - 50 а еаd:оі - 50 а аепoеөеdіааі іау аіаа - 50 а піааd - 1 :аеіау еіаеа, оeдіі - 20 ае, іі аеааіеp, 1 аіеуеа іdі оаdоіаа еөө і аеііаdаçаі ііаа - аіі іеа

ИЕРУСАЛИМ ЗАПАДА

Ī aēnēi Aānēēai ēi

*Ā Aānīā ōdāiī īaēōē ādā, ētōtōtē īa ātē āi īōi ā-ai īā-āōiīp āāāēēēē ēnōtōēē:
 Nōādūē Nāō īaēāiīqī īdīēōai nōdāōai ē, nēāai ē, ītōiī ē ēdāiīp yōtā īaōāā Aī nōāōai īā
 ōīēūēī īā yāēyāōiīy ēēēp-aiēai, īī ī īaēō nēōēōū īāīīē ēē īai iō ydēēō ēēēp nōdāōēē īīāīāīā
 ōōāāēēāīēy. Šā nāiīp āīēāā -ai nāī ēmōēōāōīīp ēnōtōēp yōtō ādā īā āāēīīāēū nōāīīāēēiīy
 īdēāāēēēīāī āēy āāāēēēō īāāīīēai ōāā ētōtōtā nōāēēēēiīīp āā ēē Aī āēē, Ōdāī ōēē, Ī tōō āāēēē ē
 Īīēūōē, nāāēēēiī īō ēmāīīēēē ēīēāēēōēē, ēōāēiīīīēēō ōāēēnōīā ē īāī āōēēō īāōēīīāē-
 nōēāēēēnōīā E ēāēāūē ōāē ādā āāāē yōēī ēpāyī āīqī īāēīīnōū īā-ēīāōū āēēiīy šāīīāī -
 īāēāīīāēōūīy ōīēyēnōāī, īōēdūāōū ī ānōāāīēēā, dāīnōēōū āāōāē, nōdēōū nēīāāīā ē īīēēōūīy
 nāīāī ōĀ-āī*

Гравюра Адольфа ван дер Лаана.

1752 год.

Иерусалимом Запада столицу Нидерландского королевства прозвали еще в XVII веке – уже к тому времени еврейская община Амстердама считалась самой многочисленной в Европе. Этот почетный титул город удерживал почти три столетия – вплоть до 1940-х годов, когда оккупация Голландии нацистскими войсками коренным образом изменила ситуацию. Всего за два года еврейский квартал Амстердама вымер – в буквальном смысле слова: из девяноста тысяч вторую мировую войну пережило не более шести тысяч человек. Германия «закручивала гайки» постепенно: сначала всех евреев поместили нашивками с желтой звездой Давида, потом ввели для них комендантский час, лишили свободы передвижения, затем в районе нынешней площади Ватерлоо устроили гетто, которое огородили колючей проволокой. И, наконец, зимой 1941 года начались массовые депортации: евреев тысячами отправляли в пересыльный лагерь Вестерборк, откуда было лишь два пути, и оба вели в концентрационный лагерь: либо в Берген-Бельзен, либо в Освенцим.

В отличие от остальной Европы – чинной, чопорной, скованной разного рода условностями и загнанной в тесные рамки чужих представлений, – Амстердам всегда был и по сей день остается городом с весьма свободными нравами. Городом, где знаменитые на весь мир кварталы «красных фонарей» мирно соседствуют с клубами для людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, а продажа марихуаны или гашиша разрешена законом. Городом, где туристам предлагают экскурсии по местам недавних громких заказных убийств и где королевский дворец сначала был зданием муниципалитета, а теперь превратился в

филиал музея восковых фигур. Если, прогуливаясь по улицам Амстердама, вы вдруг увидите человека, который поет в полный голос и размахивает руками, не смущайтесь, это не пациент местной психиатрической лечебницы, – просто он не подозревает, что его поведение люди могут счесть необычным. Для него подобное выражение эмоций в свободном от комплексов городе – совершенно нормально.

Yi ai ojeüü äi Äeò òá

Èí òááüü Ì íòò ääüüééé ñéí ääé ä Äi ñòáüü ä

Í é. 1680 ää

Впервые оказавшись в исторической части Амстердама, увидев во время прогулки по старинным каналам странные, накренившиеся в разные стороны отдельные дома и целые улицы, приходится недоумевать: как же люди могли жить в таких кривых, узких, будто пьяных строениях? Но всё объясняется просто, стоит лишь обратиться к истории: строители Амстердама с боем отвоевывали у воды каждый квадратный метр пространства, и все дома в городе стоят на сваях, уходящих на много метров в зыбкую илистую почву дельты реки Амстел. Понятно, что при таком дефиците и, следовательно, при такой стоимости земли здесь нет и не может быть широких улиц и просторных особняков. К тому же в старину от ширины фасада здания в Амстердаме напрямую зависел налог на недвижимость, поэтому дома стали строить «вглубь», а зачастую еще и «наискосок» – если крайний в ряду дом стоял на набережной в форме угла. Сегодня по ширине фасада можно определить, насколько бедная или богатая семья жила в этом доме, – в начале канала Сингел, например, можно полюбоваться на самый узкий в мире дом, шириной всего в один метр.

Когда в конце XIII века рыбаки из окрестных деревушек решили соорудить дамбу на Амстеле – как раз там, где он пересекается с рекой Эй, – оказалось, что место это как нельзя более подходит для поселения: в тихую глубокую бухту легко входили не только рыбацкие лодки, но и большие торговые суда. Сегодня на месте старой плотины шумит главная площадь голландской столицы – Дам, что в переводе и означает «дамба», – здесь же высится Королевский дворец. Это самое ядро города, сердце его истории.

С течением времени рыбацкое поселение, возникшее на обоих берегах Амстела и названное Амстелледамме, превратилось в небольшой городок. Его жилые кварталы выросли прямо на реке; западный берег стали называть Новой стороной, восточный – Старой. Зажиточные люди селились на двух улицах, идущих вдоль основных дамб, – Ньивендейк и Вармустрат, а тем, у кого денег было поменьше, приходилось обосновываться ближе к Эй, вокруг другой дамбы. Позднее горожане возвели первые деревянные укрепления и выкопали защитные рвы – на их месте сейчас проходят улицы Ньивезейдс-Фоурбургвал и Аудезейдс-Фоурбургвал.

Бѣта ааі Пасіаа. Аааааааааааааааааа

1660 аа

В начале XV века были прорыты каналы Гелдерсекаде и Кловенирбургвал и обводной ров Сингел, которые обозначили соответственно восточную, западную и южную границы города. Позже вдоль них начали строить первую каменную городскую стену со сторожевыми башнями и воротами. От крепостной стены Амстердама сегодня мало что осталось: Башня плача (некогда с нее вслед кораблям махали платками жены моряков), Весовая башня (она же – бывшие городские ворота Св. Антония), башня Монтелбанс, а также Монетная башня, к которой сейчас примыкает амстердамский цветочный рынок, где можно приобрести живые цветы, семена и, конечно же, луковицы знаменитых голландских тюльпанов.

В последние десятилетия XVI века, когда после заключения Утрехтской унии в Соединенных провинциях Низких земель была фактически объявлена свобода вероисповедания, в страну хлынули религиозные беженцы всех мастей. Основную их часть составляли еврей-сефарды из Испании и Португалии, бежавшие от преследований католической церкви. Среди тех, кто приехал в это время, много было так называемых марранов – евреев, которые под давлением инквизиции вынуждены были принять христианство, чтобы сохранить жизнь себе и своим близким. Марранов справедливо считали «католиками без веры, евреями без знаний»: они не знали иврита, не делали обрезания, не могли читать Тору, но бережно сохраняли иудаизм как свою тайную религию. Сотнями они снимались с насиженных мест и отправлялись в Голландию в надежде вернуться к вере своих предков. В 1585 году Амстердам принял также огромное количество евреев из Антверпена, бежавших от испанцев, которые заняли этот город и сурово истребляли иноверцев. Полвека спустя сюда же стали стекаться еврей-ашкеназы, спасавшиеся от погромов в Германии и Польше. Амстердам стал центром духовной жизни марранской диаспоры. В школе «Талмуд Тора» изучали грамматику иврита, поэзию на иврите, а в старших классах иврит становился разговорным языком. Выпускники этой школы стали раввинами во многих сефардских общинах Голландии, а некоторые из них – писателями и поэтами, писавшими на иврите. Кстати, большая часть сефардской религиозной литературы на испанском и португальском языках была написана и впервые издана именно в Амстердаме. Однако свобода вероисповедания – не единственная причина столь массового переселения народов. Была и вторая: Амстердам к этому времени стал одним из самых крупных морских портов Западной Европы, и жить здесь было выгодно.

Ἀείθερίυε θῦνίε ἰὰ Ἀὰὸἀδῆϊί'εαεί.

Население голландской столицы за двадцать-тридцать лет увеличилось почти в пять раз. Вновь прибывшим необходимо было жизненное пространство, и к востоку от площади Ньивмаркт, там, где сейчас проходят каналы Рехт-Боумслоут, Кром-Боумслоут и улица Синт-Антонисбрестрат, насыпали новые искусственные острова. Земли здесь были очень дешевы, и их быстро заселили еврейские беженцы из Центральной и Западной Европы; так возник еврейский квартал Амстердама – Йоденбюрг. Здесь, кстати, за сторожевой башней Монтелбанс, на Йонкерстрат, находится дом раввина Ури Халеви, где в 1604 году проходили первые в городе чтения Торы и импровизированные Б-гослужения марранов. Отсюда началось возвращение португальских и испанских евреев к легальному иудаизму.

Определить точные границы района, где селились евреи, сегодня непросто. С течением времени торговый и религиозный центр жизни еврейских общин переместился в район между Биннен-Амстел и каналами Званенбургвал и Ньиве-Херенграхт. Еврейским кварталом стали называть район вокруг Йоденбрестрат, современных Ватерлооплейн и Мейстер-Виссерплейн. Именно здесь были сооружены главные столичные синагоги – после того как в 1620 году наконец разрешили их строительство. Поначалу городской совет опасался, что сефарды – испанские шпионы, поэтому за ними тщательно следили, а моленные собрания часто принимали за шпионские явки. В еврейском квартале шла самая оживленная торговля и царил совершенно особая, очень колоритная атмосфера, от которой сегодня не осталось и следа, как, собственно, от самого еврейского квартала и множества памятников еврейской истории голландской столицы. Рядом с процветающими мастерскими по огранке алмазов – в существующие цеха евреев не принимали, а вот гильдии алмазных гранильщиков в Амстердаме не оказалось, – гнили самые большие в городе свалки, бедные лавчонки соседствовали с домами богатейших пайщиков Ост-Индской компании, а уж живописных персонажей тут было больше, чем в любом другом районе Амстердама. Ведь не случайно великий Рембрандт, живший по соседству, именно здесь находил натурщиков для своих библейских персонажей.

Еврейским беженцам понадобилось примерно два столетия, чтобы обжиться на новом месте. Уже в XIX веке жизнь в Йоденбюрге стала вполне благополучной. Среди обитателей еврейского квартала – банкиров, биржевых маклеров, фармацевтов, торговцев, адвокатов – появилось много состоятельных людей, а сказочно разбогатевшие на «алмазной лихорадке» владельцы бриллиантовых фабрик начали строить виллы в соседнем богатом районе Плантаж.

Î Îîîî áíò æáððáàî Ôîéîéîîòà, îîîáóèî à î'áðèîá îééóí'áòèè à 1940-1945 ðááð.

От Центрального вокзала, где рано или поздно оказывается каждый турист, приехавший в Амстердам, до территории бывшего еврейского квартала можно добраться несколькими путями. Один из них пролегает по улице Даврак, начинающейся сразу у здания вокзала, – мимо набитых туристами баров с несоразмерно высокими ценами и невкусной едой, кафе, фаст-фудов и казино, расположившихся здесь, чтобы иметь возможность сразу же отнять деньги у гостей города, мимо Биржи Берлагги – помпезного здания из красного кирпича с башней и часами, образца амстердамской архитектуры конца XIX – начала XX века.

На площади Дам, между Королевским дворцом и Музеем мадам Тюссо, надо решить, как идти дальше. Свернуть ли от Монумента жертвам второй мировой войны налево или продолжить движение прямо, по торговой улице Рокин, которая выведет к Монетной площади и цветочному рынку, а затем к площади Рембрандта. Дальше будет знаменитый Голубой мост, перекинутый через Амстел. Перейдя его, вы окажетесь на Ватерлооплейн – уже в границах еврейского квартала, там, где перед тяжелой модернистской громадой здания муниципалитета, странно совмещенного с городским Оперным театром, расположился самый известный сегодня блошинный рынок Амстердама.

В конце XVI столетия здесь появился искусственный остров Флойенбург – несмотря на частые разливы Амстела, его быстро заселили еврейские беженцы. По свидетельству современников, жили тут скученно и в ужасных условиях: нечистоты текли по улицам рекой, дома, наспех построенные на зыбкой почве, кренились набок. В конце XIX столетия некоторые каналы из гигиенических соображений засыпали, и на их месте образовалась площадь, по своим пропорциям больше похожая на широкую улицу, куда переместились торговцы со всей округи. Торговали тем же, чем и сейчас, – старьем, сувенирами, восточными безделушками, сладостями, дешевой одеждой и обувью.

Áîî -î óçé Ðàí àðàí äòà ààí Ðàéíà

Другой вариант пути сюда – на Даме свернуть налево и, обогнув Монумент, двинуться по Дамстрат. После каждого моста название улиц здесь меняется, но направление всё время остается прежним. Тут можно насладиться видом классических амстердамских домиков с их причудливыми крышами, которые были необходимы как ориентиры до возникновения нумераций домов. По дороге можно заглянуть в кафе-шопы, рюмочные и забавные магазинчики, предназначенные в основном для туристов – они здесь на каждом шагу. Выбрав этот путь, можно рассмотреть здание когда-то знаменитой Ост-Индской компании, где теперь расположен один из факультетов университета. Уперевшись в Синт-Антонисбрестрат, можно повернуть направо и выйти к так называемому «дому Пинто», одного из самых богатых евреев в амстердамской истории. Теперь здесь находится библиотека, а напротив дома красуется странная арка с двумя черепами – вход на территорию Южной церкви.

Если же от вокзала сразу свернуть налево, к церкви Св. Николая, то за ней начинаются еще два маршрута, один из которых пролегает по самой старой и живописной части города – кварталу «красных фонарей», а второй ведет через Китайский квартал и далее через площадь Ньивмаркт со зданием первого налогового управления, где для каждой гильдии был отдельный вход.

В Йоденбюрт находятся несколько главных приманок для туристов – в первую очередь это дом-музей величайшего голландского художника Рембрандта ван Рейна. Он стоит прямо на главной улице еврейского квартала – Йоденбрестрат. Рембрандт купил это здание в 1639 году, после того как главный архитектор той эпохи, автор амстердамской мэрии Якоб ван Кампен, переделал фасад по новейшей итальянской моде и украсил его первым в столице фронтоном. Художник прожил здесь почти двадцать лет. За это время он написал множество прекрасных работ, прославился, обзавелся учениками, собрал уникальную коллекцию заморских редкостей и мебели, лишился жены и сына, растратил довольно крупное состояние, потерял основных своих заказчиков, наделал безумных долгов и в конце концов пустил всё свое имущество – и дом в том числе – с молотка.

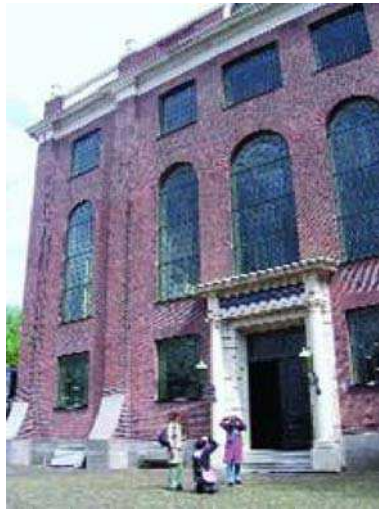

Ἐπί ὁδοῦ ὁρίσται αἱ ὁὰ ἀὐτὰρ αἶθ' ἀσπιδόεσσα ἀσπιδόεσσα ἴσται

К сожалению, сам музей, который долго был закрыт на реставрацию и открылся лишь в этом году к празднованию четырехсотлетия со дня рождения художника, разочаровал горожан. Несмотря на потраченные средства, интерьеры получились какими-то неживыми, постановочными. Ситуацию не спасает даже пристроенный новый корпус. Зато в экспозицию включена великолепная коллекция рембрандтовских офортов. За свою жизнь художник создал три десятка портретов, посвященных еврейству, – это пятая часть всего его портретного наследия. Герои его работ не были плодом фантазии: это портреты обычных жителей Йоденбурта, его соседей, случайных знакомых и просто встреченных на улице людей...

На рубеже XIX – XX веков религиозная жизнь амстердамской общины была очень насыщенной. Только ашкеназам принадлежали восемь синагог и двадцать пять молитвенных домов. Существовали еврейские библиотеки и типографии, многочисленные благотворительные учреждения – больницы, аптеки, дома престарелых и приюты, а также школы и детские сады. Сегодня от них мало что осталось – только память и контур фундамента на одной из улиц... На этом месте стоял еврейский детский сад. Когда нацисты пришли сюда, чтобы забрать детей для отправки в концентрационный лагерь, трое воспитателей-голландцев не смогли расстаться со своими питомцами. Они сгорели вместе с ними в печах Маутхаузена. Наверное, на этом месте можно было бы поставить огромный кусок камня или даже групповую скульптуру, но тогда это был бы просто еще один памятник жертвам нацизма. Сейчас же, когда смотришь на очертания дома, где когда-то бурлила жизнь и слышался детский смех, на глаза наворачиваются слезы.

В том месте, где Ватерлооплейн перетекает в площадь Мейстер-Виссерплейн, высится церковь Моисея и Аарона – единственная христианская церковь в округе. Она была сооружена в 1841 году на месте тайной католической часовни, а название получила от двух каменных рельефов с изображениями Моисея и Аарона, украшавших фасад жилого дома, где проходили тайные молебны. Во время строительства этого здания с двумя колокольнями и массивными ионическими колоннами в числе других построек был снесен и дом философа Баруха Спинозы, который вырос в еврейском квартале и в здешней школе выучился на раввина.

Ἰ ἰ ὁ ὠἰἰἰἰἰἰἰἰ ἡ ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ

Сама площадь Мейстер-Виссерплейн, названная в честь крупного юриста и героя еврейского Сопrotивления мейстера Виссера, – более чем странное место. В центре ее зияет огромный провал – заброшенный транспортный туннель, поросший травой и сплошь разрисованный граффити. Когда-то здесь начинали строить широченную автостраду, которая должна была соединить район Оуст с Центральным вокзалом, однако строительство заглохло. Тем не менее на Мейстер-Виссерплейн находятся сразу две академии – Академия архитектуры, расположенная в комплексе зданий XVII–XVIII веков, и недавно сооруженная Нидерландская академия кино и телевидения. Ее медно-зеленый стеклянный фасад, пожалуй, единственная архитектурная удача в Амстердаме за последние годы.

Ἐ ἰ ὁ ὠἰἰἰἰἰἰἰ ἡ ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ

Но главная достопримечательность площади – это действующая Португальская синагога, которая до сих пор принадлежит общине евреев-сефардов и располагается в центре квартала, обнесенного высокой каменной стеной. Огромное здание синагоги было возведено в 1671–1675 годах по проекту Элиаса

Баумана и за прошедшие три века мало изменилось: освещается оно по-прежнему свечами, поскольку электричество так и не было проведено, и даже скамьям тут по триста пятьдесят лет. Архитектор любил повторять, что в своем проекте он следовал ветхозаветным описаниям храма царя Соломона; так это или нет, но ему удалось возвести одну из самых красивых синагог в мире. Правда, здесь нет особых архитектурных чудес. Интерьер, как и полагается, прост и лаконичен, но поражает высота потолков, мощь деревянных перекрытий, гармоничные пропорции циркульных окон... Главный эффект этого места – полная потеря ориентации во времени: тут можно без всяких усилий почувствовать себя человеком XVII, XVIII или любого другого столетия на выбор.

Юго-западная стена храма выходит на треугольную Йонас-Даниел-Мейерплейн. Здесь можно увидеть выразительную бронзовую скульптуру Мари Андриссен под названием «Докер», установленную в память о февральской стачке 1941 года, когда в ответ на убийство голландского фашиста были арестованы и отправлены в концлагерь четыреста пятьдесят два еврея. Эта акция немецких властей была очень бурно встречена обществом: против преследований евреев публично выступили представители как католической, так и протестантской церквей, а 25–26 февраля работники почти всех предприятий Амстердама провели забастовки. Об истории этого выступления и множестве других событий из жизни амстердамской диаспоры можно узнать в расположенном через дорогу Музее еврейской истории – он занимает целый комплекс из четырех синагог, построенных общиной ашкеназов в конце XVII – начале XVIII века. Его экспозиция, главный сюжет которой – бурная и трагическая история амстердамских евреев, немало способствовавших росту городского благосостояния, – очень изобретательно размещена во всех четырех зданиях, соединенных между собой стеклянными переходами. А еще здесь работает отдельный, очень симпатичный детский музей и кошерное кафе.

Î àðe Áíàðàííí. «Áíéáð».

В годы второй мировой войны голландцы создали Национальную организацию помощи скрывающимся. Рискуя собственной жизнью, ее члены укрывали евреев. За время войны они сумели спасти около десяти тысяч человек, в том числе три с половиной тысячи еврейских детей. Среди скрывавшихся была и Анна Франк, четырнадцатилетняя дочь беженцев из Германии, чей дневник, опубликованный после войны, получил всемирную известность: наряду с дневником подростка из Гааги Моше Флинкера, написанным на иврите, он стал символом трагической судьбы нидерландского еврейства. В 1957 году фонд имени Анны Франк открыл мемориальный музей в том самом доме, где ее семья в течение двух лет скрывалась от немцев. Жилым комнатам, разоренным во время обыска, вернули их прежний вид, а в других помещениях посетителям показывают биографический фильм об Анне, а также материалы о Холокосте, фашизме и антисемитизме в Европе. Обычно в этот печальный и очень популярный музей стоят огромные очереди.

Ὀάτια Ἰ ἀγῆ ἀσάβησῆε εἰς Ἰδέε.

«О, тихий Амстердам!..» – писал Константин Бальмонт сто лет назад. Сегодня для празднующей публики Амстердам может быть каким угодно, но только не тихим. Певучий перезвон колоколов – пожалуйста. Мосты, каналы и синие воды – сколько угодно! Но тишина и спокойствие – этого вы здесь не найдете... Впрочем, нынешняя публика отправляется сюда вовсе не для томных размышлений о смысле жизни. В понятиях современного искателя приключений этот город можем быть «обалденным», «кайфовым», «отрывным»; в крайнем случае – свободным, милым, веселым, но никто сегодня не согласится с наблюдением поэта. Жизнь в Амстердаме течет и меняется вне зависимости от времени суток, дней недели, сезонных перепадов температур и количества пива, принятого в ходе беспрецедентного забега по историческим и памятным местам этого города. Здесь как нигде чувствуется, что источник наслаждения находится не в музеях или ресторанах, а исключительно в тебе самом.

Ἰ αἰ Ἰδέεσῆε ἡ εἰς Ἰδέε Αἰ Ἰ Ὀάτια

В голландском языке есть слово gezellig – в дословном переводе оно означает «медленный». Но есть и более широкое значение: gezellig – это когда атмосфера места или события способствует хорошему настроению. Двухчасовой ужин с друзьями в приятном ресторане будет вполне gezellig, а вот поедание биг-мака в машине – нет. Голландцы просто обожают gezellig-места и gezellig-вещи. В отличие от многих других народов, они стараются наслаждаться жизнью и не испытывают чувства вины по этому поводу. Добавьте ко всему этому исторические и современные достопримечательности Амстердама, и тогда вам сразу станет понятно, почему всем так нравится этот город, где даже национальный дух символизируют не кремлевские звезды, ушастые зайцы или матрешки, а подсолнухи Ван-Гога. Согласитесь, совсем неплохо для первого знакомства!..

С. Аѡѡѡ ѡ Ѣ. Ы ѡѡѡѡѡ.

Говорят, первую поисковую программу Сергей Брин создал в 1994 году – она выискивала новые картинки на сайте «Плейбой». А в начале 1996 года Брин и Пейдж зарегистрировали принципиально новый алгоритм ранжирования PageRank, на основе которого через несколько месяцев был создан знаменитый поисковик Google, получивший свое название от «гугл» – числа с сотней нулей. Первоначально он размещался на сервере Станфордского университета и использовался исключительно студентами, однако постепенно его популярность росла. К концу 1998 года им пользовалось уже около 10 тыс. человек в день, что занимало половину всего отпущенного университету трафика, к тому же поисковый робот без стеснения заходил на страницы с ограниченным доступом. Руководство университета намекнуло двум предприимчивым студентам, что им необходимо срочно освободить сервер.

Брин и Пейдж пытались предложить свои разработки нескольким интернет-компаниям, но безуспешно. Как сказал им глава портала Excite, «поисковики бесперспективны и денег на них не заработаешь» (по иронии судьбы, Excite вскоре разорился, а Google процветает, делая деньги именно на поисковых системах). Брин и Пейдж решают открыть собственную компанию: знакомый свел их с основателем Sun Microsystems Энди Бехтолштаймом, который был настолько впечатлен их разработкой, что спросил только, на чье имя выписать чек.

Полученные от Бехтолштайма 100 тыс. стали первым камнем в фундаменте знаменитой ныне компании. Поначалу она размещалась в наемном гараже, а сервер стоял в комнате Брина. Уже через полтора года штат компании составлял больше тысячи человек, которые работали в Googleplex в городе Маунтин-Вью, Калифорния. Летом 2000 года контракт с Google подписала известнейшая компания Yahoo! – владелец самого популярного сайта в мире, – с тех пор популярность и доходы Google Inc. постоянно растут.

На данный момент компания известна не только рекордными темпами развития, но и уникальной политикой по отношению к служащим: нанимая на работу преимущественно докторов наук, владельцы компании делают всё, чтобы работать у них было удобно и приятно. Например, разрешают своим сотрудникам приносить на рабочее место домашних животных, кормят их обедами от лучших калифорнийских поваров, а 20% рабочего времени официально отводится для их личных нужд.

Сегодня Сергей Брин стал одной из легенд американского делового мира. Появилось даже выражение to do Google – «делать гугл», то есть зарабатывать много денег, не имея четкого бизнес-плана. Официально занимая пост одного из президентов компании, Брин, вместе с Ларри Пейджем, продолжает активно участвовать в деятельности своей фирмы. Он занимается политикой компании, нанимает сотрудников и лично контролирует поддержку русского языка в поисковой базе и интерфейсе своей поисковой системы. Несмотря на то что принадлежащий ему пакет акций Google Inc. оценивается примерно в 1 млрд долларов, Сергей Брин живет в скромной трехкомнатной квартире, ездит на относительно недорогой Toyota Prius с экологически чистым гибридным двигателем и ходит на работу в футболке и шортах. Он работает над реализацией своей мечты – опять-таки новой поисковой системой: «Такой поисковик точно знал бы, что вы ищете, и выдавал бы именно те результаты, которые вам нужны».

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

דִּי עוּ אָוּוֹי אַאי נױאַ אַ נִיאַדאַי אַי יִי יַ עבֶא:

אַסאַעבֶא עַס יַ יִנְעֶאֱו

3 ערען אַ יַ יִנְעֶאֱו יִדְעֶנען אַיִן עדינע נאָר יַ עֵד דאַקאַרעווע עעאַדלֶא יִדאַרעפֿאַאיִטע יִי עֵי עֵעֶאֶדעֶאֱי יַ אַעדיאַעפֿעֿרעֿיאַ נאָר אַ דיִנעֶע עַ נאָדאַסעֶע אַפֿיִדאַוואַיִוִי אַפֿיִנעֶע יִי אַדאַרפֿ יִדאַפֿוֹאַעֶאֱעֶ אָוּוֹי אַיִן אַ. עַס עעאַדלֶא עֵעֶאֱעֶ אַ יִדעֿיִוֹוֹאִיאַאָעֶע יַ אַ אַיִן אַ יַ אַעֿיִ יִאַאַוִו אַאַאיִיאַ דאַאַעֿיאַ עַדאַעֿעֿ עֿיִוֶ יִ אָוּוֹי, דאַאַעֿ אַיאַעֿאַ דיִאַיאַ (אַעדיאַוִוֶ יִוֶ אַיאַעֿ אַ אַעדיאַעפֿעֿרעֿוֶ יִוֶ יִוֶ יִוֶ אַ אַיאַעֿאַיִנעֿיִ אַאַעֿעֿיִ עֿיִ עֶאֶדֶא), דאַאַעֿ אַאַיִיאַ אַ אַאַעֿאַעֿאַ (עֿיִ יִעֶאֱעֿיִ אַעֿיִ אַעדיאַוִוֶ אַאַאַאַעֿעֿ אַאַעֿעֿעֿ יַאִעֿיִ נִיאַ), אַאַאיִיאַ דאַאַעֿיאַ אַדאַרעֿעֿ אַעֿיִאַוֶ אַ אַעֿ, אַאַאיִיאַ דאַאַעֿיאַ אַאַאַוֶ אַעֿ עֿאַיִעֿיאַ, אַאַאיִיאַ דאַאַעֿיאַ אַוֶ אַוֶ אַעֿיִ יַ אַעֿ אַיאַעֿאַ אַוֶ אַעֿאַעֿאַ עֿאַעֿאַ.

С приветствием к форуму обратился президент РФ Владимир Путин, подчеркнувший, что сам факт проведения саммита в Москве – еще одно признание роли России в диалоге цивилизаций. Одним из главных мотивов его выступления стала роль духовенства в борьбе с ксенофобией и национальной неприязнью. «Идеологи террора строят свои спекуляции не только на острых социальных проблемах, – отметил Владимир Путин, – но и на религиозной безграмотности, сепаратистских и националистических настроениях». Поэтому, продолжил он, в современном обществе повышается роль религиозного воспитания, формирующего толерантную среду, в которой осуждается религиозная и национальная неприязнь. Президент РФ подчеркнул, что «духовное, нравственное и гуманитарное просвещение – совместная задача государства и религиозных объединений».

В тот же день главный раввин России Берл Лазар дал пресс-конференцию, на которой, обращаясь к участникам саммита, выступил с инициативой подписать декларацию, осуждающую терроризм.

«Нам нужно дать понять, что никакой религиозный лидер не поддерживает террор, – заявил раввин Лазар. – Не бывает религиозных экстремистов: или ты религиозный человек, или ты экстремист». Главный раввин России призвал единодушно заявить о недопустимости двойных стандартов в политическом подходе к проблеме террора: «Если все участники саммита подпишут декларацию, в которой будет выражен общий взгляд на терроризм, и документ будет донесен до “большой восьмерки” – это станет большим вкладом в борьбу с террором во всем мире».

По словам раввина, духовный опыт России, достижения последних лет и, в частности, сотрудничество между религиозными общинами в России важны для всего мира, это «хороший пример для всех». Он особо выделил проблему воспитания подрастающего поколения: «К сожалению, пока в нашей стране нет осознания того, что в школе ребенок может получить прекрасное образование, но при этом не получить самого главного – понимания основных ценностей жизни». Такие жизненные ценности детям могли бы передавать священники, муфтии, раввины, считает раввин Лазар.

4 июля главный раввин России выступил на пленарном заседании форума.

Говоря о роли духовных лидеров, раввин Лазар подчеркнул, что священнослужители подчас «сужают» ее, «смотрят на себя как на лидеров только религиозной общины». По его мнению, это неправильно. «Наша цель и обязанность – принести людям духовность и через нее постараться влиять на образ жизни, на мораль, идеологию, самосознание».

Раввин Лазар привел слова еврейских мудрецов: «Если человек потерял деньги – он ничего не потерял, если потерял здоровье – ему плохо, но он продолжает жить. А если он лишился присутствия духа – он лишился всего, и жизнь для него потеряла смысл». Так же и в государстве: «Материальная и духовная жизнь страны и ее народа неразделимы. Мировая история учит, что, лишившись духовности, ни одна страна, ни один народ не могут обеспечить свое материальное выживание».

«Мы не имеем права бездействовать и ждать, пока к нам придут верующие искать ответов на свои вопросы. Наш высший долг сегодня – самим выйти к людям и предложить наши ответы, в том числе на те вопросы, которые люди не умеют задать. На весь комплекс вопросов о душе, о духовности, о морали, о правильном образе жизни, о ценностях, о приоритетах...»

Священнослужители, по словам раввина, «обязаны это сделать, потому что в мире явно ощущается дефицит духовности». Он привел слова из Торы: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим от уст Г-спода».

Раввин Лазар отметил: «Ориентация только на потребление таит в себе угрозу, поскольку человек забывает о душе. А духовный вакуум очень быстро заполняют чуждые, опасные идеи. Именно дефицит духовности приводит к росту нетерпимости и ксенофобии во многих странах. А нетерпимость в своих крайних формах порождает терроризм. Поэтому задача духовных лидеров – это не только религиозная, но и государственная, общечеловеческая задача».

Главный раввин России подчеркнул: религия должна быть отделена от государства только в том смысле, что «религиозные общины не должны вмешиваться в политику, а государственная власть не должна вмешиваться в дела религии». Но в то же время «государство должно понять, что у него есть общая

с религией задача – забота о духовности в жизни людей». Раввин Лазар выразил уверенность, что такая политика обязательно принесет свои плоды.

5 июля был подписан итоговый документ Всемирного саммита религиозных лидеров в Москве. В нем сказано: «Диалог и партнерство цивилизаций не должны быть просто лозунгами. Нам нужно построить такой миропорядок, который сочетал бы демократию – как способ согласования различных интересов и как участие людей в принятии решений на национальном и глобальном уровне – с уважением к нравственному чувству, образу жизни, различным правовым и политическим системам, национальным и религиозным традициям людей. Всесторонние, справедливые и стабильные решения международных споров должны достигаться мирными средствами. Мы отвергаем двойные стандарты в международных отношениях. Мир должен быть многополярным и многоукладным, удовлетворяющим всех людей и все народы, а не подогнанным под безжизненные и упрощенные идеологические схемы».

Ŧ Ŧ Ŧ àòáðèàèàì èíóŦðŦ àöèŦŦŦúö àãŦŦ òŦòâ

דאַאַעִי יאַ אַיִאִי יוֹ נאַיִדאַױ

*3 epey a Eaeiei ei aaaa i di oee : a o a a o u a a e a i a i u a o : a i i - i a o i a e : a i e e a n a i d u a i a i i i a
a o i a a i n o a a A y o i i a a o a n a i d a o a i a a i a i d e i e i a e o : a n o e a i d a a n a a e o a e u e o a a e i e e e i i o a i i e e
D i i i e e - a e a a i o a a e a O A I D i i a a e i i a e n o a e p n A i i d e a i i u i e n e a i e o a a e i A a o i A o d i a e :*

28 июня раввин Гуревич вместе с представителями других традиционных конфессий России и Генштаба Российской армии отправился на военно-морскую базу в город Балтийск, где все участники сборов почтили память погибших подводников.

На следующий день в Доме офицеров Калининграда прошла пресс-конференция с участием представителей духовенства, на которой присутствовали около семисот морских офицеров. Раввин Аарон Гуревич рассказал об институте военного раввината и его истории, о военных раввинах в дореволюционной России, а также о работе иудейского духовенства в армиях Израиля и США.

Участники пресс-конференции выразили уверенность в том, что в недалеком будущем армейское командование предоставит духовенству широкие возможности для опеки военнослужащих. Раввин Гуревич отметил также, что Генштаб министерства обороны всячески способствует налаживанию контактов с представителями религиозных организаций и оказывает всю необходимую поддержку. В планах отдела по взаимодействию с Вооруженными силами составление списков евреев-военнослужащих, оказание им материальной поддержки, помощь в соблюдении ими еврейских традиций, праздников, приобщение к общинной жизни.

D. Eaeia

Áëááí úé ðáááèí Ðíññè Ááðè Éàçàð

СÁВÁËÁÍ ÈÁ

20 èþíÿ, ÿññèá ðñáááéÿ íá íòí áíá Ááððíáí úí ðááí Ðíññè ÿðèááðá Áëèèáíáððé Èííöáá, ðññèááí ííí ó íá 13 èáð èèðáíéÿ ðáááíáú çà íáíáááéá íá ÿðèðáéáí ðèíááíè íá Áíèíóíé Áðíííé öèðáá á ðññèá, ááááí úé ðáááèí Ðíññè ÿðèèí í áí òèðíáéè ðèðááèþ.

«Мы с самого начала подчеркивали, что назначенный обвиняемому в нападении на молящихся срок тюремного заключения – не самое важное, – подчеркнул раввин. – В этом вопросе решение суда нас вполне устраивало, приговор был адекватен тяжести совершенного преступления. Но главным для нас было признание действий подсудимого актом антисемитизма, направленным на разжигание национально-религиозной розни в России. Именно потому, что такую квалификацию суд отклонил, адвокат потерпевшей стороны потребовал у Верховного суда отмены приговора».

Главный раввин России выразил надежду, что при новом рассмотрении суд будет исходить именно из такой трактовки этого преступления. «Обвиняемый в ходе следствия и непосредственно в суде не скрывал, что собирался убивать именно евреев – людей, которых он лично не знал, с которыми у него не было никаких отношений, – отметил он. – Более того, он решил напасть на молящихся в синагоге – то есть на людей, которые в этот момент обращались к Б-гу. То, что все жертвы нападения остались живы, – просто чудо, это и врачи говорят, ведь несколько человек получили очень тяжелые ранения. Если это не действия, направленные на возбуждение национальной и религиозной ненависти, – то что еще это может быть?!»

Раввин Лазар подчеркнул: «Именно сейчас, когда многие зарубежные политики и международные СМИ утверждают, что в России растет ксенофобия при попустительстве властей, это решение Верховного суда покажет, что власти – в частности, судебная власть – действительно обеспокоены националистическими проявлениями и намерены использовать всю силу закона, чтобы положить им конец».

27 июня в связи с убийством российских дипломатов в Ираке главный раввин России выступил с заявлением.

«Еврейская община России вместе со всеми россиянами глубоко скорбит о трагической гибели наших дипломатов от рук фанатиков-террористов, – говорится в документе. – К сожалению, расправа с российскими дипломатами вновь подтвердила, что у террористов нет никаких сдерживающих центров, никакой морали, вообще ничего человеческого. Дипломаты по определению люди мирные, они находятся в чужой стране, чтобы договариваться, искать компромиссы, которые были бы на пользу всем. Чудовищный парадокс в том, что именно этих людей, делающих всё, чтобы не проливалась кровь, избрали на сей раз своими жертвами бандиты».

Главный раввин России подчеркнул: сегодня «ни один человек в мире, где бы он ни находился, где бы ни работал, не может чувствовать себя в безопасности из-за исламистского экстремизма и терроризма. Цель этих нелюдей – запугать всех вокруг, ослабить решимость мирового сообщества в борьбе с террором, который справедливо называют “нацизмом XXI века”. Расправа над дипломатами – это и урок тем политикам, которые до сих пор надеются “договориться” с террористическими организациями и теми, кто их поддерживает. Нашим врагам не нужен никакой компромисс – убийство российских дипломатов доказывает это со всей убедительностью. Террористы хотят только одного – захватить весь мир и навязать человечеству свои изуверские законы».

В заключение главный раввин России выразил «самые искренние соболезнования родным и близким погибших». Он подчеркнул, что эти мужественные люди, «мужья, сыновья, отцы отдали жизнь за Родину, за всех россиян. Память о них всегда будет с нами».

Главный раввин России Берл Лазар 12 июля навестил находящуюся на излечении в институте имени Склифосовского Викторию Зильберштейн – стюардессу самолета А-310, потерпевшего аварию в Иркутске 9 июля. Раввин Лазар сказал, что еврейская община России восхищается ее мужеством и гордится ею. Виктория приняла его предложение посетить Израиль после выписки из больницы для отдыха и психологической реабилитации. Также она отметила, что ей очень приятна забота со стороны еврейской общины России. «Еще когда я лежала в больнице в Иркутске, ко мне приходили однофамильцы и предлагали помощь, приносили цветы. А потом приехал главный раввин Иркутска Аарон Вагнер, наконец, теперь – главный раввин России. Я почувствовала себя частью большой семьи», – сказала она.

После встречи с Викторией Зильберштейн раввин Лазар пообщался с врачами, руководством больницы и выразил готовность оказать любую помощь и содействие. По словам врачей, Виктория будет выписана в течение недели.

«Эта мужественная девушка совершенно не ощущает себя героиней. Ее скромность привлекает людей. В больнице к ней относятся очень тепло. Уверен, что ее поступок – готовность пожертвовать собой ради спасения других – может служить примером для всех. Именно поэтому мы собираемся номинировать ее на премию Федерации еврейских общин России “Человек года – 5766”, – отметил раввин Лазар.

если фашистов не остановить. И тогда прозвучало слово: «СТАЛИНГРАД!» И с этой «точки» евреи начали отсчитывать дни жизни...

Конечно, Волгоград – город нееврейский. Это не Одесса, не Бердичев и даже не Биробиджан. Но и в Волгограде, оказывается, есть община, синагога, раввин. Здесь нам рассказали одну историю, которая больше похожа на легенду, хотя давность ее по историческим меркам не столь уж велика – меньше 20 лет.

В 1988 году жительница Волгограда, погостив у своей сестры в Нью-Йорке, собралась возвращаться в родной город. Однако очень боялась лететь в самолете. Сестра посоветовала ей перед дальней дорогой сходить к Любавичскому Ребе – в тот день, когда он принимал посетителей у себя в Бруклине. Что та и сделала.

Позже, рассказывая о встрече с великим человеком, эта скромная женщина, имя которой Зинаида Матвеевна Генкина, вспоминала красоту Ребе, его необыкновенную проникновенность и особенный блеск глаз... Разговор, состоявшийся с Ребе, получился следующий: «Я из Волгограда, очень боюсь лететь», – объяснила Зинаида Матвеевна. И продолжила: «У вас здесь хорошо, а у нас в городе нет общинного центра для евреев». «Не бойтесь. Счастливого пути», – сказал ей Ребе. Немного помолчав, он добавил, протягивая две долларовые купюры: «Этот доллар вам, а еще один – на развитие вашей общины». Этот самый доллар с благословением Ребе через много лет Зинаида Генкина передала общине и новому волгоградскому раввину Залману Йоффе.

В подобной истории для человека верующего вмешательство Провидения очевидно. Он не станет сомневаться в том, что именно благодаря благословию Ребе сегодня в Волгограде возродилась община и налаживается еврейская жизнь, сюда приехал раввин, здесь реконструируется синагога, появились еврейская школа и детский сад...

* * *

Раввина Залмана Йоффе мы нашли на кладбище. В руках у него была бензопила. И орудовал он ею весьма умело. Вместе с другими мужчинами – членами общины – он расчищал еврейское кладбище от зарослей и деревьев. «У нас ограда для кладбища уже готова и только ждет установки», – объяснил рав Залман.

Проблемой благоустройства еврейского кладбища Волгограда он занялся несколько лет назад, вскоре после прибытия в этот город. Тогда, собрав членов общины, пригласив уважаемых в городе людей,

он напомнил, что заповедь о проводах человека в мир иной является одной из важнейших, к тому же это самое бескорыстное из человеческих деяний – ведь покойный не может выразить свою благодарность...

Тогда выяснили объем и стоимость работ: уборки и вывоза мусора, возведения ограды, демонтажа старой сторожки. Работы по благоустройству кладбища стали общим делом членов общины, учеников школы «Ор Авнер», спонсоров и состоятельных людей. И, по признанию многих, очень сплотили коллектив еврейской общины Волгограда. «Мы поняли, что создание возможности для евреев похоронить своих близких как положено – дело не одного, это дело всех», – сказал нам один из евреев-волгоградцев.

Обращаем внимание на свежую могилу. Дата рождения – 1924-й. Значит, кто-то из стариков... А дата смерти – 1942-й! «Старику» было 18 лет...

Рав Залман объясняет: здесь лежит Дунаевский Наум Исаакович – солдат, погибший при защите Сталинграда... Его останки обнаружил казачий поисковый отряд, который много лет ищет безымянные могилы воинов, погибших в Сталинградской битве. Обычно их хоронят на Мамаевом кургане, под сенью православного храма. Однако рав Залман принял решение: этого красноармейца нужно и должно похоронить как еврея, на еврейском кладбище города.

Перезахоронение состоялось в июне прошлого года. Пришли в основном молодые волгоградские евреи. Спустя 63 года они прочли по погибшему кадиш, раввин Шимон Животовский провел традиционные еврейские похороны по правилам, установленным много веков назад. И душа молодого солдата наконец-то обрела успокоение...

נְהַיֵּנוּ «אַעֲן אִירָעָא».

* * *

Раввин Залман Йоффе вместе с семьей приехал в Волгоград 26 мая 1999 года в качестве посланника Любавичского Ребе.

Все признают, что раввину Йоффе удалось заметно оживить еврейскую жизнь в Волгограде. По образному выражению местного чиновника, отнюдь не «влюбленного» в евреев, «еврейская община – одно из национальных объединений Волгограда, фонтанирующее идеями и делами».

Когда раввину Залману Йоффе предложили отправиться в шлихус, существовало три варианта: Самара, Казань, Нижний Новгород. Но судьба распорядилась по-иному. Вскоре после приезда раввина в Волгограде была, наконец, зарегистрирована община, а в 2001 году руководители еврейских организаций обратились к городским властям с просьбой решить вопрос о передаче им помещения синагоги. «Война» за это здание была непростой и долгой. Но важен результат: постановлением от 26 декабря 2002 года

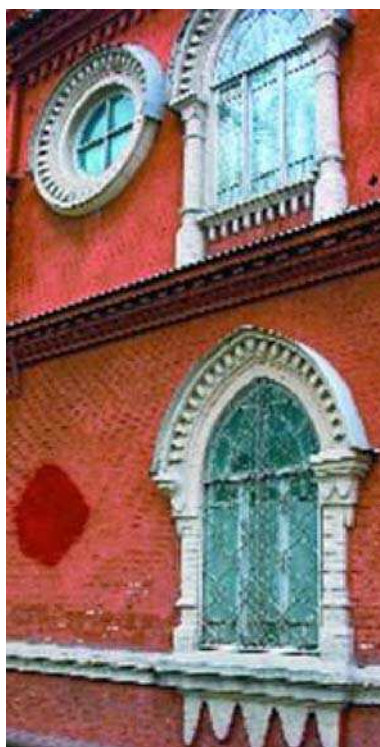
Волгоградский горсовет передал «в бессрочное, безвозмездное пользование муниципальное отдельно стоящее здание школы-синагоги по улице Балахнинской, дом 2».

До прихода советской власти в Волгограде существовали две синагоги, которые впоследствии были закрыты. Здания не переоборудовали под склады, как это происходило в других городах: например, здание «новой», центральной Хоральной синагоги на пересечении улиц Смоленской и Курской (сегодня – улица Порт-Саида) использовалось как поликлиника, а другое – старой школы-синагоги на Балахнинской – находилось в ведении муниципальной жилищно-эксплуатационной организации. Провидение распорядилось таким образом, что в Сталинграде, разрушенном в 1942–1943 годах практически до основания, два этих старинных здания не пострадали: бомбы, мины и снаряды «облетали» стороной эти сооружения. Евреи видят в этом особый знак...

Исполнительный директор волгоградского отделения фонда «Хесед Хаим» Елена Галицкая говорит по этому поводу следующее: «Слава Б-гу, община “отбила” здание старой синагоги в Ворошиловском районе. Я даже не знала, что оно сохранилось! Я была удивлена, увидев такое старое и абсолютно не пострадавшее здание на берегу Волги... Ведь там песчаный берег, и многие дома просто оседают. А здесь еще такая красота – магендовиды на стенах из красного кирпича!»

Синагогу на улице Балахнинской называли «Бейс Довид» – в память о Довиде Колотилине. Благодаря усилиям этого замечательного человека и его семьи еврейская религиозная жизнь в Волгограде-Сталинграде, несмотря на трудности и опасности, которым подвергались религиозные евреи при советской власти, никогда не прекращалась. Возглавляемой им «полулегальной» общиной были сохранены два бесценных свитка Торы. Его отец, Илья Григорьевич Колотилин, был габаем (старостой) Хоральной синагоги, закрытой в 1937 году («малую» синагогу закрыли еще раньше – в 1929-м). Умер Довид Колотилин в мае 2001 года.

Сейчас волгоградская синагога «Бейс Довид» стоит в лесах, там полным ходом идут реставрационно-восстановительные работы. Уже снята крыша и оконные блоки, демонтированы внутренние перегородки. На первых этапах планируется строительство миквы. Возглавляет работы ведущий архитектор и разработчик технической документации Сергей Сена.

Ауаоу пѐі ааа

* * *

Ныне в волгоградской общине налажена работа по целому ряду программ. Начало этому было положено сразу после приезда в Волгоград молодого раввина с женой. Тогда еще не работал «Хесед», и перед ними встала первоочередная задача – наладить помощь нуждающимся. Так родилась программа «Милосердие». «Начали с того, что организовали стрижку бабушек и дедушек на дому, продовольственную помощь, покупку лекарств», – вспоминает Яэль Йоффе.

Еврейская школа «Ор Авнер» была открыта в 2000 году, в кратчайшие сроки, – как говорит рав Залман, «с Б-жией помощью и помощью Ребе». Действует и детсад «Ган Геула», и воскресная школа для еврейских детей «Возрождение». В программе воскресной школы – изучение традиций и истории еврейского народа, иврита, национального фольклора, прикладного искусства. Дети членов общины имеют возможность ежегодно отдыхать в лагере «Ган Исроэл».

Работает клуб «Халом» – для женщин от 25 до 50 лет. Открыт клуб для пожилых людей «Посиделки». При общинном центре действует библиотека, бесплатно распространяется периодическая литература еврейской тематики, в том числе издаваемая общиной газета «Шофар Поволжья», которая пользуется большой популярностью среди читателей. При общине создан также ансамбль традиционной еврейской музыки «Адар».

Особенно радует внимательное отношение к ветеранам и пожилым людям: действует программа «SOS», в рамках которой собираются средства на проведение медицинских операций, происходит сбор одежды, лекарств и продуктов для людей, попавших в беду. С апреля 2003 года в синагоге работает кошерная кухня.

* * *

Можно сказать, что сегодня в Волгограде создана разветвленная «еврейская структура». Председатель общины Эрлих Анатольевич Ааронов родом из Дагестана. Он вырос в религиозной семье и, хотя переехал в Волгоград недавно, оказывает серьезную поддержку реб Залману в организационных вопросах и в решении вороха общинных проблем.

Помимо религиозной общины, возглавляемой Аароновым (в ее ведении благотворительность, воскресная школа и, конечно же, молитвенная жизнь), под руководством супруги раввина Яэль Йоффе действует ВЕОЦ – Волгоградский еврейский общинный центр. Это скорее «светская» организация, занимающаяся вопросами культуры, образования, семьи, молодежи.

Еврейская община и общинный центр успешно интегрируются в жизнь города и области. Безусловно, нельзя разделить работу этого, по сути, формального «размежевания». Всё здесь взаимосвязано, и все работают «в одной упряжке». Явный лидер всех новых начинаний – Яэль Йоффе. Помогает ей в этом и юридическое образование, и хорошие отношения с городской, областной и районной администрацией. Она является как бы «политическим лицом» общины. Однако «по совместительству» Яэль и правовед, и менеджер, и прекрасная мама пяти очаровательных детишек.

Как председатель совета общинного центра, Яэль Йоффе с января 2004 года входит в совет по социальным вопросам при главе администрации Ворошиловского района города. В прошлом году председатель совета ВЕОЦ за активную работу в деле помощи ветеранам войны была награждена памятным знаком «К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне».

Вместе рав Залман и его супруга Яэль составляют удивительный тандем, за короткий срок буквально «свернувший гору» на пути к процветанию идишкайта в Волгограде и области.

В. Ёйѳѳѳ

«Люди, жадные до еврейства и еврейских дел» – так говорят о волгоградском раввине и его жене, об их ближайших помощниках и сподвижниках. Они постоянно заняты освоением чего-то нового, они «недовольны» существующим положением дел, они не терпят рядом с собой равнодушных и ленивых.

На прощанье рав Залман рассказал нам майсу: «Один еврей пришел к известному раввину с вопросом: ехать ли ему в Израиль? “Главное – сделать маленький Израиль там, где мы живем”, – ответил ему Ребе. Этим мы здесь, в Волгограде, и занимаемся – делаем маленький Израиль в большом российском городе!»

Àéöèÿ «xèñòúé ãðñä».

È. Èaðñáí èñ

ÈÑÒÌ DÈ×ÁÑÈÀB ÑÌ DÀÁÈÀ

Волгоград (до 1961 года – Сталинград, до 1925 года – Царицын) – крупный промышленный и культурный центр юга России. Датой его основания принято считать 2 июля 1589 года, а имя ему было дано по названию реки Царица, впадающей в Волгу. Расположен на изгибе нижнего течения Волги, на ее правом берегу. Нижнее Поволжье изначально развивалось как многонациональный регион. Однако еврейская жизнь в Царицыне сколько-нибудь заметной становится не ранее второй половины XIX века, после некоторого послабления ограничений для евреев и их расселения вне черты оседлости.

Первые упоминания о евреях в Царицыне относятся к концу XIX века. По данным профессора ВолГУ С. Э. Крапинецкого, в 1873 году здесь проживало 410 евреев, среди которых преобладали ремесленники и рабочие из оставшихся после окончания военной службы солдат-кантонистов. Интеллигенцию представляли в основном медики. В конце XIX века здесь возникает еврейская община. Сначала власти разрешают открыть временные молельни, а затем – построить синагогу. Существовала община геров – неевреев, принявших иудаизм.

В конце XIX – начале XX века получила распространение культурно-просветительская организация «Еврейский товарищеский союз». 17 октября 1888 года в городе открывается первая синагога, которая в начале 1890-х годов уже не вмещает всех желающих. Неофициально открываются еще две молельни в частных домах Дормана.

В начале XX века число евреев, постоянно проживающих в Царицыне, увеличилось до 900 человек и встал вопрос об открытии второй синагоги. На участке, принадлежащем членам еврейской общины, была построена большая Хоральная синагога, открытие которой состоялось 26 августа 1911 года. Существовала в городе и еврейская школа (ешива), где обучение велось на древнееврейском языке. Был организован еврейский любительский театр под руководством Д. М. Мильвидского, ставивший спектакли по произведениям Шолом-Алейхема.

Таким образом, к 1917 году в Царицыне, не входящем в черту оседлости, сложилась достаточно сильная еврейская диаспора. Во время революционных событий, в которых евреи Царицына принимали активное участие, представителями городского совета были Я. З. Ерман и Р. Я. Левин. После Октябрьской революции численность еврейской общины выросла, и к середине 1920-х годов насчитывала более 2000 человек. Однако в 1929 году большинство раввинов были подвергнуты арестам и ссылке, а еврейская религиозная школа ушла «в подполье».

Во время Сталинградской битвы город был полностью разрушен, но здания обеих синагог, закрытых в конце 1920-х – 1930-х годах, сохранились. После Великой Отечественной войны из местных евреев уцелели единицы. В 1960–1980-х годах в Волгограде поселилось несколько десятков семей горских, грузинских и бухарских евреев. В 1990 году было основано Волгоградское еврейское культурно-просветительское общество (председатель – Владлен Израилевич Пайкин) с городским лекторием, начала работу воскресная школа.

Все годы советской власти миньян собирался, как правило, на квартирах, а еврейская община Волгограда представляла собой «неформальное религиозное объединение», которым после войны руководил Довид Колотилин, потомок геров в четвертом поколении. Довид – сын габая Хоральной синагоги Ильи Григорьевича Колотилина, которому после закрытия синагог верующие поручили хранить восемь свитков Торы из Израиля, представляющих большую ценность.

Д. И. Колотилин, вернувшись с войны, продолжал хранить две Сейфер Торы, спрятанные вместе со всем домашним скарбом в тайнике на окраине города, – и свитки Торы оказались тем единственным, что сохранилось после разграбления тайника. Остальные свитки сгорели в доме в результате прямого попадания снаряда. Тору доставали раз в месяц, когда религиозные евреи города собирались в доме Колотилиных. Довид Ильич возглавлял миньян, проводил Шабосы и еврейские праздники, помогал хоронить евреев согласно традиции. Долгое время он оставался единственным в Волгограде человеком, кто мог вести службу, читать кадиш и молитву о больном. Он же стал председателем волгоградской еврейской религиозной общины, зарегистрированной в июле 1999 года после приезда в город раввина Залмана Йоффе – посланника Любавичского Ребе.

Раввин Йоффе считает, что еврейское население Волгограда вместе с городами-«спутниками» Волжским и Светлым Яром составляет (по закону о возвращении) не менее 10 тыс. человек, по Алохе – 4–5 тыс., «плюс очень много евреев, корни которых глубоко спрятаны, а также тех, кто просто боится прийти».

ПЛАНЕТА СВЕТА

*יְאִי אֲדֹאָאָעֵינִי יִיִיאָנוּי אֲאֹדֹאָעֵיפּ סֶעִיעֶא אֲיֶאָצֶאָעֵינִי יֶא אֲדֹאָאָעֶ יֶעֶאִיֶאָוֶאֶ! חֶאָאָ-אָאָ, אֲ
יֶוֶיֶאָ יֶוּ יֶא יֶאֶעֶאָאָעֶ... «יֶעֶאִיֶאָוֶאֶ יֶוֶ» - סֶאֶעֶ יֶאֲצִיֶאָאָרֶוֶ «עֵיִמֶ עֶ-אָפֶעֶאֶ יֶאֲדֹאָצֶאָעֶאֶיֶעֶ» יֶאָאָאָ סֶ-אָאִיֶאָ
צֶאָאָאָאֶיֶעֶ, עֶיֶוֶיֶדִיאֶ יֶוּ יֶיִיֶאָוֶעֶעֶ אֲאִיעֶאָאָאָאָ אָאָ יֶעֶוֶיֶיֶוּ. «יֶוֶ» יֶא עֶאָדֶעֶוֶאֶ - «יֶאָוֶ», צֶיֶאֶ-עֶוֶ,
«יֶעֶאִיֶאָוֶאֶ יֶוֶ» - «יֶעֶאִיֶאָוֶאֶ יֶאָוֶאֶ». אָוּיִמֶעֶעֶיִנִי יֶאִיֶאָעֶיֶ, אֲוֶיֶ יֶוֶיֶיֶ סֶאֶעֶיֶאֶ יֶמֶצֶאָצֶאָעֶאֶ עֶעֶ אָאָאָאֶ יֶעֶיֶ-
עֵיִמֶ יֶיֶ יֶיֶיֶ עֵיֶ יֶיֶעֶאִיֶאָוֶ, אָנוּיֶוֶ סֶוֶוֶ עֶ צֶאָצֶאָוֶ, עֶ עֵיֶיֶ אֲוֶיֶ, עֶ אֶעֶעֶאָאָרֶוֶעֶאֶ אָנוֶאָדֶעֶאָוֶ, עֶ יֶוֶיֶ-עֶאֶ יֶעֶיֶ...*

Вообще-то еврейская школа в Волгограде – это больше чем школа, хотя называется она так же, как и все еврейские школы на территории СНГ, – «Ор Авнер». Но дети в этой школе не просто ученики, они – «Планеты Ор»!

Бессменным директором школы является Елена Викторовна Никитина – «с момента появления ИДЕИ создания школы», как выразился раввин Залман Йоффе. А идея родилась так.

Рассказывает Яэль Йоффе: «В 2000 году Залмана попросили съездить в Казахстан, в Алма-Ату на шхиту. Там как раз за месяц до того открыли школу. Она произвела на Залмана большое впечатление. А потом позвонил исполнительный директор фонда «Ор Авнер» Давид Мондштайн и спросил, сможет ли Залман открыть школу в Волгограде? Он ответил: “Легко!” И школа организовалась за четыре месяца...»

На самом деле ситуация в Волгограде не благоприятствовала: не было ни времени, ни денег на подобный проект. Школу нужно было регистрировать, рав Залман и Яэль срочно нашли директора – Елену Викторовну, а та уже занялась подбором команды педагогов и набором детей... Авантюра! На третьем этаже муниципальной школы во вторую смену – 55 детей, учителя носят с собой реактивы и карты, а затем забирают домой... Никто не мешал, уже за это спасибо.

Поддержка пришла позже со стороны друзей общины и местных властей: при содействии депутата Шустермана губернатором был подписан указ о передаче 145 тыс. рублей на обустройство класса в новой еврейской школе. Это был первый случай в Российской Федерации, когда на еврейское образование выделялись деньги из бюджета! Год спустя администрация на условиях долгосрочной аренды отдала два садика, которые, хоть и нуждались в ремонте, перепланировки, однако, не требовали. Таким образом, 10 мая 2000 года школа была зарегистрирована, а 1 сентября уже приняла детей. Рав Залман утверждает: то, что школа была организована в такие сроки, – настоящее чудо!

Ныне школа «Ор Авнер» в Волгограде – это 11-летнее негосударственное учебно-воспитательное учреждение с этнокультурным компонентом (преподаванием иврита, истории и традиций еврейского народа). Учится здесь чуть больше полторы сотни учеников, с 2004 года это учебное заведение лицензировано, аккредитовано, у него имеются свидетельства государственного образца.

Школа «Ор Авнер» второй год подряд держится на первом месте в рейтинге негосударственных школ региона по успеваемости, количеству медалистов, количеству поступивших в вузы, а также по условиям и качеству образования. Еврейская школа входит в десятку лучших школ города. Ее директор утверждает: «У нас настолько способные дети, что просто нет таких, которые не могут учиться с шести лет. Школы “Ор Авнер” – самые лучшие школы!»

В школе подобрана команда высококвалифицированных талантливых педагогов, с одинаковым вниманием относящихся к плановой работе, дополнительному образованию и религиозному компоненту в обучении. Здесь работают логопед и психолог. Детей из дома в школу и обратно возят маршрутки.

Итак, волгоградская школа действительно поделена на «планеты Ор» – эдакие секции, которыми заведуют «командоры», «планетарные» руководители. Существуют «Планета детства», «Планета спорта», «Планета традиций», «Планета “Палитра”», «Планета ОРТ»... Где кому из школьников интереснее, на ту планету он и «селится». На планете информационных технологий с 2001 года издают свою газету – «Хаим», делают школьные видеofilмы и компьютерные презентации.

Всеми «планетами» руководит сообща избранный президент – ученица 10 класса Алена Слащева. Валентина Махонина, заместитель директора по воспитательной работе, говорит: «Дети у нас “самоорганизованные”. Это была моя мечта – создать такую школу. Они сами придумали свою детскую организацию – “Планеты Ор”. Мой предмет – обществоведение, и мне легче с ними на практике прорабатывать детали. наших детей не нужно заставлять – им самим интересно!»

«Все они разные, – продолжает Валентина Иольевна. – Вот девочка пробежала, Виолетта, так она ни к какой “планете” примкнуть не хочет. Что ж, Виолетта – это “комета”, поняли мы... А вот еще один “неопознанный летающий объект”: Иосиф Чижиков, он танцует рэп. В этом плане у нас “вольница”, – поясняет замдиректора. – Главный принцип – лишь бы не во вред!»

А Геедоеіа

В школе большое внимание уделяется преподаванию иврита и иностранных языков. «Английский язык у нас на очень хорошем уровне, – говорит замдиректора по преподаванию этнокультурного компонента Галина Миндрина. – Но если кто-то раньше учил немецкий, тот учит немецкий, французский – значит, французский. К нам приезжают замечательные девочки из “Бет Ханы”, ведут иврит и традиции. Иврит и географию ведет Любовь Ароновна Хвостенко».

В отношении компьютерного обеспечения школа даст фору любой другой в городе: здесь предусмотрено всё для любых возрастных категорий и любых увлечений ребят, причем и по учебной программе, и факультативно. Информатика преподается с 1-го класса.

Преподаватель Нелли Викторовна показывает разнообразные программы: тесты на иврите, упражнения, задания, кроссворды, загадки... Оказывается, на компьютере здесь пишут диктанты, создают маркированные списки, поздравительные открытки, дипломы, осваивают векторную графику, устраивают презентации, занимаются сайтостроением... Разнообразие форм и направлений, потенциал применения новых технологий просто поражает. «Жаль, что нас, преподавателей информатики, “Ор Авнер” не направляет на учебу, не собирает на какие-либо семинары. А ведь нам повышение квалификации так

необходимо! Может, больше, чем другим, – ведь в области компьютеризации всё быстро меняется!» – сожалеет учитель информатики.

Уроки изобразительного искусства ведет Татьяна Новикова – у нее своя авторская программа обучения. Естественно, тематически ориентированная. Называется ее предмет «художественное творчество». Вот, к примеру, пуримские овечки, а вот композиции из бутылок и веток, исполненные к Ту би-шват. Всё это великолепие создается в различной технике: аппликация, воскография... Возникает впечатление, что в природе не существует материалов, из которых Татьяна Валерьевна со своими учениками не смогла бы создать художественное произведение! В ход идет всё: соль и мука, спилы и ветви деревьев, папье-маше, фрагменты бумаги, тканей и еще много чего... Это надо видеть. А выставки здесь, между прочим, проходят регулярно, да и сама школа – стены, стенды, классы – оформлена с большим вкусом. На волгоградской выставке «Салют Победы» ученики «Ор Авнер» заняли первое и второе места; победителями на конкурсе «Дети рисуют Тору», прошедшем в Москве и в Израиле, стали волгоградцы – Эмма Френдель и Олег Серяка.

וְיִרְאֶעֱתָא

В школе есть свои хоровой и танцевальный коллективы, которые являются лауреатами городских фестивалей. Вокально-хоровой ансамбль называется очень по-советски: «Лават Шерим!» («Лейся, песня!»). Татьяна Николаевна Кутузова, преподаватель музыки и художественный руководитель, говорит: «Мы поем на иврите, принимаем участие во всех мероприятиях – общинных, городских, областных. У нас две группы – старшая и младшая. Ансамбль существует уже четвертый год. Репертуар выбираем в соответствии с праздниками. Сегодня вот будем выступать на фестивале национальных культур народов, проживающих на территории Волгоградской области. Будем петь “Адон Олам”, песню о Шабосе, “Хава Нагилу”...»

Вы не поверите, но еврейские дети оказались первыми даже среди... «русских медвежат»! Во всяком случае, об этом свидетельствуют итоги международной игры-конкурса «Русский медвежонок: языкознание для всех – 2005», в котором ученики школы приняли живейшее участие и добыли несколько призов, в том числе «золото», а сама школа заняла второе место.

Уроки еврейских традиций, как правило, ведет раввин. Валентина Махонина рассказывает: «В школе работает семейная пара – рав Шимон и Лея Животовские. Они организовали для детей соревнования по практике традиций. Подводят итоги – кто больше набрал баллов, того везут за границу. Дети приходят очень активные. Маленькие даже по улице в кипе ходить стали».

Силами рабби Шимона и старшеклассников не так давно здесь создана молельная комната. Школьную синагогу оформляли по эскизу театрального художника, получилась она очень уютная, камерная. Своей Сейфер Торы в школе нет, поэтому ее «одолжили» в соседней светлоярской общине. Свиток, которому выпало стать «школьным», имеет особую историю: во время войны его спасла польская семья, потом он оказался в США, а впоследствии, благодаря усилиям организаторов и участников проекта «Кешер», свиток попал в Волгоградскую область, в еврейскую общину Светлого Яра.

Вообще, школьники активно участвуют в жизни общины: регулярно занимаются уборкой еврейского кладбища, готовят мероприятия, приуроченные к тем или иным городским акциям, встречаются с ветеранами, узниками гетто.

Большая часть выпускников поступает в еврейские вузы, некоторые продолжают обучение за рубежом. «В Открытом еврейском университете “XXI век” учатся четыре наших мальчика, а в махоне “Хая Мушка” – пять девочек», – с гордостью сообщает директор школы. В целом же поступление в вузы – стопроцентное! Причем никто не «теряется»: каждый год выпускники приходят в любимую школу – либо 25 мая, в день «последнего звонка», либо 1 сентября.

В волгоградской школе, как и в любой другой, есть своя «звездочка» – это ученица 11 класса Люба Галицкая. Валентина Махонина говорит о ней: «Люба – такая искорка, которая стала звездочкой. Она открыта, коммуникабельна, дети тянутся к ней. Если Люба заговорит с ними – они буквально расцветают. Ей подражают, маленькие хотят быть похожими на нее. Она безусловный лидер, но звездной болезни у нее нет, настолько в ней всё органично. Из любых, даже самых сложных ситуаций она умеет выходить с достоинством. И у нее такая энергетика, которая передается окружающим».

А сама Люба Галицкая так отзывается о своей школе: «Я проучилась здесь шесть лет и поняла, что такое еврейство. Теперь я горжусь этим, хотела бы и в будущем поддерживать эту связь. В школе мне нравится домашняя теплота. Даже болеть не хочется, пропускать занятия! А учителя – как будто мы знакомы всю жизнь...»

Е. Ааеёёау.

* * *

Детский сад «Ган Геула» – еще одна «планета» в волгоградском образовательном созвездии. Причем очень яркая! Она расположена здесь же, в волгоградском учебном комплексе «Ор Авнер». У школы и садика – общий медицинский кабинет и кошерная кухня, где работают заботливые медики и прекрасные повара.

Заведующая детсадом Ирина Корнакова рассказывает, что первое время детсад существовал на базе средней школы. Здесь три возрастные группы: одна «совмещенная» – младшая и средняя, вторая – старшая и третья – подготовительная. «В каждой группе свой режим обучения, – объясняет Ирина Исааковна. – Допустим, в младшей группе занятия по 10–15 минут, в средней – 20–25 минут, в подготовительной – 30 минут».

Конечно же, существует преемственность в обучении у школы и детского сада. В детсаду учитывают программу школы «Ор Авнер», наполняя ее соответствующим содержанием. Есть единый план по математике, развитию речи, занятиям языками (иврит и английский), занятиям с этнорелигиозным компонентом (еврейская история, традиции, Тора, кашрус, еврейские праздники). Более того, чтобы дети привыкали к школе, существует специальный класс, который полностью оборудован как школьный.

Уже в садике есть возможность получить дополнительное образование, помогающее всесторонне развить личность ребенка: здесь работает художественный руководитель, психолог. Для воспитанников обустроены различные уголки: игровая зона, живой уголок, уголок «изо», книжный, еврейских традиций, уголок Шабоса. Во всех трех группах проходят занятия по обучению игре в шахматы, ставятся спектакли на английском.

«На наших занятиях используются магнитная доска, видеоплейер и телевизор для обучающих фильмов. Есть рабочая тетрадь для каждого ребенка. Вот математика, вот развитие речи, – продолжает свой рассказ заведующая детсадом. – Причем каждый учитель знает, за что он в ответе. Вот, например, комната психологической работы. Наша психолог Вероника Владимировна – очень талантливый человек. Да, впрочем, у нас весь коллектив талантливый!»

Серьезное внимание уделяется здоровью детей: есть массажный кабинет, идут занятия физкультурой, пальчиковой гимнастикой, моторикой, ЛФК. Также постоянно проходят занятия по развитию речи и произношению – как групповые, так и индивидуальные. Логопед Татьяна Кулиш авторитетно объясняет: «У детей может быть неправильное произношение, и я смотрю, с чем это связано. Много детей с нарушением слуха. Бывает, задеты нервы на уровне гортани, нёба, что вызывает частичное поражение. В таких случаях мы делаем специальные упражнения. Также обращаем внимание на развитие пальчиков, так как если хорошо развиты пальчики, развита и речь...»

Детский сад издает собственную ежемесячную газету под названием «Ган Геула» с обзором событий в этом учебно-воспитательном учреждении, информацией о праздниках, советами психолога.

Вот о каком созвездии в еврейском образовательном космосе мы узнали в Волгограде. Что ж, новых полетов вам, девочки и мальчики: от планеты к планете, от звезды к звезде – по огромной вселенной, к высотам знаний, разума и веры!

È. Èaðíáí èí

В нынешнем году в волгоградской школе «Ор Авнер» проходила программа «Мицвойс». Суть программы заключалась в том, что поощрялись и фиксировались не столько успехи в обучении, сколько рвение в исполнении заповедей.

Организаторы и руководители программы постарались учесть все аспекты еврейского образа жизни – внешний вид учеников, изучение Торы и традиций, проведение Шабоса и праздников в кошерной обстановке. На Шабос домой, в семью соблюдающих традиции евреев имел возможность прийти любой из учеников школы «Ор Авнер»! И отбоя от желающих, кстати, не было – на Кабалас Шабос и на вечерний урок с равом Шимоном собиралось до 15 человек.

Всем очень хотелось победить в конкурсе – ведь награда была такой заманчивой: для старшей группы учеников – поездка в Литву, для средней – путешествие по России, а для малышей – велосипед!

Конкуренция была – что надо! С одной стороны, всем хотелось получить приз, а с другой – еврейские души детей сами стремились к исполнению мицвойс, их надо было только подтолкнуть, программа как раз и стала таким толчком. Каждый мог стать первым.

В старшей группе победители стали известны еще накануне праздника Пейсах – ведь ребятам надо было успеть получить долгожданный приз до начала трудного периода выпускных экзаменов. Вот имена победителей: Саша Хоружая (11 класс), Люба Галицкая (11 класс), Нина Сычѐва (10 класс), Наташа Мякина (9 класс), Саша Шахов (8 класс), Сергей Крамаров (8 класс).

Подведение итогов в средней и младшей школах состоялось на «последнем звонке». Малыши получили сотовые телефоны, ученики средней школы – летнее путешествие на уникальное озеро Баскунчак, российский «аналог» Мертвого моря.

Но на этом программа «Мицвойс» не заканчивается! Заканчивается только первый, «пробный» год ее проведения. Программа явно удалась, и ее обязательно надо улучшать и продолжать. Удачи вам, будущие победители!

Ė. Ėĕĕĕĕĕĕĕĕ

Ó×ÈÒÁËÛ Ó×ÈÒÁËÁÉ

Многие учителя и бывшие питомцы старейшей в Волгограде специализированной английской школы № 50 прекрасно помнят Бориса Вениаминовича Бриккера – учителя русского языка и литературы и бессменного директора известной в городе «полусотки». Уже 13 лет как Борис Вениаминович ушел из жизни, но и сейчас он словно где-то недалеко, этот мудрый и бесконечно добрый человек. И всё явственнее проступают ранее малозаметные черты яркой многогранной личности.

1911 год. Самарский раввин выдает свидетельство: марта тринадцатого дня у черниговского мещанина Бениомина Афроимова Брикера и жены его Леи в городе Николаевске Самарской губернии родился сын, которому дано имя Абрам. После первой мировой войны это имя было изменено – Абрам бен Бениомин стал Борисом Вениаминовичем. Такое было время...

Свою педагогическую деятельность Борис Вениаминович начал 1 сентября 1928 года в одной из школ Саратова. В 1939 году пошел работать преподавателем Саратовского театрального училища имени Слонова, дослужился до поста замдиректора.

В ноябре 1941 года 30-летний Борис Бриккер был мобилизован в действующую армию, прошел всю войну. День Победы встретил в Чехословакии. Был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После войны Борис Вениаминович с семьей приехал в Сталинград, и уже осенью 1945 года ему поручили руководить городским Институтом усовершенствования учителей. В 1947 году он был назначен директором школы № 8, от которой в 1942-м остался лишь обгоревший каркас здания. В гимнастерке, с орденами – таким появился на ее пепелище майор-артиллерист Борис Бриккер. Блестящий учитель-филолог, истинный интеллигент засучив рукава работал на стройке – клал кирпичи. В восстановленной школе он проработал десять лет.

Áèðáèòíð èí ðò èò óòà áñí ááðòáí ðò áí ááí èÿ ó: èò ááé.

Ñò áé èí áðáá, 1945 á.á.

Неиссякаемая энергия, трудолюбие, эрудиция, жажда нового – наверное, всё это и называется учительским талантом. Не зря заслуженного учителя РСФСР Бориса Вениаминовича Бриккера называли «учителем учителей». Он учил любить книгу, понимать красоту русского языка, грамотно и оригинально мыслить. Почти на каждом его уроке присутствовали гости – студенты, будущие педагоги. Иногда количество гостей превышало число учащихся, но это не мешало Борису Вениаминовичу создавать в классе по-настоящему творческую атмосферу.

С 1957 года начинается славная история «полусотки», которой Борис Вениаминович посвятил всю оставшуюся жизнь. Он собрал прекрасный учительский коллектив, который в 1959 году буквально на пустом месте создал английскую спецшколу. Сами разрабатывали программы по языку, литературе, географии, истории Англии. Английскому языку здесь учили со второго класса. Доброй традицией стала внеклассная работа по предмету, накапливался ценнейший методический опыт. Делегации из англоговорящих стран стали частыми гостями в стенах школы № 50.

Бориса Вениаминовича и обожали, и почитали. Хлебосольный, щедрый, он был душой любой компании, много лет поддерживал традицию субботних семейных обедов. Приготовленное им кисло-сладкое мясо или фаршированная рыба были шедеврами поварского искусства! И в доме его всегда было много гостей: ученики и учителя готовились здесь к школьным мероприятиям, все вместе работали над сценарием очередного действия.

Борис Бриккер несколько месяцев не дожид до своего 81-летия – в уже опустевший дом пришло несколько поздравлений в его адрес... В благодарной памяти многочисленных учеников Борис Вениаминович стал Учителем с большой буквы, воспитателем на всю жизнь.

Е. хәәсәтәи

РОЖДЕННЫЙ 9 АВА, ИЛИ ПОРТРЕТ ЕВРЕЯ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Арон Шмулевич Блейх родился в 1903 году. Или в 1902-м... Но и в том и в другом случае в еврейской общине Волгограда он – старейшина. До Октябрьской революции учился в хедере, после нее вступил в комсомол, но тем не менее никогда не забывал своего еврейства, посещал синагогу. Когда синагоги закрыли, молился «нелегально». Б-г дал ему долгую жизнь, сохранив прекрасную память, доброе здоровье и веру предков в его душе.

В паспорте в качестве даты рождения у него указано: 22 декабря 1903 года. Но это ошибка, утверждает Арон Шмулевич: «Мама говорила мне, что я родился 9 ава 1902 года». Может, поэтому Б-г дал ему такую долгую жизнь и такую светлую голову?

Младший сын его, Самуил Аронович, которому уже за семьдесят, говорит: «У папы голова исключительная, работает лучше, чем моя. С ним можно говорить на любые темы, вплоть до сексуальных...» Конечно, видит он плоховато – телевизор смотреть уже не может. Поэтому слушает радио, читает газеты. Говорит: «Нужно знать всё...»

Арон Шмулевич родился на Украине, в местечке Черный Остров Подольской губернии, на австро-венгерской границе: «Там в основном были местечки, небольшие еврейские общины. Правительство не вмешивалось, евреи сами решали между собой все вопросы: это называлось “еврейский кагал”. И женили, и хоронили, и даже если был какой-нибудь спор, то решал только раввин, потому что у евреев считалось: отдать еврея иноверцам – это грех. Были даяны, свой суд».

Арон Шмулевич с пяти лет учился в еврейской школе. «Мой отец не хотел, чтобы я ходил в русскую школу, потому что там надо было быть без шапки, а отец был очень религиозным человеком», – вспоминает он. В их местечке было три хедера, но учились только мальчики – девочки в школу не ходили.

«Несмотря на то что евреям запрещали учиться, евреи были грамотными, умели писать и читать, – объясняет реб Арон. – Вы знаете, что представлял собой хедер? Хедеры – это просто школы, но существовавшие полулегально. Пристав, урядник и полицейские знали, где находились хедеры. Но им платили, и они никого не трогали».

«Ну так вот, – продолжает Арон Шмулевич свой рассказ. – Хедер – это такая большая комната, длинный стол, с двух сторон скамейки, на которых сидели мы и сидел ребе. Он говорил, а мы повторяли. В

общем, учеба была поставлена очень плохо. Вот, к примеру, на иврите я читаю хорошо, изучал Хумаш, и Раши, и Гемору, но без перевода. Раввин говорил, что это святой язык, его нельзя переводить. Иврит понимали, но говорить так и не научились... У ребе были помощники, бегельферы. Они ходили по домам, собирали нас и носили на себе в школу, особенно когда было очень холодно или когда была грязь, – сажали на спину и несли. А за это они по очереди обедали у родителей учеников... У меня как будто были способности, я хорошо учился – идише коп! Отец думал, что я буду учиться дальше, на раввина...»

Арон Шмулевич рассказывает так, что явственно представляешь и местечко Черный Остров, и непролазную грязь, и комнату с длинным столом, и раввина со штраймлом на голове («штраймл – это круглая шапка, отороченная мехом, такие шапки там носили раввины»), поясняет нам рав Залман Йоффе).

Отец реб Арона, Шмуэл, в молодости работал на сахарном заводе, а потом стал столяром, делал мебель. Мать была из бедной семьи, с 12 лет работала у местного врача домработницей: «Это до замужества, – поясняет Арон Шмулевич. – А после замужества занималась домом, ведь у нее было много детей. Мать звали Сара-Фейга – ведь у евреев всегда было два имени. И меня звали Шия-Арон. Раньше считалось, что, если у тебя двойное имя, – проживешь дольше... Всего нас было восемь детей: пять братьев и три сестры. Одну из сестер звали Лея, вторую – Голда, третью – Хая. Старших братьев звали Лейб и Ноах. Еще был Моисей, он погиб на войне. А Довида немцы расстреляли, потому что он остался в нашем местечке, – как всех братьев, сестер и вообще всех родственников, которые там остались... Они не эвакуировались и погибли во время оккупации – все 62 человека...»

После грустной паузы Арон Шмулевич продолжает: «Так вот, два старших брата, Лейб и Ноах, жили в местечке, работали. А чем занимались евреи в местечках? Это были в основном портные и сапожники. И братья были один – портным, другой – сапожником. Они вступили в Бунд. А бундовцы выступали против сионистов. Это всё было еще при старом режиме... Бунд был, конечно, запрещенным. До революции еврейская беднота вообще выступала против сионистов, потому что сионисты были более богатые – интеллигенция! Бунд считал, что это химера – создать еврейское государство, потому что та земля уже занята. И они стояли на том, что в каждом государстве евреи должны пользоваться такими же правами, как все остальные граждане.

Именно под влиянием своих старших братьев я перестал учиться на раввина, хотя очень любил еврейскую историю. Евреем же я был всегда, никогда не отказывался от еврейства...

В хедере я учился до 11 лет. В нашем местечке была единственная двухклассная школа, и в этой школе я впоследствии учился. Но отец очень рано умер – в 1918 году, и в 15 лет я пошел работать...»

О своей дальнейшей жизни Арон Шмулевич подробно не распространяется – так, «пунктиром»: работал на мельнице, вступил в комсомол, в 1923 году его направили учиться в Киев, на рабфак, который он окончил в 1925-м. Потом поступил в Киевский политехнический, учился на инженера-электрика...

Сын, Самуил Аронович, дополняет рассказ отца: сначала тот работал на Кавказе, потом был начальником электростанции во Владивостоке, где его застала война. В 1944-м отца перевели в Пятигорск. Вообще же на месте он сидеть не любил: из Пятигорска – в Подольск, потом – в Алма-Ату. И затем уже

приехал к брату в Сталинград. Работал в НИИ нефтегазовой промышленности, конструировал линии электропередачи, здесь вышел на пенсию. Жена умерла лет 15 назад...

В Волгоград он попал в 1961 году, уточняет Арон Шмулевич. Когда приехал, сразу стал интересоваться, где здесь евреи: «Тогда здесь было много евреев. Был один, Левин из Меджибожа, он нам всё рассказывал... Я специально ездил в Меджибож на могилу Баал-Шем-Това. Левин знал очень много молитв, был кантором, у него был очень хороший голос. Мы построили домик на еврейском кладбище и там молились. Это было в середине 1960-х годов. Купили еще один свиток Торы, десять талисов. А потом эти люди понемножку стали умирать... Спустя какое-то время молились у одной женщины-еврейки. Она жила здесь, на Кубанской улице, но потом и она умерла... Мы продолжали собираться на молитву, хотя нас осталось только пять человек. Потом появились другие люди, и оказалось, что половина из них не знает идиша, они знали иврит. Был там один, Тору нам читал по субботам. Звали его Довид Колотилин...»

Вновь и вновь Арон Шмулевич мысленно возвращается в свое местечко с романтическим названием Черный Остров: «У нас было четыре синагоги. Была большая, Хоральная. Туда ходили по праздникам, там был кантор. И каждый цех имел свою синагогу – портные, столяры, сапожники. И был бейс-мидраш, где молились хасиды. Они считали, что евреи днем и ночью должны изучать Тору. Бедные их жены всё время где-то подрабатывали, кашу им приносили. В Хоральную синагогу женщины не ходили. А вот в бейс-мидраш (он был двухэтажный – верхний этаж специально для женщин) в праздники ходили. Слушали, как мужчины молятся. Они не умели читать, но всё знали наизусть. Соблюдали субботу, кашрус. “В субботу и в праздники каждый еврей – как царь, он радуется” – есть такая песня. На субботу еврей должен обеспечить себе и рыбу, и свечи, и халу... Свечи зажигали по количеству детей: две большие – отец и мать, остальные – маленькие. А потом была вечерняя трапеза. Праздники у нас справляли очень хорошо...»

...Перед тем как уйти из дома старейшины, мы пели «Аतिकву» – все вместе, хором. Он рассказал: при царском режиме за то, что пели «Аतिकву», сажали в тюрьму. «А мы всё равно пели!» – гордо заявил он. Мы охотно поверили: хозяин дома не сбился ни разу – текст гимна он помнит, кажется, лучше всех нас...

È. Èaðíáíét

всех покорило потрясающее сопрано Анны Девяткиной. К этой певице в полной мере применимо слово «самородок». Впрочем, если вспомнить историю великих голосов мира, то все они «сделали себя сами». Анна не исключение: на первый взгляд «формула успеха» очень проста: большой природный талант, помноженный на каждодневный титанический труд...

Родом из далекой провинции, из райцентра Михайловка, Аня Девяткина, в то время уже мать двоих детей, поступила в Волгоградский институт искусств. Еще студенткой она была приглашена в «Царицынскую оперу» (тогда Волгоградскую оперную антрепризу). И – взлет карьеры! Виолетта в «Травиате» Верди, Джильда в его же «Риголетто», Марфа в «Царской невесте», Снегурочка в одноименной опере Римского-Корсакова... Участие в престижных конкурсах – всероссийском «Белла Воче», международном Собиновском фестивале, – учеба в Центре оперного пения у Галины Вишневской, победа в кастинге в Большом театре – ей поручена роль в «Волшебной флейте» Моцарта...

И вдруг – еврейский ансамбль «Адар», созданный ею недавно. Зачем это нужно оперной певице с красивейшим лирико-колоратурным сопрано, по ее же собственному признанию, безумно любящей свое дело – оперу?

Анна рассказывает: привела ее к еврейской музыке любовь к Востоку (например, на экзамене она пела арию царицы Савской), подсознательное стремление к еврейству. Она говорит: «Эту тягу я чувствовала интуитивно. Стала изучать книги – всё было понятно, близко. Как будто это всё когда-то было, но я забыла. Начала собирать по крупицам...»

После знакомства с равом Залманом и Яэль Йоффе возникла идея создать ансамбль. С Борисом Милявским, говорящим на идише, Анна начала заниматься языком. «Помимо знания языка, он хороший музыкант, владеет несколькими инструментами», – объясняет Девяткина. Пригласили скрипачку, пианистку. Получился профессиональный коллектив, хотя работают они совершенно безвозмездно.

«Адар» существует немногим больше года: дебютировали на Пурим, участвовали в фестивале «Клезфест–2006» в Петербурге, в 2005 году Анна получила лауреатство на еврейском фестивале «Золотая Ханукия» в Берлине. А визитную карточку ансамбля – песню «Катерина» – отобрали на международный конкурс! «Наш ансамбль задуман как ансамбль традиционной еврейской музыки. Мы захотели создать нечто живое, теплое. Община пошла нам навстречу. Мы находим здесь и отклик, и поддержку», – продолжает рассказ певица.

Ее талант, ее голос, ее облик трогают каждого и попадают в цель – прямо в сердце! Анна Девяткина – великолепная исполнительница еврейских песен из города на Волге...

È. Èàð'áí èí

ĂĀĎĪĒĪĒ Ē ŅŌĀĒĒĪ ĀĎĀĀĀ

Ā āreāāāāāreĒē āāāēreĒē řāreĒā āāōū āāēāēōāēūū ūā āēāĪ ūēĪŪ. ĒĪ āēāĪ ĪĪā ēāō. ĪĪē ĪāĪōĪĪōĪ āĪāōūā Īāāāā-ĪŪā ōĪ ĪŪā ē āĪ āāāō ĪōĪĪōāĪēŷō āĪĪōĪēĪ ūā ēĪāē. ĪĪē - ĪĪēōāēē ĪāĪ ŷōē Ī ōāō ĪāŪōēŷā, ēĪōĪōūā Īōāēē ēāāĪ āĪē: Ī āreĒā Ī ŅōāēēĪāāāreĒē āēōāā. ĪĪē Īāāāēēēē āēāā ōāō ēāō, ĪōōāĪ ēā ĪāĪ ūā āĪĪēēā :āēĪāā:āĪēēā ēā:āĪōāā āĪĪōāēē āĪĪĪ ō

ŅĀĒĀĀŌĀĒŪŅŌĀĪ ĒŅŌĪĎĒĒĀ ŲŅŌĒĎĒ ĒĪ×ĒĒĪĪĒ

Многие женщины, не покинувшие Сталинград во время войны, работали медсестрами в госпиталях, принимали раненых, рыли окопы. Одна из таких скромных героинь войны – Эсфирь Ефимовна Кочкина. По образованию она историк и, несмотря на немолодые годы, производит неизгладимое впечатление: одухотворенное лицо, прекрасная осанка, седые волосы тщательно уложены, одета с отменным вкусом.

Эсфирь Ефимовна говорит: «Наш город пережил очень много катаклизмов – и в годы становления советской власти, и во время Сталинградской битвы. Наше поколение пережило голод, холод и разруху». Себя она считает коренной сталинградкой, хотя родилась в Винницкой области, а на Волгу была перевезена в месячном возрасте: «В то время папа находился в армии, как раз шло определение границы с Польшей. Мама уехала сюда, а он приехал намного позже».

Эсфирь Ефимовна рассказывает о своей семье: отец – потомственный военный, служил еще во время Гражданской войны, был на стороне красных – она помнит, как в детстве отец рассказывал про Буденного. Звали его Ефим Григорьевич. «Он был очень честный, соблюдал все каноны. Но особенно верующим был дедушка, Израиль Коган. Сохранилась фотография, где он в кипе. После революции, когда закрыли синагоги, верующие люди собирались в разных домах, и каждый имел всё необходимое, чтобы совершать молитву. Молились в основном на идише, иврит мало кто знал».

Перед войной Эсфирь Ефимовна поступила в педагогический институт. Она говорит, что, даже будучи студентами, они чувствовали надвигающуюся угрозу. Шел 1940 год. Студенты активно сдавали нормы ГТО, на протяжении семи месяцев изучали терапию, полевую хирургию, а после окончания подготовки все получали удостоверения.

Когда началась война, весь их курс, 60 человек, пошел в военкомат: «Мы просили, чтобы нас взяли на фронт. Но нам сказали, что нужно учиться... Впрочем, из института мало кто не попал в армию. Многие погибли во время Сталинградской битвы».

Эсфирь Ефимовна продолжает свой рассказ: «Фашисты прорывались в разных местах, чтобы выйти к Волге. Был такой приказ: “Ни шагу назад!” Но и так никто не собирался уходить из родного города. Все горожане встали на его защиту. Поэтому немцы сразу даже не поняли, кто обороняет город, что это за

люди и откуда они взялись. Ополченцы Тракторного завода первыми вышли к реке, встали на защиту Сталинграда. Там не было еще наших войск, и они собой сдержали наступление! Перед мужеством, стойкостью этих людей с винтовками фашисты отступили. Я в это время была порученцем – доставляла распоряжения и почту из военной комендатуры. В ожидании войск комендатура действовала очень слаженно. Потом пошли поезда с ранеными. Сплошной поток...»

С ноября 1941 года бывшие студенты занимались приемом раненых. Все школы и институты Сталинграда были отданы для нужд госпиталей. По признанию Эсфири Ефимовны, это была жуткая картина: «Нам самим – лет по восемнадцать, и очень страшно было смотреть на обугленные трупы, на слепых, калек с оторванными ногами. Иногда поступали просто туловища... Так как мы имели образование, мы работали палатными сестрами. Делали всё, чтобы облегчить страдания, оборачивали их десятиметровыми бинтами, снимаешь – а там всё запеклось, кровь... Кто доходил до конца, терял сознание, потому что под бинтами копошились страшные белые черви – поедали живую плоть...»

Послевоенные годы тоже были нелегкими. Весь город был разрушен, особенно центральная часть. Тогда, вспоминает пожилая женщина, предложили воздвигнуть Сталинград на новом месте, а эти руины оставить как памятник. Но потом всё же решили восстанавливать, был составлен генеральный план. И восстановление стало задачей всех оставшихся в живых жителей города и тех, кто специально приехал из Москвы, Ярославля, Тамбова...

После войны Эсфирь Ефимовна сначала работала учителем. «Мы со школьниками ходили восстанавливать 51-ю школу. Там шли бои, погибло очень много людей. Нужно было разбирать завалы, убирать трупы. Таких групп, как наша, в Сталинграде было множество: заканчивался трудовой день – шли восстанавливать город, – вспоминает она. – Город “заново” складывался очень трудно. Коренных сталинградцев остался небольшой процент: кто умер, кто погиб. Те, кто приезжал восстанавливать город, здесь и оставались. Фронтвики тоже никуда не уехали. Для них это место стало родиной...»

Никуда не уехала и Эсфирь Ефимовна. И сегодня она, вместе с другими членами еврейской общины, продолжает восстанавливать разрушенную когда-то религиозную жизнь города на Волге.

І АЕАІ УЕЕЕ АІ ЕОІ Д

Эта удивительная женщина – маленького роста, но огромной жизненной силы и энергии. Несмотря на свои восемьдесят пять, Мария Абрамовна Яворовская (в девичестве Цемахович) – «заводила» всех общинных мероприятий. На праздники она поет и танцует (хотя ходит с палочкой), повсюду слышен ее звонкий голос. Она – ветеран Великой Отечественной войны, ветеран волгоградской еврейской общины, а также человек, хорошо знавший всех членов первого отряда космонавтов, в том числе Юрия Гагарина.

Одна из очевидцев Сталинградской битвы, Мария Абрамовна так рассказывает о военных годах: «Сначала проводила на фронт братьев и мужа – военного летчика, с которым расписалась буквально накануне войны, а в августе 1941 года пошла служить сама. После общения с беженцами с Украины и Польши, рассказавшими о том, что делали нацисты с евреями, я сказала: лучше умру от пули, чем от издевательств этих извергов».

Мария Абрамовна была маленького роста и хрупкого телосложения, в военкомате на просьбу отправить на фронт ей ответили: «Носилки не поднимешь...»

«Я пришла в госпиталь, а там в кабинете сидит врач Лившиц. Он на меня посмотрел и говорит: “Что я с тобой делать буду? Ты же маленькая такая...” А кто-то в это время зашел и обратился к нему по имени-отчеству: “Абрам Моисеевич”. Я говорю: доктор, вы же мне за папу будете, у меня папу звали Абрам Моисеевич, умер недавно... Он поцеловал меня в щечку и сказал: “Дитя ты мое...” В общем, так я в госпитале и осталась. Меня называли “маленький доктор”».

Госпиталь располагался в школе № 19 на улице Советской и специализировался на контуженых и раненных в конечности. За четыре месяца Мария Яворовская прошла срочные курсы медсестер при мединституте, и старшая медсестра Рая Фролова взяла ее в бригаду, которая проработала до самой Победы.

Каждый раз, когда привозили раненых, все искали среди них родных. И однажды случилось чудо: Мария Абрамовна среди раненых увидела мужа... «Его самолет подбили. Начальник госпиталя позвонил и сказал, что сейчас ему отдельно поставят койку и штorkу – я же всё-таки законная жена», – вспоминает она.

Наверное, сама судьба подарила ей эту встречу, после которой муж снова пошел воевать, а она 7 апреля 1944 года родила дочь Лилю. Но это случилось позже, уже в Хакасии, куда «маленького доктора» отправили сопровождать эшелон с ранеными. А с 18 августа в Сталинграде начались вражеские налеты, страшные бомбежки. Мария Абрамовна вспоминает, как под бомбами относили раненых к Волге и грузили на баржи для эвакуации на другой берег: «Многих убивало тут же, Волга была красная от крови...»

После окончания войны, в 1946 году, муж Антон Алексеевич нашел ее с дочерью в Черногорске, привез в Сталинград, но самого его отправили служить в Грозный, начальником воздушно-тренировочного центра. Мария Абрамовна осталась в разрушенном городе. Люди селились в землянках, которые рыли на том самом месте, где когда-то стояли их дома. Так она нашла свою сестру – в землянке на месте сгоревшего дома, в котором когда-то жила большая семья Цемахович: папа Абрам Моисеевич, мама Лидия (Ита) Абрамовна и 11 человек детей. «Это ужас был, что пережили сталинградцы. Всем досталось...» – вздыхает Мария Абрамовна.

Р. Абрамовна.

Помотало ее по Советскому Союзу с мужем-летчиком предостаточно: из Грозного переехали в Красный Кут, потом в Мичуринск. В конце концов всё-таки осели в родном Волгограде – мужа перевели преподавать в знаменитое Качинское летное училище, выпускниками которого стали многие известные летчики и космонавты. Со многими из них Антон Алексеевич дружил, они считали себя его учениками.

*А. А. Оао аәіа аоо: аао і аааеу еіт ііаао іа іа: аеуі еео Еа: еііеіа еао і іа о: ееуа і іеіа і еео
І аеаао А. Баі днее а оіа о да*

1970 а а

Мария Абрамовна перебирает фотографии из семейного альбома: вот Валера Быковский, вот Володя Шаталов, все фото – с дарственными надписями. А вот фотография Юрия Гагарина, в 1964 году с ним и другими космонавтами они с мужем отдыхали в Сочи в санатории. Были там и Леонов, еще не слетавший в космос, и Андриан Николаев с женой Валентиной Терешковой, у которых как раз родилась маленькая дочка, и многие ребята из первой «космической когорты». Как-то Гагарин пригласил Марию Абрамовну танцевать. Она с удовольствием вспоминает этот танец с галантным Юрием Алексеевичем и его ослепительную улыбку...

Здоровья вам, Мария Абрамовна, – «маленький доктор», человек большой судьбы!

Е. Еао іа еі

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ АВГУСТА

2 АВГУСТА

105 éàò ìí áíŷ ðíæääíéŷ физика, члена Лондонского королевского общества и Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института, автора работ в области металлургии **Эгона Орована** (Orowan; 1901, Будапешт – 1989, Кембридж, США).

7 АВГУСТА

100 éàò ìí áíŷ ðíæääíéŷ философа, члена Американской академии искусств и наук и Британской академии, профессора Гарвардского университета, автора работ в области аналитической философии **Нельсона Гудмена** (Goodman; 1906, Соммервиль, США – 1998, Нидхэм, США).

15 АВГУСТА

85 éàò ìí áíŷ ðíæääíéŷ государственного деятеля и предпринимателя, министра торговли и производства Великобритании, директора корпорации «Шелл» **Эдмунда Эммануэля Делла** (Dell; 1921 – 1999, Лондон).

20 АВГУСТА

60 éàò ìí áíŷ ðíæääíéŷ государственного деятеля, министра экономики, финансов и промышленности, премьер-министра Франции **Лорана Фабиуса** (Fabius; р. 1946, Париж).

21 АВГУСТА

190 éàò ìí áíŷ ðíæääíéŷ химика, члена Лондонского королевского общества и Парижской АН, профессора университета в Монпелье и Страсбургского университета, установившего формулы воды, серной, азотной и уксусной кислот, хлорида калия и др., разграничившего понятия молекулы, эквивалента и атома, предложившего обобщенную теорию типов, согласно которой все соединения можно рассматривать как производные водорода, хлороводорода, воды и аммиака, предсказавшего существование и затем открывшего новые органические соединения, **Шарля Фредерика Жерара** (Gerhardt; 1816 – 1856, Страсбург).

85 ёаò ì ã äü ðæääéý биолога, члена Национальной АН США и Датской королевской академии наук и литературы, профессора Чикагского и Гарвардского университетов, автора работ в области тонких механизмов фотосинтеза **Лоренса Богорада** (Bogorad; 1921, Ташкент – 2003, Пуэрто-Вальярта, Мексика).

23 АВГУСТА

110 ёаò ì ã äü ðæääéý экономиста, члена Парижской АН, исследовавшего функционирование рыночного хозяйства, сторонника усиления роли золота в международной торговле **Жака Рюэфа** (Rueff; 1896 – 1978, Париж).

26 АВГУСТА

55 ёаò ì ã äü ðæääéý физика, члена Национальной АН США, профессора Принстонского университета и Института передовых исследований в Принстоне, автора работ в области теории струн и квантовой теории поля, лауреата Филдсовской премии 1990 года, обладателя Национальной научной медали США **Эдварда Уиттена** (Witten; р. 1951, Балтимор).

28 АВГУСТА

95 ёаò ì ã äü ðæääéý композитора, педагога, народного артиста Молдавии, одного из организаторов Кишиневской консерватории, основоположника молдавского музыкального театра, автора первой молдавской оперы «Грозован», балета «Радда» и др. **Давида Григорьевича Гершфельда** (1911, Бобринец Херсонской губ. – 2005, Брейдентон, США).

100 ёаò ì ã äü ðæääéý экономиста, демографа, статистика, публициста, профессора МГУ, автора работ в области развития народонаселения, экономической демографии, демографических прогнозов и демографической политике, общей теории статистики **Бориса Цезаревича Урланиса** (1906, Киев – 1981, Москва).

30 АВГУСТА

100 éàò ì ãÿ ðæääéÿ математика, члена АН Баварии и Австрии, профессора Калифорнийского технологического института, автора работ в области теории чисел **Ольги Таусски-Годд** (Taussky-Todd; 1906, Олмюц, Австро-Венгрия – 1995, Пасадена, США).

5.VIII 150 АХАД ГА-АМ:

ГЛАВА ТАЙНОГО ОРДЕНА

*І аі і і а і а е а о і а а і а і а е а о а і е д а, і і і і а і і і о о а і е е е е і і і о а е і і і і а і а і о а і і.
І і і і о і е і о а і д е і е і а е і і і і і а, і а і а е і і і і а е і е у е а і а і і о д і о е д а е, і о і і а а у а і і а і і, е а і
е і а а е і і і о у і а і і е і е і а а і о е і а е а о. Е а е а і е а і і і і о і о а у і і о е о а і В а о і а і о а, і о і д а а у і і і а
і і а а і і а і а і і е о о а о е е і а о і і і е с а і і е о і е а і е, у і а а е і а а і і і е і і е о і а і о ф, а і і і о ф е е і і і а е е і і і
а і е і о і а і а і і а, с а е і а е і і і а о а е і і і і а а а е і і е і і о а і і і «А і а е І і о а».*

В 1889 году Иеошуа Барзилай, российский сионистский деятель, проехав по Эрец Исроэл, вернулся в Одессу крайне огорченным. Положение еврейских сельскохозяйственных поселений оставляло желать лучшего, а общее состояние дел в новом, небольшом по размерам ишуве было близко к упадку. Причиной, по мнению Барзилая, было отсутствие национального духа, скрытой пружины любого движения. Его взгляды полностью совпадали с позицией Ахад Га-Ама, которого он сумел убедить в необходимости создания тайного общества. Целью общества, построенного по образцу масонского ордена, должно было явиться нравственное возрождение еврейского народа и его возвращение на историческую родину после серьезной духовной подготовки.

Ложи «Бней Моше» («Сыновья Моисея»), состояли, по меньшей мере, из пяти членов, возглавляемых руководителями и советниками. В качестве языка заседаний был принят иврит, знание этого языка было обязательным для всех новых членов. Несмотря на свою малочисленность (около 160 человек), орден оказывал значительное влияние на массовое движение «Ховевей Цион». Практические, то есть ставшие известными широкой публике, достижения ордена выразились в организации учебных заведений, дающих светское образование на иврите в Эрец Исроэл и других странах. Орден способствовал изданию антологий на иврите в России и в Эрец Исроэл, основал процветающее издательство «Ахиасаф». В 1893 году руководство ордена переместилось в Яффу, и его члены заложили в прибрежной зоне новое поселение – Реховот.

Официальная история ордена заканчивается 1897 годом, когда первый Сионистский конгресс в Базеле дал новый толчок еврейскому национальному движению. С этого года над деятельностью ордена опустилась плотная завеса тайны. Известно, что Ахад Га-Ам оставался духовным вождем «Бней Моше» на протяжении всего времени открытого существования ордена.

Ошер-Гирш Гинцберг (известный под псевдонимом Ахад Га-Ам, то есть «один из народа») родился в 1856 году в небольшом украинском городке Сквире. Он получил традиционное еврейское воспитание в доме отца-хасида, богатого торговца. В раннем возрасте Ошер Гинцберг увлекся

средневековой еврейской философией, особенно сочинениями Рамбама. Большое влияние на него оказали также книги деятелей Хаскалы. Возможно, именно под их влиянием он отошел от религии и проникся духом европейского рационализма.

В 1884 году Гинцберг поселился в Одессе и примкнул к движению «Ховевей Цион», руководимому Л. Пинскером. В ту пору властителями умов одесских палестинофилов были такие гиганты, как Менделе Мойхер-Сфорим, Бялик, Клаузнер, Равницкий. Но даже на их фоне Гинцберг быстро приобрел репутацию эрудита и оригинального мыслителя. Спустя год его уже прочили в наследники самому Пинскеру. Однако первая же статья Ахад Га-Ама «Не тем путем» (1889) сурово критиковала основные концепции «Ховевей Цион». Вместо призыва к немедленному переселению в Палестину Ахад Га-Ам предлагал воспитательную работу, которая приведет к более сознательной и целеустремленной деятельности по заселению страны.

Оживленная полемика, вызванная статьей, привела Ахад Га-Ама к решению заниматься публицистикой. Большая часть его статей того времени посвящена проблемам еврейской культуры и заселению Палестины.

Высprenность первого Сионистского конгресса в Базеле пришлась не по духу Ахад Га-Аму.

– Зачем понадобилось такое громкое слово, как «конгресс»? – удивлялся он. – Разве нельзя было назвать этот съезд совещанием или конференцией?

Это очень характерное для философии Ахад Га-Ама замечание. Вся она направлена внутрь человека, она призывает к усовершенствованию его моральных качеств, к скромности, требует, подобно древним пророкам, добродетели и чистоты.

Несмотря на свою принципиальную внерелигиозность, философия Ахад Га-Ама находила выражение посредством использования традиционных религиозных понятий. Она отличалась от идеологии рабочего движения мистическими упованиями на будущее, а вдохновение черпала в древних мотивах искупления, паломничества и возрождения. У последователей Ахад Га-Ама принято было даже менять свои имена, что символизировало обновление души. Именно тогда сам он, Ошер Гинцберг, начал называть себя «одним из народа».

Возникновение в Палестине еврейского государства было важной, но не главной из его задач. Ахад Га-Аму хотелось «духовного средоточия», которое стало бы для всего народа Израилева таким же единым центром, каким прежде был Г-сподь. Такое средоточие было бы «наставником во всех житейских делах», достигало бы «самых глубин сердца» и «объединяло бы все чувства человека». Вместо того чтобы тянуться к трансцендентному Б-гу, евреям следовало исполнять свои мечты в этом мире. В философии Ахад Га-Ама святость покинула Небеса – Палестина стала «святой землей» в прямом смысле слова.

В 1922 году Ахад Га-Ам переселился в Палестину. Здесь он выпустил собрание своих работ и шеститомное издание собственных писем, а также работал над мемуарами.

Умер он в 1927 году, в Тель-Авиве, окруженный почетом и уважением. Однако ни реальной политической власти, ни сколько-нибудь серьезного движения создать ему не удалось. Победил политический сионизм – никто не хотел ждать того блаженного момента, когда весь еврейский народ будет «перевоспитан» и поймет важность приверженности законам морали и справедливости.

Про деятельность ордена «Бней Моше» после его официального роспуска ходят самые таинственные слухи. Некоторые утверждают, будто мощная сплоченность современных израильских СМИ вокруг левой политической идеологии объясняется тем, что ведущие журналисты принадлежат к ордену. Его бывший глава, Ахад Га-Ам, раньше других понял, какую роль будут играть еще только зарождавшиеся средства массовой информации, и сориентировал деятельность ордена на приобретение кадрового контроля над ними.

Ни подтвердить, ни опровергнуть эти слухи нельзя. Скорее всего, рассказы о секретной организации, управляющей прессой, а через нее и всем государством, относятся к разряду баек о всемирном сионистском заговоре. Если «Бней Моше» и продолжают свою работу, то на очень законспирированном уровне, и чем они действительно занимаются – известно лишь посвященным.

Но всё-таки он существовал, настоящий еврейский тайный орден! Только, в разрезе с антисемитскими домыслами, цель его заключалась не в мировом господстве, а в повышении морали собственного народа. Цель, которую может начертать на своем знамени любая партия любого государства.

Βετὰ Οὐρανὸν

ААРОН СПЕЛЛИНГ: ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ СЕБЯ САМ

Ī ĀÊDĪ ĒĪ Ā

Вечером 23 июня в Лос-Анджелесе, после перенесенного инсульта, скончался знаменитый американский телевизионный продюсер Аарон Спеллинг – автор большинства популярных сериалов второй половины XX века. Его имя вряд ли может сказать что-нибудь рядовому зрителю, но он был настоящим столпом американской телеиндустрии и, согласно Книге рекордов Гиннеса, самым плодовитым продюсером всех времен и народов.

На счету Спеллинга несколько театральных постановок, семьдесят сериалов и более ста сорока телефильмов – в общей сложности около трех тысяч восьмисот телевизионных эпизодов. Если задаться целью пересмотреть все его работы, то при круглосуточном просмотре пришлось бы сидеть перед телевизором не меньше полугода. «Твин Пикс», «Бeverли Хиллз 90210», «Ангелы Чарли», «Зачарованные», «Сансет-Бич», «Династия», «S.W.A.T.», «Саванна», «Мелроуз-Плейс» – за последние пятнадцать лет эти сериалы были не раз прокручены по телевидению не только в США, но и в Европе и России. А еще Спеллинг первым из продюсеров попал в Музей радио- и телевидения и получил Lifetime Achievement Award от People's Choice Awards. Кроме того, он награжден Television Academy of Arts & Sciences, The Writer's Guild of America, The NATPE Lifetime Achievement Award и множеством других теле- и кинонаград.

Его часто называли self-made man – «человек, который сделал себя сам». И действительно: отпрыск бедной многодетной семьи еврейских эмигрантов из России, родившийся в гетто Далласа в 1923 году, начинавший в кинематографе «мальчиком на побегушках», он быстро стал одним из самых богатых и могущественных людей в Голливуде. Его дом в одном из престижных районов Лос-Анджелеса Холмби-Хиллз давно стал притчей во языцех и дежурным примером вызывающей – даже по меркам Голливуда – роскоши. Сто двадцать три комнаты общей площадью почти три с половиной тысячи квадратных метров, спортивный комплекс с огромным бассейном, катком, залом для игры в боулинг и тренажерным залом, кинотеатр, музей кукол и многое другое, что красноречивее слов свидетельствует о состоянии владельца. На все обвинения в кичливости в свой адрес глава телевизионной империи невозмутимо отвечал, что богатство он заслужил упорным трудом и не собирается скрывать его в угоду «странной новой морали» и корректности любого толка. Аарон Спеллинг был одним из самых ярких представителей того поколения американцев, которые, пробившись наверх, могли позволить себе многое: он, например, всю жизнь беззастенчиво продвигал вперед своих детей Рэнди и Тори. Благодаря ему и его сериалам Америка знает их как популярных актеров.

Взлет его был стремительным. Спеллинг со своим партнером Дэном Томасом основал компанию Thomas-Spelling, из которой впоследствии «вылупилась» знаменитая корпорация Spelling TV Inc. В это время он получил почетное прозвище Starmaker – «звездодел»: в его сериалах и телепрограммах впервые засветились многие сегодняшние мегазвезды американского кинематографа – такие, как Ник Нолти или Джон Траволта.

У продюсера действительно было феноменальное чутье на успех: он, как никто другой, мог угадать, что именно «пойдет» у телезрителей, и снимал то, что требовалось, будь то комедия или мелодрама, шпионский боевик или научная фантастика. Не случайно вокруг мастера, с целью поучиться уму-разуму, перенять опыт и навыки, постоянно крутилась целая толпа молодых продюсеров, среди которых сегодня особенно выделяется Даррен Стар, автор идеи «Секса в большом городе».

В одном из своих интервью Аарон Спеллинг высказал предположение, что на его надгробном камне будет высечено: «Отец Тори, муж Кэнди, продюсер “Ангелов Чарли”» – эти три пункта он сам считал главными достижениями своей бурной и долгой жизни.

Ī ēēīēāē Ī āūēēīā

ИЗ АВГУСТОВСКОЙ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

יְיָ הוֹדִיעַ לְעַמּוּנוֹ אֵת כָּל אֲשֶׁר עָשָׂה לָנוּ בְּיַד מִצְרַיִם וּבְיַד אֲשֶׁר עָשָׂה לָנוּ בְּיַד מִצְרַיִם

Мне хотелось бы вспомнить на страницах вашего журнала об одном неординарном человеке, с которым я связан родственными отношениями. Моя бабушка по материнской линии Мария Михайловна Лемберг (урожд. Эйзлер) приходилась родной сестрой жене Иосифа Слонимского. Это был замечательный человек, жил он на рубеже XIX–XX веков в Петербурге, на Фурштадтской улице, имел собственный трехэтажный особняк. Иосиф Слонимский был известен как портной мужского платья экстра-класса, по некоторым данным, даже «поставщик Двора Его Величества». Но в среде людей творческих он слыл бескорыстным любителем искусств и меценатом, поддерживавшим молодых талантов. В его доме на Фурштадтской собирались молодые художники, поэты, музыканты, впоследствии ставшие гордостью российской культуры. Среди тех, кто там бывал, К. И. Чуковский и С. Я. Маршак, а уже в начале 1930-х годов здесь нередко можно было встретить И. Дунаевского. Еще мне приходит на ум имя выдающегося портретиста Исаака Израилевича Бродского: он написал большой портрет жены портного (сестры моей бабушки). Этот портрет и несколько пейзажей кисти Бродского я видел в маленькой квартирке дочери И. Слонимского Рахили в предвоенные годы. Квартирка находилась в доме ее отца – это всё, что ей осталось от принадлежавшего семье особняка. Увы, в войну в дом попала бомба, и работы Бродского погибли вместе с особняком выдающегося портного и любителя искусств.

Несколько слов о судьбе детей Иосифа Слонимского. Их было четверо, всем им отец дал достойное образование, которого сам был лишен. Сыновья его – Бенья и Тука, как звали их дома, – один стал инженером, другой – театральным критиком, специалистом по балету. Дочь Сусанна стала талантливой пианисткой, преподавала в музыкальной школе. Мужа ее, врача, в 1939 году призвали в Красную Армию, служил он в Бресте. В июне 1941 года Сусанна поехала к нему, намереваясь пробыть там всё лето. Вместе они и погибли. Дочь Рахиль тоже была одарена музыкально, а уже сын ее, Александр Михайлович Таубер, стал художником-декоратором одного из ленинградских театров.

Такова вкратце история этой в чем-то необычной, а в чем-то узнаваемой еврейской семьи: ведь нередко именно в еврейских семьях творческая одаренность проявляется во многих поколениях, а наследуется от предков-ремесленников, сапожников и портных, читавших Тору и живших в лоне традиции.

ע. נאָעם־אײ,

אײַזער־אײ, אײַזער־אײ

Áîçðàùáÿññé íáíá:àòáíííó

* * *

Порадовала оперативность, с которой читатель Д. Беккер из Новороссийска откликнулся на ошибку, допущенную Велвлом Черным, а журнал опубликовал отклик (см. «Лехаим», 2006, № 5 и № 6).

Перевод стихотворения, о котором идет речь, я помню по книге Л. Квитко «Стихи», изданной в 1949 году. Наверное, ее изъяли из библиотек...

Áùσéà òíçýéè, í áíÿ ííçáèè,

Ì íá ííðñííéé, ííñíàòùääè:

Èðñáé í í:áí úö,

Èàðòíσáé òíë:áí úö,

Ì:èñòíé ññ:í úö,

Ìíí íáá í íéí:í úö.

Òíçýéè ÷áσáò ùáíéíð

Ì íð ùàòéíó éðáíéçð

È ñáíòèò:

«Ì áéÿÿ òááàòù

Ì áéÿÿ òááàòù

Èóáà òááÿ - òááíá - áàòù?»

Áíò òáé, ííéáí áñò, í áíÿ òíéÿò,

Á ÷áñíáñòáíáò - íáííáéÿáÿò:

Ì áíÿ çàðáεεòò,

Ì áíÿ íñ íéÿò,

Ì áíÿ çáεáðÿò -

È - àí! - ñíááÿò.

È. Í áéáðù

Èéáá

* * *

В «Лехаиме» № 12 за 2005 год я прочел очерк «Сюжет для Спилберга, который не надо придумывать» о Ноахе Сурице.

Я родился в Риге, в 1925 году, в состоятельной еврейской семье. Пережил 17 июня 1940 года, когда советские танки прогромыхали по мостовым Риги, арест, депортацию, ссылку в Сибирь, гибель отца в лагере и многое другое. Всё описано в моей книге «Во власти своей судьбы» (Петрозаводск, 2000). Но не это главное и не обо мне письмо.

В 2005 году в Риге вышла книга Александра Бергмана «Записки недочеловека». Я с автором учился в одной школе, он был моложе меня на год. Отец его Жан Михайлович Бергман был директором этой школы. С Сашей Бергманом мы неоднократно встречались после войны в Риге, а в 1990-х годах – в Израиле. Он прошел все «круги ада» в «малом» гетто Риги, в концлагерях Кайзервальд, Штутгоф, Бухенвальд. Саша потерял мать, отца, брата. От него я узнал, как погибла моя старшая сестра с двумя малыши детьми, ее муж, все мои родные и близкие...

В Израиле живет еще один очень дорогой мне человек – Макс Гуткин. Мы с ним учились в одном классе той же рижской школы. Он прошел тот же путь, что и Саша Бергман, с теми же потерями.

Я решился написать вам, потому что хотел хотя бы назвать этих людей на страницах вашего журнала.

А. Евэ,

Ī àò òĭ çààĭ àĭĕ